

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 7 2023 (ИЮЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

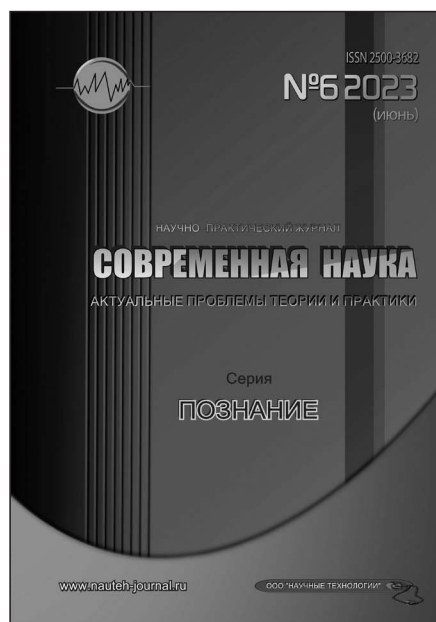
Подписано в печать 10.07.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №7 (июль) 2023 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Ван Чуньхун – Культура повседневного досуга и отдыха в современной России
Wang Chunhong – Culture of everyday leisure and recreation in modern Russia 5

Галимова Н.В. – Традиции знакопользования в этнокультуре народов Северного Кавказа
Galimova N. – Traditions of sign use in the ethnoculture of the peoples of the North Caucasus 8

Кириллова Н.Б. – Цифровая культура как новая социально-антропологическая реальность и проблемы идентичности
Kirillova N. – Digital culture as a new Socio-anthropological reality and identity problems 13

Мотин Д.В. – Влияние фрейдистских идей на драматургию и творчество Теннесси Уильямса
Motin D. – The influence of freudian ideas on the playwriting and work of Tennessee Williams 19

Мотин Д.В. – Иррациональные мотивы в поведении персонажей пьесы Теннесси Уильямса “Стекланный зверинец”
Motin D. – Irrational motives in the behavior of the characters plays by Tennessee Williams “The glass menary” 24

Намжилова Е.С. – Теоретико-методологические подходы к изучению летописного наследия бурят
Namzhilova E. – Theoretical and methodological approaches to the study of the Buryat chronicle heritage 27

Острикова М.В. – История развития креативных кластеров в современной культуре: причины и последствия их появления
Ostrikova M. – History of creative clusters in contemporary culture: causes and consequences 32

Се Хуэй, Ван Хайфэн – Продолжение и сохранение народных ремесел северных этнических меньшинств в бассейне реки Хэйлунцзян
Xie Hui, Wang Haifeng – Continuation and preservation of folk handicrafts of northern ethnic minorities in the Heilongjiang river basin 36

Цао Хэ – Настоящий нефрит как традиционный материал в искусстве и культуре Китая
Caο He – Real jade as a traditional material in China art and culture 39

Психология

Леденцова С.Л., Назирова Е.В. – Причины патологического неограниченного сексуального поведения девушек подросткового возраста
Ledentsova S., Nazirova E. – The reasons for the non-normative unrestricted sexual behavior of teenage girls 42

Трусова Е.А. – Репродуктивное поведение личности: факторный анализ
Trusova E. – Reproductive behavior of personality: factor analysis 50

Цветкова Н.А., Крекер М.Ю. – Матери, выросшие в многодетных семьях: особенности взаимодействия с собственным ребенком-младшим школьником
Tsvetkova N., Kreker M. – Mothers growing in large families: peculiarities of interaction with their own child-junior schoolchildren 54

Философия

Власенко К.И. – Роль неопределенности в герменевтике субъектности и субъективности
Vlasenko K. – The role of uncertainty in the hermeneutics of subjectivity and subjectivity 62

Клочков В.П., Эрдынеева К.Г., Фролова М.И., Клочков С.В. – Полихотомии и их частные версии в гуманитарных науках <i>Klochkov V., Erdyneeva C., Frolova M., Klochkov S.</i> – Polychotomies and their special versions in the humanities 67	Ястржембский С.В. – Постсоветский протестантизм в России в трудах российских исследователей <i>Yastrzhembsky S.</i> – Post-soviet Protestantism in Russia in the works of Russian researchers 83
Нетребская О.Н. – Лингвистический поворот в русской философии <i>Netrebskaya O.</i> – The linguistic turn in Russian philosophy 71	Яценко М.П., Зайнулин С.Ф., Морозова О.Ф., Панасенко Г.В., Пискорская С.Ю., Рахинский Д.В. – Информационное общество как причина и следствие расширения образовательного пространства <i>Yatsenko M., Zainulin S., Morozova O., Panasenko G., Piskorskaya S., Rakhinsky D.</i> – Information society as a cause and consequence of the expansion of the educational space..... 87
Самойлов Д.И. – О предпосылках к подмене традиционных духовно-нравственных ценностей и способах противодействия этому <i>Samoylov D.</i> – About the prerequisites to the substitution of traditional spiritual and moral values and ways to counter this 77	Информация
Смирнов С.В. – Своеобразие интерпретации экологических аспектов субъектности человека в историко-философском контексте <i>Smirnov S.</i> – Unique interpretation of environmental aspects of human subjectivity in the historical and philosophical context 80	Наши авторы. Our Authors..... 94
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 95

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОГО ДОСУГА И ОТДЫХА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ван Чуньхун

Доцент, Цзилинский педагогический университет
(Сыпин, КНР)
wbcd123@sina.com

CULTURE OF EVERYDAY LEISURE AND RECREATION IN MODERN RUSSIA

Wang Chunhong

Summary: The article is devoted to the study of the phenomenon of the culture of everyday leisure and recreation in modern Russia. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. It is indicated that leisure is one of the components of a person's life creation, the organization of which is carried out depending on his strategic life guidelines and individual request for the desired good, the request of the social, as well as on the cultural trajectory set by time, the state, social institutions and other interested entities. The leisure trend created by society for a long time formulates a broadcast cultural image of the country (for example, the most reading country in the world). According to the author, everyday leisure acquires a different conceptual meaning if we consider it as part of the idioculture of a separate person – an individual, which is formed and develops depending on his social and economic status, macro- (for example, marital status) and micro-environmental (for example, the influence of the environment), in which he went through the early stages of socialization and lives in adulthood) of direct influence factors. It has been suggested that the choice of a daily pastime option, and at the same time the ideological culture of a person's leisure, is also and continues to be influenced by indirect factors, such as epidemiological and political ones. At the same time, it is concluded that, regardless of the prospective dynamics of the process of transformation of the idioculture of leisure, its inherent value for Russians will always remain a priority.

Keywords: culture, leisure, recreation, leisure metaculture, ecocentrism, cultural image, pastime.

Аннотация: Статья посвящена изучению феномена культуры повседневного досуга и отдыха в современной России. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Указывается, что досуг – это одна из составляющих жизнестворчества человека, организация которой осуществляется в зависимости от его стратегических жизненных ориентиров и индивидуального запроса на желаемое благо, запроса социального, а также от культурной траектории, заданной временем, государством, социальными институтами и другими заинтересованными образованиями. Досуговый тренд, создаваемый обществом на протяжении длительного времени, формулирует транслируемый культурный образ страны (например, самая читающая страна в мире). По мнению автора, иной концептуальный смысл повседневный досуг приобретает, если рассматривать его как часть идиокультуры отдельной личности – индивида, которая формируется и развивается в зависимости от его социального и экономического статуса, макро- (например, семейное положение) и микросредовых (например, влияния среды, в которой он проходил ранние этапы социализации и проживает во взрослом состоянии) факторов прямого влияния. Высказано предположение о том, что на выбор варианта ежедневного времяпрепровождения, а вместе с тем и на идеокультуру досуга человека также оказывают и продолжают оказывать влияние косвенные факторы, такие как эпидемиологический и политический. Одновременно с этим, заключено о том, что вне зависимости от перспективной динамики процесса трансформации идиокультуры досуга, его самоценность для россиян всегда будет оставаться в приоритете.

Ключевые слова: культура, досуг, отдых, идиокультура досуга, идиоцентризм, культурный образ, времяпрепровождение.

Тренды досуговой деятельности являются одним из преломлений **культурного образа** общества, формируемого национальными традициями и эпохой. Действительно, как в свое время указывал итальянский ученый А. Печчеи, «защита и сохранение культурных особенностей народов и наций совершенно справедливо объявлены <...> ключевым моментом человеческого прогресса и самовыражения» [10, с. 29]. Безусловно, индустриальные процессы и урбанизация, особенно в последние десятилетия, оказали существенное влияние на картину мира и картину социальной реальности общества, однако, культурно-досуговая инклюзия не только не утратила своей актуальности, но и сформулировала качественно новые альтернативы отдыха – от просмотра online-трансляций концертов классической музыки до виртуальных туров по закрытым музеям и галереям, от

чтения оригинальных древних текстов до участия в этнических фестивалях [8, 12]. Однако, даже в условиях вседоступности и разнообразия досуга и отдыха, в разрезе ежедневных практик времяпрепровождения, культурный «фон» меняется, транслируется совершенно другой социальный тренд.

Согласно мнению французского социолога Ж. Дюмазедье, досуг есть «совокупность занятий, которым личность может предаваться по доброй воле, чтобы отдыхать, развлекаться, развивать свою информированность и образованность, свое добровольное социальное участие, будучи свободным от профессиональных, семейных и общественных обязанностей» [4, с. 234]. Одновременно с этим, **самоценность досуга**, продолжает автор, становится центральным звеном наступающей цивили-

зацией, в скрытой или явной форме взаимодействуя со всеми сферами жизнедеятельности: общественной, трудовой, культурной, политической, личной жизнью [3]. Таким образом, досуг есть одна из составляющих жизнетворчества человека, организация которой осуществляется в зависимости от его стратегических жизненных ориентиров и индивидуального запроса на желаемое благо, запроса социального (социально-одобряемые виды досуга), а также от культурной траектории, задаваемой государством, социальными институтами и другими заинтересованными образованиями. Общий тренд, задаваемый обществом в отношении досуга и отдыха, и является отражением культурного образа этого общества (нации) [6]. Так, например, согласно результатам опросов Международный институт маркетинговых исследований GFK (2021), КНР и Россия признаны лидерами в топ-10 самых читающих стран мира [13].

Однако, иной феноменологический контекст приобретает досуг, как отражение **идиокультуры**. В трактовке американского социолога Г. Файна, под идиокультурой понимается система знаний, представлений, моделей поведения, привычек, ценностей и интересов индивида и его ближайшего окружения, в нашем случае, в отношении отдыха или иных видов времяпрепровождения, направленных на удовлетворение своих потребностей в конкретном благе [5, с. 128]. Следуя же логике английского психолога Г. Триандиса, идеокультурный тренд, задаваемый обществом, есть следствие **идиоцентризма**, проявляемого в желании его представителей поставить себя в центр своих интересов, преследовать личные цели, дистанцироваться от группы во благо личной свободы и независимости [5, с. 129].

Так, проводимые в последние годы социологические исследования свидетельствуют об ощутимой стагнации популярности социально активных видов досуговой деятельности, таких как посещение баров и ресторанов, концертов, спектаклей, выставок и проч., и преобладании тренда субъектности в выборе способов отдыха и развлечений. Так, согласно данным совместного исследования Fix Price и Vector Market Research (2022), самыми популярными видами досуга и отдыха являются кулинария (23%), путешествия (23%) и чтение книг (22%). В перечень популярных увлечений также вошли спорт и танцы, выращивание комнатных растений, просмотр сериалов, рукоделие, шоппинг, уход за домашними животными и компьютерные игры [1]. В свою очередь, согласно результатам опроса ВЦИОМ (2022), чаще всего

россияне общаются с друзьями или занимаются домашним хозяйством (35%), проводят время на природе (33%) и занимаются с детьми (32%). Также респонденты отмечали, что в свободное время предпочитают работать на даче (31%), слушать музыку, читать книги (31%), проводить время за компьютером (30%), смотреть телевизор, слушать радио (28%) [11].

Относительно **трендов ежедневного досуга и отдыха**, их иллюстрируют, например, опросы «Левада-центра» (2019) наиболее популярный ежедневный досуг жителей России – это просмотр сериалов и фильмов (53%), встречи с друзьями (30%), визиты к родственникам (30%). Наименее популярными видами досуга стали посещение театров, музеев и концертов (2% россиян предпочитают такой отдых, однако, не чаще раза в неделю) [9]. Немного иные результаты показал опрос ВЦИОМ (2022), согласно которому ежедневно гулять в парке, лесу и на поле предпочитают 87% россиян, 73% – сообщили, что любят готовить, 70% – в свободное время любят фантазировать и мечтать, столько же – предпочитают оставаться наедине с самим собой. Трое из четверых респондентов (69%) сообщили, что любят решать кроссворды, 67% – предпочитают спать [2].

А.В. Каравай, в результате анализа факторов, влияющих на выбор ежедневной досуговой деятельности, пришла к заключению о том, что компонент активности в образе жизни современного человека зависит от социально-экономического статуса, семейного положения, влияния среды, в которой он проходил ранние этапы социализации и проживает во взрослом состоянии, а также от аскриптивных характеристик (пол, возраст, нация, положение в семье) [7, с. 135]. С нашей точки зрения, в данный перечень также следует добавить факторы косвенного воздействия, наиболее актуальными среди которых в настоящее время являются эпидемиологический и политический. Так, вследствие длительной социальной изоляции, ограничений, вводимых в связи с распространением заболеваний различной природы (COVID-19 и других), а также политически-индуцированные изменения привычных досуговых практик (например, снижение объема зарубежного контента в кинотеатрах, приостановка издательства произведений зарубежных авторов и проч. из-за санкций) запустился процесс **трансформации идиокультуры досуга** населения нашей страны. Однако, вне зависимости от перспективной динамики данного процесса, самоценность досуга для России всегда будет оставаться в приоритете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитики назвали самые популярные хобби у россиян. – 20.02.2023 // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20230220/khobbi-1853136388.html> (дата обращения: 25.06.2023)

2. ВЦИОМ: досуг россиян стал разнообразнее. – 08.08.2022 // Авангард. – URL: <https://avangard-gazeta.ru/2022/08/08/vciom-dosug-rossijan-stal-raznoobraznee/> (дата обращения: 25.06.2023)
3. Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга // Вестник Моск. ун-та. Сер.: 12: Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 83-88
4. Дюмазедье Ж. Эмпирическая социология досуга. – М.: Приор, 1974. – 345 с.
5. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 632 с.
6. Зиннуров Ф. К., Кочнев И. Ю. Понятие и сущность культуры досуга // Вестник УЮИ. 2019. №3 (85). С. 139-144.
7. Каравай А.В. Досуговая активность российской молодежи: основные типы и факторы выбора // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. № 1-2(130). С. 130-140.
8. Ласточкина О.С. Культурный онлайн-досуг: поведение населения в период пандемии COVID-19 // Beneficium. 2021. №3 (40). С. 83-89.
9. Названы самые популярные виды досуга россиян. – 01.07.2019 // Рамблер. Новости. – URL: <https://news.rambler.ru/sociology/42425011-nazvany-samyepopulyarnye-vidy-dosuga-rossiyan/> (дата обращения: 25.06.2023)
10. Подольный Р. Традиции – для будущего // Знание - сила. 1982. № 4. С. 28-30.
11. Россияне рассказали о своих увлечениях. – 20.01.2022 // Известия. – URL: <https://iz.ru/1279826/2022-01-20/rossiiane-rasskazali-o-svoikh-uvlecheniakh> (дата обращения: 25.06.2023)
12. Шлыкова О.В. Цифровое потребление культурного контента в условиях «новой нормы» дистанцированного мира // Вестник МГУКИ. 2020. №5 (97). С. 160-169.
13. 10 самых читающих стран мира. – 26.07.2021 // Expertology. – URL: <https://expertology.ru/10-samykh-chitayushchikh-stran-mira/> (дата обращения: 25.06.2023)

© Ван Чуньхун (wbcd123@sina.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Цзилинский педагогический университет

ТРАДИЦИИ ЗНАКОПОЛЬЗОВАНИЯ В ЭТНОКУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Галимова Наиля Вагизовна

Кандидат культурологии, доцент, Северо-Кавказский
государственный институт искусств
hudshkolanal@mail.ru

TRADITIONS OF SIGN USE IN THE ETHNOCULTURE OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS

N. Galimova

Summary: The work is devoted to the study of the most important aspects of familiarity associated with the representation of semiotic images that exist in the socio-cultural practices of the peoples of the North Caucasus. Hence the regularity of the cultural and historical analysis of the practices of familiarisation used by the ethno-cultures of territorially neighbouring peoples. The study is based on the theoretical works of Russian and foreign historians, culture experts and ethnographers who examine the socio-cultural traditions of peoples. The author used conceptual principles of socio-cultural syncretism to analyse the traditions of ethnic familiarity. Using the representation of forms of communicative signs demonstrating the identity of related cultures, the author identified and systematized the graphic foundations of sign formations in the socio-cultural practices of ethnic groups. The study has shown the similarity between the traditions of signification and behavioral principles mirroring the regularities of semiotic practices in the national cultures of the North Caucasus.

Keywords: North Caucasus, ethnocultural traditions, customs of use of signs, rituals, graphic symbols, body signs, tamgas, communications.

Аннотация: Работа посвящена исследованию наиболее важных аспектов знакопользования, связанных с отображением семиотических образов, существующих в социокультурной практике народов Северного Кавказа. Отсюда закономерность культурно-исторического анализа практик знакопользования бытующих в этнокультурах территориально соседствующих народов. Источниковой базой исследования послужили теоретические труды российских и зарубежных историков, культурологов, этнографов, рассматривающих социокультурные традиции народов. В ходе проведённой работы автором использовались концептуальные принципы социально-культурного синкретизма при анализе традиций этнического знакопользования. При помощи репрезентации форм коммуникативных знаков, демонстрирующих самобытность родственных культур, выявлены и систематизированы графические основы знаковых образований в социокультурных практиках этносов. Проведенное исследование показало сходство традиций знакопользования и поведенческих принципов, зеркально отображающих закономерности семиотических практик в национальных культурах Северного Кавказа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, этнокультурные традиции, обычаи знакопользования, обряды, графическая символика, нательные знаки, тамги, визуальные коммуникации.

Различные формы традиций, обычаев, социокультурных практик существуют в единении эмоционального и рационального, ещё с ранних периодов цивилизационного развития народов. Традиционные обычаи, широко распространённые у разных этносов, напрямую связаны с социальной сферой и воссоздают коммуникативные формы национальных культур. На основании этого, в последние десятилетия, актуализировался интерес к осмыслению феноменов социально-культурных практик, которые демонстрируют семиотическое своеобразие этнических традиций, существующих в обрядовой и поведенческой практике народов Северного Кавказа.

Обычаи и традиции, в том числе и коммуникативные, всегда определенным образом символизированы. Поэтому основной задачей исследования мы видим демонстрацию некоторых аспектов знаковой этносимволики, специфику её функций и традиций. Традиционная культура многослойна и состоит из разных деятельностных компонентов, связанных с хозяйствованием, одеждой, устройством жилищ, культурами и обрядами. Вследствие этого, при разработке стилистических особенностей

визуально-коммуникативных средств мы обратились к трудам Л.И. Лаврова, Х.Х. Биджиева, Х.Х. Яхтанигова, которые изучали социокультурные традиции и системы символично-знакового формообразования народов Северного Кавказа [11], [2], [23].

В то же время, мы использовали разработки зарубежных авторов, чьи труды посвящены социально-культурным традициям разных народов. Исходным моментом для изучения традиций нательной символики горянок и социальных связей народов, следует считать исследование немецкого лингвиста А. Дирра [7], опубликованного «Очерки по этнографии Дагестана». Хорошим подспорьем, для анализа традиционных визуально-знаковых идентификаторов послужили концепции У. Эко [22], который разработал собственные теоретические принципы семиотики и коммуникативной функциональности культуры. Проблематика, касающаяся аспектов тамгопользования в этнокультурах разных народов, потребовала обращения к трудам турецкого историка М. Тезджан [18].

Целью данного исследования, является культуроло-

гический анализ традиций знакопользования, существующих у северокавказских народов. Исходя из установленной цели, необходимо решить следующие задачи: - рассмотреть основные формы знакопользования в этнокультурах Северного Кавказа, выделить их аналогичные черты; - выявить своеобразие национальных семиотических традиций, определить их место в социокультурном пространстве северокавказских народов. Предметом исследования является специфика знакового формообразования в этнокультурах Северного Кавказа.

В отечественной науке, довольно прочно утвердились выработанные историками и этнографами представления об этнокультурных традициях и формах социальных отношений. Автор статьи предлагает рассматривать этнографию социальных связей и бытовых традиций этносов с позиций методологии А.А. Леонтьева, который рассматривает проблемы сложившихся этнокультурных взаимодействий, как «внутренний механизм жизни <...> социальной группы» [12, с. 10]. Вследствие этого, для более полного раскрытия значимости семиотико-коммуникативных традиций целесообразно использовать этнографический анализ и применить методiku целого ряда гуманитарных дисциплин: культурологии, социологии, семиотики. Научная новизна исследования обуславливается анализом коммуникативных функций подобных обрядовых традиций народов Северного Кавказа, с позиций семиотики: систематизированы представления и уточнена специфика национальных информативных кодов, установлены основные формы этнического знакопользования.

Каждая национальная культура формулирует специфику собственных национальных традиций, определяющих своеобразие обычаев, нравов, художественных и духовных принципов, несущих в себе константы этнокультурных кодов. Причисляя поведенческие действия и этические нормы к категориям знаковых традиций, мы отталкиваемся от преемственности и константности. Человек, как индивидуум, существующий в социально-культурной среде, своим внешним видом или одеждой оказывает определенное воздействие на окружающих. «Костюм, манеры, простейшие формы общения <...> подчинены стремлению - подчеркнуть своё отличие», формулирует традиционную культуру общения адыгов, Б.Х. Бгажноков [1, с. 105]. По Бгажнокову, знаками отличия горской знати, как правило, служили породистый конь, кольчуга и шлем. Необходимо отметить, что в основном все северокавказские дворяне испытывали особо почтительное отношение к разным видам оружия, сравнимое только лишь их отношению к лошадям. Не зря, считалось, что чистка оружия и уход за конем вполне достойным занятием для князей и дворян. Кроме этого, функции социального статуса символизировали определенные цвета одежды воинской атрибутики. Бе-

лые и красные цвета были идентификаторами высшей знати. Имеются сведения, что «князя, предводителя наездников, узнавали по белому цвету его черкески, коня и борзой». Символами социального отличия, так же, служили цвета обуви – «красный у князей и дворян, прочие цвета у крестьян» [Там же, с. 106, 107].

Фокусируя внимание на семиотической стороне традиционных практик в этнокультурах близких народов, позволительно выделить следующую закономерность: образцы знаковых культурных кодов в процессе межкультурного взаимодействия образуют своего рода сходные социально-нормативные системы. Одной из таких общекультурных систем является – обрядовая нательная символика. Нательная символика (татуировка), существовавшая в разных цивилизациях, как коммуникатор социально-иерархической принадлежности, по праву считается «одним из древнейших видов искусства» [16, с. 46].

Социально-традиционные обычаи этносов, связанные с нанесением на тело человека графических символов (знаков), позволяют глубже познать историю и этнографию существования общества, горизонты духовного развития, его мышления и мировоззренческих представлений, в целом. Обычай наносить на тело графические знаки не обошёл стороной и северокавказские народы. Традиции нательного татуирования существовали в этнокультурах Северного Кавказа в разных графических трактовках, и рассмотрение их изобразительной стилистики представляет особый культурологический интерес. Анализируя аналогии в северокавказских знаковых системах, Л. И. Лавров, свидетельствует о полном или частичном совпадении графических знаков «у разных народов Северного Кавказа» [11, с. 103].

Средства и графические коммуникационные формы, в виде нательных татуированных узоров, выполняющих особые функции, бытовали на Северном Кавказе в течение продолжительного времени и в одиночных проявлениях сохранились до настоящего времени. Несмотря на разнообразие семиотических форм, и их значений, бытующих в культуре Северного Кавказа, традиционная женская и детская знаковая идентификация почти всегда очень лаконична. В сущности, наиболее часто встречающиеся нательные знаки, это - геометрические узоры, линии и точки. Подобные обрядовые традиции кабардинцев и балкарцев отмечает Г.Х. Мамбетов, в своей работе «Традиционная культура кабардинцев и балкарцев», где исследует общепризнанные моральные принципы, понятия и нормы поведения этносов. Мамбетов свидетельствует, что горянки в качестве защиты от дурного глаза «метили лобик, подбородок, носик» новорожденного сажей, которая ассоциировалась с отстраняющей и очищающей силой огня, иными словами - как бы «портили красоту» ребёнка [14, с. 182].

В то же время, символические образы, в основном канонических форм, в один и тот же период времени могли бытовать в традициях соседствующих культур, даже территориально далеких. Процессы коммуникативного взаимодействия способствовали определенным видоизменениям графических основ знаковых идентификаторов, которые в процессе эволюции могли превратиться в символы.

Чтобы представить полноту семиотического содержания традиций натальной идентификации народов Северного Кавказа, необходимо обратиться к материалам немецкого историка А.И. Дирра, исследовавшего и впервые опубликовавшего сведения о женских татуировках кавказских народов; Г.И. Исмаилова, посвятившего специальное исследование феномену женской татуировки Дагестана. По сведениям Исмаилова, женщины в отдельных горных аулах Дагестана, наносили себе на различные части тела древнейшие знаки – «точки, чёрточки, круги». Автор утверждает, что «татуировки дагестанок являются существенной частью горской жизни и играют далеко не последнюю роль в раскрытии тайн прошлого» [8, С. 96 – 114]. Суть и содержание изображенных знаков, трактовались по-разному и, в сущности, были привязаны к определенным событиям, в контексте которых они были нанесены. В этом случае, простейший геометрический знак, преднамеренно изображенный на теле человека, превращался символический образ, содержащий в себе определенное сакральное значение, зачастую целиком и полностью не осознанное самими обладательницами. Являясь идентификатором причастности владелиц к тайным познаниям, татуированный знак в состоянии был даже мотивировать их поведение в определенных обстоятельствах.

Ссылаясь на работы А.Г. Булатова, допустимо квалифицировать женские натальные знаки как амулеты, талисманы и обереги [4]. О фактах существования мужских татуировок в социально - бытовых традициях Дагестана свидетельствует Р.М. Магомедов - мальчикам, «перед отправлением в чужую семью (в аталычество)¹ на левой руке, в локтевой части», в качестве своеобразного паспорта, накалывали информативную татуировку (год и место рождения) [13, с 59].

В то же время, несмотря на существовавшее многообразие символично-графических образцов натальных татуировок, традиции знакопользования предопределяют совпадение отдельных черт и форм бытовой семиотики, указывающих на устойчивость культурных и социальных связей народов Северного Кавказа. В этой связи, О.В. Кузнецов рассматривая этнокультуры и тра-

диции разных народов, в парадигме культурной коммуникации, указывает: «феноменальная устойчивость культов, обрядов, обычаев, очевидно, может быть характерной чертой этнопсихологии народов Кавказа» [10, С. 134 - 149].

Коммуникативная семиотика, в том числе и бытовая, как известно, определенным образом организована. Потому, одним из существенных задач исследования мы видели выявление аспектов обрядового знакопользования. Этнография северокавказских народов хранит сведения о разных верованиях и символических обычаях, призванных оградить человека от различных несчастий, в том числе и от магического воздействия недоброжелателей. Отсюда бытующее убеждение, что нанесенные на теле символические знаки могли бы обещать их владельцам.

В культуре балкарцев, особо значимым культовым символом считался крест – «кзынгъыр къач». По свидетельству Х.Х. Биджиева, он осуществлял функцию оберега. В частности, балкарцы и карачаевцы до настоящего времени, при получении хорошей вести, используют речевую формулировку «кзынгъыр къач» (косой крест). По Х. Биджиеву, «в древности знаки в виде креста часто сопровождали памятники, посвященные различным богам» [3, с. 105]. Многие исследователи утверждают, что крестообразные знаки имели широкое распространение, так как символизировали солнце, у многих народов мира. По сей день, в горном Карачае сохранились родовые камни, на которых вырезаны крестообразные знаки, считающиеся священными. В частности, В.Х. Тменов подчеркивал, что, сохраняя свою смысловую символику эти знаки «присутствуют как солнечные символы на многих памятниках» [20, с. 52].

Пожалуй, ни в одной другой сфере коммуникационной системы знакопользования, не заявляет о себе так очевидно, как существующий до наших дней, кодовый владельческий идентификатор - тамга. Наследственные владельческие знаки «тамга», бытуют в традиционной культуре северокавказских народов» ещё с сарматского периода» (III в. до н.э. - III в. н.э.) [5, С. 66-73]. Тамги и тамгообразные знаки существуя в качестве кодовых коммуникаторов, символизировали не только владельческую и социально-сословную принадлежность, но и соотносились «с такими смысловыми значениями, как «клеймо», «печать», «подпись»» [19, С. 70-81]. Золотоордынские ханы использовали тамгообразные знаки в качестве символа власти, или ханской печати. По сведениям Т.И. Султанова, на ярлыке, выданном в 1393 году ханом Тохтамышем польскому королю Ягайло, можно увидеть че-

¹ Аталычество — древний обычай кавказских народов, по которому мальчики, с раннего возраста и до достижения совершеннолетия, отправлялись для воспитания в семью приёмного отца, именуемого - «аталык».

тырехгранную «алтун-тамгу»² [17, с. 235].

По историческим данным, с середины XVI в. на Северном Кавказе, в социально-хозяйственной и коммуникационной сферах, начинает активно распространяться практика тамгопользования. Тамга-знаки в формате символов собственности встречаются как на предметах повседневного быта, так и на социально-значимых предметах: архитектурных сооружениях, оружии, элементах одежды, украшениях, фамильных флагах. Комплекс исторических материалов, который может представить более полную картину тамгопользования в регионе, весьма неоднороден. В основном это публикации историков, путешественников, военных деятелей, которые в целях исследования этнографии народов Кавказа, собирали полевые материалы.

Академик П.С. Паллас, во время экспедиционной поездки по Кавказу (1790-е гг.), «зарисовал 56 преимущественно кабардинских тамг» [15, С. 72 - 74]. В 1877 г. «Журнал охоты» опубликовал изображения 113 – и северокавказских тамг, с информацией об их владельцах. Знаки, в числе которых были «68 тамг из Кабарды, 18 - из Балкарии и Дигории, 7 – из Карачая» зарисовал во время «Кавказских походов» генерал А.П. Грамотин [6, С.11-18]. Журнал «Юго-восточный хозяин» опубликовал изыскание Р.Н. Костаняна, где автор осуществил сравнительный анализ и систематизировал материал о тамгах известных конских заводов Северного Кавказа. В их числе: 193 кабардинских, 54 карачаевских, 33 кубанско-черкесских, 20 абазинских, 20 ногайских, 12 балкарских и 10 дигорских [9].

Каллиграфия тамгообразных знаков достаточно проста, но это не предполагает простату символизируемых ими идей. В своей работе «Символ и ритуал» В. Тэрнер пишет «Великие религиозные символические формы, такие, как крест, лотос, полумесяц <...> сравнительно просты, хотя их significata (понятийные содержания) составляют целые теологические системы» [21].

Как правило, изобразительная стилистика тамгов строится на основе несложных графических образов - окружность, крестообразные знаки, двузубцы и трезубцы, волнообразные линии, всевозможные каллиграфические и другие конфигурации подобные знакам зодиака.

Реальная семантика тамга-знаков целиком не раскрыта и в научных кругах высказываются различные мнения об их происхождении. Существует точка зрения, что отдельные знаки обозначают буквенные символы разных алфавитов (арабский, латинский, кириллица).

Графическое сходство с литерами латинского алфавита наблюдается у абхазцев, абазинцев, балкарцев, кабардинцев, карачаевцев, осетин, черкесов. В социокультуре этих этносов наиболее встречающимися тамга-знаками, имеющими буквенную основу, являются графемы: «А», «О», «Е», «S», «Т», «Д», «Н», «V», «Z», Ю; цифры славянского алфавита - «3», «4», «5», «8», «9».

Тамгообразные знаки, насечённые на ювелирных изделиях, превращали их в кодовые идентификаторы наследственной собственности. Перстень, украшенный знаком «тамга» был не только предметом роскоши, но и нёс функциональную нагрузку – существовал как печать. Вот почему, ещё с периода Золотой Орды, при ведении государственных документов, словосочетания «ставить печать» и «проставлять подпись», зачастую подменяли выражением «ставить тамгу» [24, с. 33].

На основании вышесказанного мы можем констатировать, что исследование традиций знакопользования, даёт возможность более широко представить своеобразие социальной организации общества, форм его обрядовой семиотики и образа жизни народов Северного Кавказа. Коммуникативная символика всегда играет значительную роль в этнокультурных процессах и находит отражение на различных этапах цивилизационного развития общества. Потому, символические и знаковые структуры, в качестве коммуникаторов этнокультурной информации, стали основанием для возникновения традиционного изобразительного искусства, национальной письменности и книгопечатания. Являясь образно-смысловыми ориентирами этнокультур, семиотические образы идентифицируют не только национальные обычаи и традиции предыдущих периодов, но и воспроизводят динамику цивилизационных процессов обусловленных исторических периодов. Следовательно, до настоящего времени формируют кодовые идентификаторы национальных культур и коммуницируют средства межкультурного общения.

Коммуникативные кодово-семиотические идентификаторы, бытующие в традиционной культуре северокавказских народов, проникают в разные сферы социальной и творческой деятельности, воздействуя своими знаковыми средствами на художественный образ. А концептуальные принципы символического формообразования, в аспектах традиционного народного творчества, и в новое время обуславливают кодовые идентификаторы в культурном пространстве региона. Потому, раскрывая своеобразие этнической культуры при помощи репрезентации традиций знакопользования, мы актуализируем вопросы символизации этнокультурных кодов и традиций межкультурной толерантности народов, проживающих в регионе.

2 Определение «алтун-тамга» (золотая печать), нашло широкое применение в Монгольской Империи (произошло благодаря тому, что печать, наносимую на ярлыки, окунали в золотистые чернила).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения Адыгов / Б.Х. Бгажноков. - Нальчик: Эльбрус, 1983. - 229 с.
2. Биджиев Х.Х. Раскопки Хумаринского городища в 1974 году. Археология и этнография Карачаево-Черкесии: сборник научных трудов. Черкесск, 1989. С. 6–46.
3. Биджиев, Х.Х. Тюрки Северного Кавказа / Х.Х. Биджиев. – Черкесск, 1993. – 376 с.
4. Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX — начале XX вв. Махачкала. 1991. 263 с.
5. Галимова Н.В. Семейная тамга как социокультурный графический символ // Культура и искусство. - 2021. - № 4. - С. 66-73.
6. Грамотин А.П. Рисунки лошадиных тавр Северного Кавказа // Журнал охоты. М. 1877, №1. С 11-18.
7. Дирр А.И. Заметка о татуировке в Дагестане. // СМОМПК №4. 1915.
8. Исмаилов, Г.И. Феномен женской татуировки в Дагестане / Г.И. Исмаилов // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 5. – С. 96–114.
9. Костяниц Р.Н. Тавра конских заводов Северного Кавказа // Журн. «Юго-восточный хозяин», Ростов-на-Дону, 1909, №7.
10. Кузнецов О.В. Процессуальная археология и этноархеология охотников и собирателей // ЭО. 2006. № 5. - С. 134 - 149.
11. Лавров, Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа / Л. И. Лавров. – Л.: Наука, 1978. – 184 с.
12. Леонтьев А.А. Психология общения. – 3-е изд. – М.: Смысл, 1999. – 365 с.
13. Магомедов Р.М. Обычаи и традиции народов Дагестана. / Р.М. Магомедов. Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. - 145 с.
14. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1997. – 244 с.
15. Паллас П.С. Рисунки лошадиных тавр Северного Кавказа // Журнал охоты. СПб., 1877, т. 1. №6. С 72 – 74.
16. Полосьмак Н.В. Пурпур и золото тысячелетий // Наука из первых рук. 2005. № 1 (4). - С. 46.
17. Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов// Тюркологический сборник, 1973. М.: Наука. - С. 234–251.
18. Тезджан М. Тамга - государственный символ и пошлина в золотой орде и наследных ханствах/ М. Тезджан. // Средневековые тюрко-татарские государства, №2: Казань, 2010. - С. 70-81.
19. Тезджан М. Тамга - государственный символ и пошлина в золотой орде и наследных ханствах/ М. Тезджан. // Средневековые тюрко-татарские государства, №2: Казань, 2010. - С. 70-81.
20. Тменов В.Х. Памятники средневекового графического искусства Северной Осетии//Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 2. Орджоникидзе: 1982. - 142 с.
21. Тэрнер В. Символ и ритуал. В. Тэрнер / Эл. ресурс: https://bookscafe.net/read/turner_viktor-simvol_i_ritual-228243.html#p1
22. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 17.
23. Яхтанигов, Х.Х. Северокавказские тамги / Х.Х. Яхтанигов. – Нальчик, 1993. – 204 с.
24. Arat R.Rahmeti, 1964, «Eski Türk hukuk vesikalari», Türk Kültürü Araştırmaları T. 1, С. 5–53.

© Галимова Наиля Вагизовна (hudshkolanal@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА КАК НОВАЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Кириллова Наталья Борисовна

доктор культурологии, профессор, Уральский
федеральный университет им. первого Президента
России Б.Н. Ельцина, (г. Екатеринбург)
urfo@bk.ru

DIGITAL CULTURE AS A NEW SOCIO-ANTHROPOLOGICAL REALITY AND IDENTITY PROBLEMS

N. Kirillova

Summary: The object of research in the article is digital culture as a new socio-anthropological reality and identity problems. Analyzing this phenomenon, the author proceeds from the fact that we are talking about a special digital civilization, that is, a fundamentally different type of socio-cultural development of society, changing both the nature of interaction between man and society, and determining the goals and meanings of human life. The modern digital environment not only means the use of the latest media technologies in the socio-cultural sphere, but also affects the change of values, norms, and behavioral stereotypes.

Keywords: media culture, media technologies, digital culture, digital humanities, socio-cultural activities, cultural institutions, network communication, digital identity.

Аннотация: Объект исследования в статье – цифровая культура как новая социально-антропологическая реальность и проблемы идентичности. Анализируя данный феномен, автор исходит из того, что речь идет об особой цифровой цивилизации, то есть принципиально ином типе социально-культурного развития общества, меняющем как характер взаимодействия человека и социума, так и определяющим цели и смыслы человеческой жизнедеятельности. Современная цифровая среда не только означает применение новейших медиатехнологий в социально-культурной сфере, но и влияет на изменение ценностей, норм, стереотипов поведения.

Ключевые слова: медиакультура, медиатехнологии, цифровая культура, цифровая гуманитаристика, социокультурная деятельность, культурные институции, сетевая коммуникация, цифровая идентичность.

Введение

Каждая эпоха, как известно, порождает те формы культуры, которые начинают лидировать в обществе, так как оказываются наиболее востребованными и действенными в вопросах реализации основных социальных функций. В этой связи термин «медиакультура», введенный Г. М. Маклюэном для обозначения нового типа культуры информационного общества, стал не просто актуальным понятием, а явил собой базовый концепт эпохи глобализации и цифровизации, определяя в конечном итоге вектор развития всего мира. Как отмечает автор [9, 12], медиакультура – понятие сложное, синтезирующее в своей основе целый блок связей и взаимоотношений личности и общества, включая «культуру производства и передачи информации, а также культуру ее восприятия», являясь одновременно и показателем «уровня развития личности, способной “читать”, анализировать и оценивать медиатекст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания посредством медиа» [12, с. 17].

Что касается цифровой культуры как составной части медиакультуры, то это уже явление иного порядка, это новый этап в развитии человеческой цивилизации. А. Тойнби в своей книге «Постижение истории» утверждал,

что цивилизация включает в себя экономику, политику и культуру. А «культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации» [20, с. 292]. Цивилизация по Тойнби должна иметь внутреннюю силу культурного развития, чтобы справиться с вызовами и избежать деградации и распада целостности [Там же].

Цифровая цивилизация как современная сфера социально-культурной деятельности человека может рассматриваться «как принципиально новый тип развития общества, когда на смену аналоговым и линейным формам коммуникации приходят цифровые, которые определяют не только характер взаимодействий человека и социума, но и становятся основными факторами в определении целей и смыслов человеческой деятельности» [1, с. 517-518]. А это значит, что цифровую (электронную) культуру следует рассматривать как «совокупность социальных институтов, организуемых на основе современных информационно-коммуникативных технологий в целях продвижения логики цифрового общества, включая электронную экономику, политику, науку, образование, культуру и др.» [Там же].

Концепция «цифровой гуманитаристики» (новый термин, введенный для обозначения направлений деятельности гуманитарных наук в условиях цифровой ци-

визации), связанная с тем, что современные историки, культурологи, лингвисты, философы в своих научных исследованиях активно используют методы компьютерного анализа текстов, обработку больших данных, 3D-моделирование и другие формы медиатеchnологий. В этой связи изменилась и роль научных библиотек, которые все чаще выступают координационными структурами для гуманитарных исследований и проектных практик. То есть библиотеки являются сегодня не только центрами культурного наследия, но и провайдерами научной коммуникации и медиаграмотности.

Таким образом, цель данной статьи – доказать, что цифровая культура как уникальный культурно-цивилизационный феномен сегодня является объектом междисциплинарного исследования.

Цифровая культура как платформа сетевого взаимодействия

По определению Ч. Гира, который ввел само понятие «digital culture», цифровая культура – это совокупность «артефактов и символических структур, основанных на цифровом кодировании в его универсальной технической реализации, тотально включенных в институциональную систему и способствующих поддержанию определенных ценностей, закрепленных ментально и создающих формы автодетерминации» [5, с. 11]. Д.В. Галкин, знакомя российских исследователей с определением Ч. Гира, акцентирует внимание на том, что «цифровая культура формируется на нескольких уровнях: материальном (вещи, гаджеты, технологические системы), символическом (знаки, языки, формы коммуникации), социальном (институты, функции, объединения), ментальном (когнитивные схемы, стереотипы, идентичность) и ценностном» [Там же].

Культурные практики XXI века существенно поменяли миропорядок и продолжают влиять на многие социальные отношения, ценности, нормы, культуру быта. С их помощью в научной лексике появились новые понятия: «виртуальная культура», «киберпространство», «умные контракты», «цифровые города», «цифровая экономика» и др. В новой информационно-коммуникационной цивилизации, основанной на онлайн-платформах, меняется и система обмена услугами-благами. «Экономика дарения» по Г. Рейнгольду [16] модифицируется в цифровые форматы «экономики лайка» – маркетинговые инструменты «цифрового капитализма» в экономике «символического» обмена [6].

Сопоставляя разные подходы к изучению цифровой культуры как новой социально-антропологической реальности и совокупности новых форм коммуникации,

отметим, что она способствует интеграции символического пространства, связанного с новыми формами культурной деятельности и способами идентификации личности.

Исходя из сказанного, можно отметить, что в XXI веке на первый план выходит не теоретическая, а «прикладная культурология с ее междисциплинарным и интегративным потенциалом, открывающим новые возможности в осмыслении реалий и рисков в электронном типе культуры» [2].

Особую роль в этом процессе приобретает цифровая медиасреда, медиатизация культуры, усиление социокультурной миссии Интернета, когда люди получают информацию и знания в принципиально иных, чем прежде, форматах. Более того, современное информационное общество развивается за счет активной информации, а медиатеchnологии и сети становятся не просто предметом познания, но и условием существования и культурной самоидентификации человека.

Интернет как глобальный культурный феномен представляет новые ценности, что свидетельствует о смене парадигмы социальных коммуникаций. Сформировано уникальное пространство «свободной глобальной коммуникации» [10, с. 5], сверхнасыщенного информационного поля, повсеместно окружающего современного человека. А в практике современного образования, тесно связанного с развитием электронных средств коммуникации, главным аспектом становится преодоление цифровой неграмотности и освоение интерактивных технологий, внедрение позитивного опыта применения цифровых ресурсов и законодательное обеспечение обучения в системе отечественного образования. Социологи утверждают, что по итогам 2022 года доля населения России, обладающего цифровыми навыками, выросла до 71 %. При этом среди обладающих цифровой грамотностью россиян у 29% – продвинутый уровень, у 69% – базовый, у 2% – начальный¹.

Реальностью стала потребность в развитии образования для цифровизации в сфере управления [14, с. 42]. В масштабах страны все еще существует кадровый дефицит IT-специалистов, в связи с чем «возрастает потребность в создании матричной образовательной среды, где университеты (как государственные, так и корпоративные) должны стать экспериментальной образовательной платформой для различных форм обучения с использованием передовых технологий и с учетом специфики цифровой культуры» [Там же, с. 43].

Как отмечают специалисты, в сфере информационных технологий «впервые появилась технология, име-

1 См.: https://digital.gov.ru/ru/events/43493/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f

ющая НАДотраслевой характер. Информационные технологии стали неким обручем, который объединил все науки... Они не добавились еще одним звеном к существующему ряду дисциплин, а объединили их, став их общей методологической базой» [с. 15, 69].

Показателем современной эпохи стала модификация традиционного общества в цифровое, развитие сетевого сообщества, управляемого с помощью информационно-коммуникационных технологий, которые собирают, обрабатывают и распределяют информацию через системы глобальных телекоммуникационных сетей. Среди целевых индикаторов-показателей развития информационного общества в Российской Федерации, согласно государственной программе РФ «Информационное общество. 2011-2020 гг.», названы следующие [14]:

- место России в международном рейтинге по индексу развития информационных технологий;
- степень дифференциации субъектов Российской Федерации по интегральным показателям информационного развития и др.

Культура и культурные институции в цифровом «зеркале» общества

О реалиях в развитии цифрового информационного общества в стране свидетельствуют следующие данные: количество созданных виртуальных концертных залов в городах РФ – более 500; онлайн трансляций мероприятий – более 600 только на портале «Культура.РФ»; в Государственном каталоге музейного фонда страны – более 8,2 млн. изображений; оцифрованных книжных памятников только в Национальной электронной библиотеке – 65 000. В этой связи актуальна тема, связанная с построением целостной и одновременно многоаспектной системы показателей-индикаторов, отражающей реальное состояние дел в области медиатизации культуры [18]. Эта задача поставлена в Стратегии развития информационного общества в России, в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. [19] и других документах Правительства Российской Федерации. При этом, в соответствии со статистикой, к 2024 году должно увеличиться на 15% количество посещений организаций культуры и в 5 раз – число обращений к цифровым ресурсам о культуре [19].

Как известно, пользователи соцсетей сегодня стремятся к психологическому комфорту, достижению высокого уровня информированности по специализированным темам, с целью самореализации. По мнению К. Завершинского, людей объединяет не столько способность к целесообразной предметной деятельности, а, прежде всего, – «смысловое единство, стремление утвердить некую смысловую доминанту культуры», рождающуюся в лоне культуры, морали, искусства и поэтому именно эти сферы являются наиболее «культуросодер-

жательными» [8]. Парадигма цифровой культуры как знаково-символической системы «позволяет наделять смыслами все сферы человеческой деятельности, особенно творческой, а все явления превратить в особые знаки-символы» [Там же].

Исследователи В.А. Емелин и А.Ш. Тхостов делят социальные сети на две достаточно автономные области: «информационное пространство и пространство коммуникации» [7]. При этом наибольшее число фальсификаций (неверное цитирование, ошибка в приписывании авторства и прочее) генерируется и распространяется в области коммуникации.

В связи с этим справедливо высказывание М. Кастельса о том, что «в бесконечном мире информации достоверность является весьма ценным качеством в глазах охотников за информацией» [11, с. 231]. В противном случае, смысл существования того или иного контента становится сомнительным, так как реальная информация превращается в «фэйки».

Проблемы цифровой идентичности: от множественности к единству

Начальный период цифровой революции (конец XX века) стал периодом, прежде всего, технооткрытий, например, визуальных возможностей компьютера в конструировании новой реальности и самовыражения индивида, свободного от социальных и географических ограничений, стереотипов и предрассудков, ошибок прошлого и т.д. [24]. То есть компьютер и Интернет стали восприниматься как экспериментальное пространство, освобождающее от традиционных социокультурных ограничений в свободной идентичности. Акцентируя на этом внимание, З. Бауман писал: «Индивидуализация – это судьба, а не предмет выбора» [3, с. 41].

Первые теоретики цифровой коммуникации выделяли два фактора этой новой идентичности: 1) она могла подчиняться контролю индивида и выражать его желания; 2) она была «множественной» и «текучей» [Там же]. Вот почему эти характеристики доказывали возможность использовать онлайн-пространство для поиска неожиданных и нестандартных форм самовыражения. Достаточно вспомнить в этой связи работы Ш. Теркл, которые содержат классическое обоснование такого подхода. Прибегая к эриксоновскому понятию «моратория» – возможности уйти от принудительных обязанностей повседневной жизни в поисках своего «я» – Теркл писала о Сети как о «месте, где можно «разыгрывать» неразрешенные конфликты и неоднократно проигрывать характерологические затруднения на новой, экзотичной сцене», либо «проработать серьезные личностные проблемы; использовать новые инструменты киберсоциальности, чтобы найти новые решения» [25, с. 644]. Как и многим

другим исследователям и энтузиастам компьютерных сетей, ей казалось, что цифровая революция способна создать реальное пространство свободы от привычных социокультурных ограничений, дав «возможность развития множественной и текучей идентичности» [Там же].

Интернет воспринимался как пространство этих возможностей; казалось, что за «маской анонимности» может скрыться кто угодно, а поведение индивида не контролируется и не фиксируется. Сегодня это представление безнадежно устарело. Чисто технически анонимность в сети всегда была достаточно иллюзорной, и на практике она стала стремительно исчезать в начале 2000-х гг. на новом этапе развития Интернета, который в свое время получил название Web 2.0. Теоретик Силиконовой долины К. Келли в своем видеointerview отметил, что «формирование своеобразной идеологии Web 2.0, с ее атакой на практики анонимности и множественной идентичности и провозглашением идеала единой аутентичной идентичности и тотальной прозрачности» [23].

Продвижение «единой идентичности» нашло свое выражение во вполне конкретных решениях таких технологических гигантов как Facebook, Microsoft, Google и др., которые затратили немало усилий, побуждая пользователей использовать свои реальные имена онлайн. Повсеместное распространение смартфонов окончательно сделало де-анонимизацию свершившимся фактом: подавляющее большинство онлайн-действий совершается современными пользователями с разных мобильных устройств, привязанных к личному телефонному номеру и прочей персональной информации. Принцип «услуга в обмен на персональные данные» лег в основу большинства современных мобильных приложений [9, с. 108].

Другим проявлением этой же тенденции стало распространение идеи «единого аккаунта», позволяющего контролировать и отслеживать любые действия индивида онлайн. Для ее продвижения использовался стандартный аргумент удобства: возможности совершать любые действия в сети из одного аккаунта вместо того, чтобы тратить усилия на создание множественных аккаунтов (и множественных идентичностей) [Там же]. За статус такого аккаунта продолжают конкурировать Google, Facebook, Microsoft и Apple. Microsoft вступила в эту игру позже всех, однако весьма успешно пользуется своим положением фактического монополиста на рынке операционных систем для настольных устройств. При этом положение пользователей в этой борьбе остается неравным. По словам З. Баумана, «разрастается брешь между индивидуальностью как судьбой и индивидуальностью как практической и реальной способностью отстаивать свои права» [3, с. 42].

Культура в системе современного бытия информационного общества

Эволюция культурно-исторического процесса привела к тому, что состояние социокультурного бытия в его глобальном измерении осознается как преддверие радикальной смены всех форм существования человека – от экономических и технологических до культурно-антропологических, экзистенциальных.

Однако реальность познавательного-рефлексивной функции культуры ныне такова, что дискурсы по осмыслению современных социально-исторических и цивилизационных процессов чаще всего апеллируют к идеям, концепциям и потенциалу «предметных наук» – гуманитарных, политических, экономических, в числе которых идеи «текучести» жизненного мира [3], глобализации мира и рисков [4], возможности развития креативного общества [22] преобладают.

Итак, особое место в информационном обществе занимают социальные сети. Именно здесь, по мнению М. Кастельса, социально-культурное пространство утрачивает физико-геометрические измерения и характеристики, поскольку экономика (рынок, собственность, деньги) и механизмы коммуникации (масскульт, медиа, интернет) обретают «транс-пространственный», «виртуальный» и «тотальный» характер [11]. В итоге социальное бытие в информационном обществе предстает не только и не столько как наборы «легитимированных временем и властью» онтологических структур или устойчивых институций культуры, сколько как изменчивый и многообразный поток смыслов, информации, прецедентных культурных ситуаций, инновационных технологий, форм потребления, поведенческих стратегий, жизненных стилей, непосредственно адресующихся человеку [21, с. 185]. А это означает, что определяющими измерениями социального бытия зачастую становятся не «стягивающие силы» коллективности и социальности (власть, право, государство, традиции), а порой хаотично заявляющие о себе типы, формы, механизмы культуры и культурных смыслов, генерируемых и циркулирующих в сетях. Именно эти особенности информационного общества, по свидетельству Х.Г. Тхагапсоева, детерминируют культуру, а также механизмы ее бытия, что проявляется в тенденциях развития и функционирования культуры в рамках современного модуса информационного общества [Там же].

При этом очевидными являются следствия:

- разрыв между элитарной и массовой формами культуры. Масскульт, обладая высокой степенью адаптивности, а также опираясь на мощь современных средств коммуникации, становится культурой «сотен миллионов», в то время как пространство элитарной культуры сужается;

- сознание человека приобретает мозаичный и «клиповый» характер, и в итоге складывается тип личности, который познает окружающий мир «по мере надобности» и на основе технологий соцсетей, ориентируясь на мейнстримы всевозможных мод и их идентичности;
- реальностью является культурное (как и цифровое) неравенство в обществе;
- широкое распространение в интернете получают принципиально новые художественные практики, изменяя при этом функции традиционных институтов культуры. Появляются «сетевая литература», «сетевое изобразительное искусство», «сетевая критика», виртуальные библиотеки, виртуальные музеи, виртуальные картинные галереи, образовательные порталы, дискуссионные клубы, электронные магазины и др.

К сказанному можно добавить и тот факт, что информационному обществу присущ спектр серьезных противоречий: между стремлением человека и общества к свободе, с одной стороны и нарастанием уровня манипулирования массовым сознанием – с другой; между бытием общества и человека во «всемирной паутине» и нарастающей дезинтеграции и «атомизации» общества; между ростом объема информации и неуклонным уменьшением объема знания у «массового человека» [Там же].

Дополняя сказанное, известный культуролог К.Э. Разлогов утверждал, что по мере развития информационного общества масса безграмотных будет множиться не только в России, но и в странах, вполне благополучных по технико-экономическим критериям. Более того, со временем на культурной арене начнет доминировать генерация поколения, читающая с трудом и умеющая писать разве что «тексты SMS, MMS», поскольку все их компетенции связаны исключительно с виртуальными информационными технологиями [16].

В контексте ныне переживаемой человеком ситуации, когда на парадигмальные цивилизационные сдвиги накладывается чрезвычайно острая конкуренция стран и культур за влияние на глобальной арене, «на кон» в полном смысле слова поставлены не только и не столько производственно-экономические и социально-прагматические факторы, сколько «культурные измерения будущего», включая: многообразие креативных идентичностей социокультурного и профессионального самоопределения человека; интеллектуальный уровень социально-культурной практики страны и ее информационного обеспечения; масштабы и спектр способов вовлечения «виртуального» в социальное бытие человека и общества в государстве; спектр форм горизонтов культурного будущего.

Выводы

Подводя итоги проведенного анализа, следует отметить, что одни исследователи склонны видеть в цифровой культуре новый этап «социокультурогенеза» – «третьей природы» (вслед за миром традиционной культуры как «второй природы»), так как созданная виртуальная реальность представляется неким «новым модусом» бытия человека, порождаемым синтезом общественного и индивидуального сознания под воздействием информационно-коммуникационных технологий.

Другие придерживаются иной позиции. Ее суть сводится к следующему: в информационном обществе возникает и развивается медийная цифровая культура, которая воспринимается в социуме, с одной стороны, как новая структурная компонента современной культуры, хотя функционирует на основе методов и средств ИКТ. С другой – в ней видят новую сферу социально-культурного бытия человека, вместе с которой развиваются цифровая эстетика и цифровая этика со своими перспективными возможностями, нормативными установками и гуманистическими прогнозами на будущее человечества. Но это уже другая тема исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // *Обсерватория культуры*. 2018, 15(5). С. 516-531. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-5-516-531>
2. Астафьева О.Н., Разлогов К.Э. Культурология: предмет и структура // *Электронный журнал: Культурологический журнал / Journal of Cultural research*. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologiya-predmet-i-struktura/viewer>
3. Бауман З. *Текучая современность*. – СПб.: Питер, 2008. 240 с.
4. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 358 с.
5. Галкин Д.В. «Digital Culture»: Методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // *Цифровая культура: Международный журнал исследований культуры сетевого сообщества «Российская культурология»*. 2012. №3 (8). С.11–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/digital-culture-metodologicheskie-voprosy-issledovaniya-kulturnoy-dinamiki-ot-tsifrovyyh-avtomatov-do-tehno-bio-tvarey/viewer>
6. Долгин А.Б. *Экономика символического обмена*. М.: Инфра-М, 2006. 632 с.
7. Емелин, В.А. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета [Электронный ресурс] / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов // *Вопросы философии*. 2013. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=678

8. Завершинский К. Культура и культурология в жизни общества. Уч. пособие. Великий Новгород: НовГУ им. Я. Мудрого, 2000. 92 с. URL: <https://reallib.org/reader?file=813742>
9. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования. Кол. монография. Авт. кол.: О.Н. Астафьева, Л.Б. Зубанова, Н.Б. Кириллова и др.; отв. ред. Н.Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 292 с.
10. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 327 с.
11. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 608 с.
12. Кириллова Н.Б. Медиалогия: наука глобализованного мира. М.: Академический проект, 2022. 424 с.
13. Об утверждении государственной программы Информационное общество (2011-2020) : Постановление Правительства РФ №313 от 15 апр. 2014 г. Режим доступа: <https://base.garant.ru/70644220/>.
14. Панкратов И.Ю., Свертилова Н.В., Лидэ Е.Н. Цифровое государство: новая матрица компетенций для цифровой трансформации // Государственная служба, 2018. Том 20. №1 [111]. С.42-43.
15. Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения: монография / Авт. кол-в Андреева Г.Н., Богатырева Т.Г. и др. – Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2018. 131 с.
16. Разлогов К.Э. Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. – 2015. – № 7. С. 28-40. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1209.
17. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.
18. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (Утверждена Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/92762/>.
19. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. От 29. 02. 2016 г. № 326р. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>
20. Тойнби А. Постижение истории: Пер. с англ./ Сост. Огурцов А.П. М.: Прогресс, 1996. 608 с.
21. Хагапсоев Х.Г., Астафьева О.Н., Докучаев И.И., Леонов И.В. Информационно-семиотическая теория культуры. Введение. СПб.: Астерион, 2020. 208 с.
22. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. — М.: Классика-XXI, 2007. 420 с.
23. Kelly K. The next 5,000 days of the web // video interview 2007. URL: https://www.ted.com/talks/kevin_kelly_the_next_5_000_days_of_the_web
24. Manovich L. Computer vision, human sense, and language of art // AI & Society, November 22, 2020. DOI: 10/1007/s00146-020-01094-9/
25. Turkle S. Cyberspace and Identity // Contemporary Sociology. 1999. Т. 28. № 6. С. 643-648. <https://doi.org/10.2307/2655534>.

© Кириллова Наталья Борисовна (urfo@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ФРЕЙДИСТСКИХ ИДЕЙ НА ДРАМАТУРГИЮ И ТВОРЧЕСТВО ТЕННЕССИ УИЛЬЯМСА

Мотин Данил Витальевич

Аспирант, Институт Современного Искусства, г. Москва.

motin_danil@mail.ru

THE INFLUENCE OF FREUDIAN IDEAS ON THE PLAYWRITING AND WORK OF TENNESSEE WILLIAMS

D. Motin

Summary: The article examines the influence of the American Civil War 1861-1865 and the reflection of the lost generation of the American South in the characters of Tennessee Williams's plays "The Glass Menagerie" and "A Streetcar Named Desire". The influence of Freudian ideas on modernist writers is studied on the example of Tennessee Williams. The article analyzes the behavioral model of the characters in the plays "The Glass Menagerie" and "A Streetcar Named Desire" and draws a parallel between the unconscious, psychoanalysis and the characters in the work of Tennessee Williams, thanks to which we can see how the discoveries of the Austrian psychoanalyst Sigmund Freud influenced the culture and art of the 20th century.

At the end of the article, the results began to be summed up and a conclusion was drawn why the plays of Tennessee Williams are popular not only in Williams' homeland and abroad, but also in Russia, he became a "national" playwright.

Keywords: Freudianism, American dramaturgy, modernism, psychoanalysis, the unconscious, Tennessee Williams, A Streetcar Named Desire, The Glass Menagerie.

Аннотация: В статье рассматривается влияние Гражданской войны в США 1861-1865 и отражение потерянного поколения американского юга в героях пьес Теннесси Уильямса «Стеклянный зверинец» и «Трамвай желание». Исследуется влияние фрейдистских идей на писателей-модернистов на примере Теннесси Уильямса. В статье проводится разбор модели поведения персонажей пьес «Стеклянный зверинец» и «Трамвай желание» и выстраивается параллель между бессознательным, психоанализом и персонажами произведения Теннесси Уильямса, благодаря чему можно увидеть, как открытия австрийского психоаналитика Зигмунда Фрейда повлияли на культуру, искусство и писателей-модернистов XX века. В конце статьи подводится итог и делается вывод, почему за десятилетия пьесы Теннесси Уильямса стали популярны не только на родине Уильямса и за рубежом, но и в России он стал «национальным» драматургом.

Ключевые слова: фрейдизм, американская драматургия, модернизм, психоанализ, бессознательное, Теннесси Уильямс, Трамвай желание, Стеклянный зверинец.

Изучение любого драматического произведения не может изучаться в отрыве от исторического и личного контекста, в котором находился автор той или иной пьесы. Для того, чтобы понять произведения известного американского драматурга XX века Теннесси Уильямса мы разберем контекст, в котором жил автор и увидим, как исторические и личные события в жизни драматурга повлияли на его произведения.

В своем творчестве Теннесси Уильямс часто показывает жизнь американского юга после Гражданской войны в США. Творчество Теннесси Уильямса отличается от других писателей и драматургов американского юга в отсутствии «комплекса южанина». Драматурга не переполняет любовь к американскому югу. У него нет угрызений совести перед темнокожими людьми. Часто Уильямса, как драматурга, упрекали в отсутствии в его произведениях значительных героев в образе темнокожих персонажах.

В Гражданская войне 1861–185 годов погибло больше граждан США, чем на любой другой войне, в кото-

рой когда-либо участвовала Америка, в том числе во время Второй мировой. Принято считать, что началом гражданской войны в Америке стало образование Конфедеративных Штатов Америки семью отделенными от остального Союза южными штатами, которое последовало за избранием Авраама Линкольна президентом 6 ноября 1860 года и его инаугурации 4 марта 1861 года. В своей избирательной кампании за республиканскую партию Линкольн противодействовал распространению рабства на западные территории Соединенных Штатов, что отразилось недовольством среди плантаторов и аристократии американского юга. Гражданская война была объявлена Линкольном дабы сохранить целостность США и предотвратить отделение южных штатов. По итогам Гражданская война стала самой кровопролитной войной за всю историю США, был принят закон об отмене рабства и привело к Реконструкции Юга, которая повлияла на жизнь южной плантаторской аристократии.

Потерянное поколение американского юга отражается и в героях произведений Теннесси Уильямса. Одна из главных героинь пьесы «Стеклянный зверинец» - Аманда.

Она не может свыкнуться с новой, окружающей ее реальностью, и живет призраками прошлого, постоянно вспоминая о том блестящем Юге и старается жить по законам прошлого: "Должна сказать, что в наши дни девушки умели вести беседу... Да, и знали, как занять гостей... Да, и все мои гости были джентльменами - все до единого! Среди них были самые знатные молодые плантаторы дельты Миссисипи, плантаторы из рода в род" [1, с.184-185].

Бланш Дюбуа, главная героиня пьесы "Трамвай желание", которая также тесно связана с бытом и проблемами уходящего Юга, демонстрирует пример потерянного поколения и уходящую южную плантаторскую аристократию в своем образе. Бланш безуспешно из последних сил пытается противостоять суровой действительности, где их семья больше не владеет плантацией с усадьбой "Мечта", где идеалы того времени считаются старомодными, нет служанок, которые смогут выполнить за хозяев плантаций грязную работу, об этом главная героиня признается в монологе в одной из последних сцен пьесы: "Нужно ей сменить белье"... "Хорошо, мама! Но ведь есть прислуга, так может быть, негрятянка сменит?"... Нет, конечно, прошли те времена. Все прошло ничего не осталось." [2, с.136].

Конфликт нового и старого Юга Америки мы можем наблюдать в конфликте Бланш Дюбуа и Стенли Ковальский, мужа сестры Бланш. Противостояние героев друг другу за первенство в доме не только физическое, но и идейное, превращается в конце пьесы в насилие, которое полностью разрушает главную героиню. В диалоге с сестрой, Стеллой, Бланш не лестно отзывается о Стенли: "Ведет себя как скотина, а повадки зверя! Есть в нем даже что-то еще недочеловеческое - существо, еще не достигшее той ступени, на которой стоит современный человек" [2, с.73], в свою очередь Стенли говорит Стелле: "Не смей так обращаться со мной, брось эту манеру раз и навсегда. "Свинья... поляк... противный... грязный... вульгарный..." - только и слышишь от вас с сестрицей; затвердили! Да вы-то что такое? Возомнили о себе..." [2, с.118]. Бланш и Стенли хорошо иллюстрируют конфликт южной уходящей интеллигенции и простого рабочего класса.

В результате трагических событий Гражданской войны в США произошел кризис ценностей, обусловленный самой кровопролитной войной в истории США, разорением плантаций, сменой социального уклада американского юга. Писатели и драматурги обращаются к психологии человека, так психоанализ становится популярным у интеллигенции: "Модернисты отказались от господствующего всемогущества рационализма и взяли курс на достижение гармонии природного и идеального в человеке. Был выдвинут новый идеал человека, соблюдающего «баланс разумного и инстинктивного» [Ю.О. Сурова]сноска." [5, с.1].

Зигмунд Фрейд считал, что изучение инстинктов и бессознательных мотивов поведения может объяснить истинные причины тех или иных поступков человека. Психоаналитик также полагал, что одним из основных стимулов для совершения поступков у человека является сексуальное желание. Мотивы своего жесткого поведения Стенли Ковальский в диалоге с Бланш объясняет "желанием", которое возникло между персонажами во время первого их знакомства: "Да бросьте же вы это горлышко! Мы же назначили друг другу это свидание с первой же встречи!" [2, с.150]

Фрейд во время психоанализа и в работе с пациентами пытался отделить психику их личности от внешнего мира и рациональных осознанных мотивов, что позволяло представить законы современного мира и человеческих взаимоотношений универсальными. Три основных положения, на которых базируется психоанализ Фрейда: теория сновидений, бессознательное и учение о детской сексуальности. Такой же подход следует применять и к разбору поведения персонажей пьес Уильямса, так как зачастую их поступки рациональные, основаны на прошлых психологических травмах, фобиях, маниях, в противном случае читатель, режиссер или исследователь рискует неверно понять пьесы американского драматурга. В частности, если подходить к разбору поведения персонажей "Трамвая желание" исходя только из рациональных и обдуманых поступков героев, пьеса из психологической становится социальной-бытовой, теряет свою суть и глубину.

Фрейдистские мотивы оказали большое влияние на искусство модернистов XX века. Отражение открытия Фрейда бессознательного особенно ярко мы можем заметить в литературе. Многие писатели и драматурги сами могли не глубоко понимать, а тем более знать учения Фрейда, но сама атмосфера вокруг его открытий, научные и теоретические дискуссии вокруг психоанализа в первой половине XX века, обескураживание бессознательного в широких интеллектуальных кругах даже на неосознанном уровне влияли на крупнейших представителей искусства той эпохи: «Крупнейшие представители авангарда...», – отмечает В.В. Бычков, – часто вполне сознательно обращались к сфере бессознательного, стремясь именно её вожделения, интенции, образы довести тем или иным способом до прямого, обходящего контроль "цензуры" предсознания (Я), воплощения в своих произведениях" [3, с.55].

Фрейдистские идеи активно используют в своих творческих работах писатели и драматурги модернисты. Восприимчивость литературы к психоанализу можно объяснить тем, что в своих произведениях писатели, точно также и психоаналитики в течении сеанса, исследуют психику человека, пытаются найти истинные мотивы его поведения: "Наиболее активно возможностями, от-

крытыми психоанализом, воспользовалась литература начала – середины XX в. Особая восприимчивость литературы к психоанализу объясняется ее спецификой как вида искусства. Работая со словом как материалом, она всегда была способна, используя его возможности, передавать внутренний мир личности во всей его сложности и многогранности, в том числе с помощью довольно отвлеченных понятий. Теперь новая, психоаналитическая, картина человеческой психики позволила показывать этот мир еще более объемно, с учетом разнообразных подсознательных влечений и желаний” [5, с.39].

В рассуждениях Теннесси Уильямс мы можем заметить схожесть с принципами и Зигмунда Фрейда. Драматург писал, что каждый человек хранит в своем бессознательном неисчислимо число образов, и считал, что человеческое общение основано, в первую очередь, на образах, а не словах, поэтому в своих пьесах Уильямс использовал именно символы, чтобы высказать свои мысли более точно и красиво, а не прибегал к точному и детальному словесному описанию. Персонажи Теннесси Уильямса совершают поступки бессознательно, исходя не из рациональных, а инстинктивных мотивов: “Бессознательное — это категория психологического дискурса, обозначающая неосознаваемое, нерелексивное, спонтанное в сознании человека. В обыденном понимании бессознательное обычно связывается с тем, что выше сознания (над- или сверхсознание, интуиция, духовность) или ниже сознания (подсознание, с которым имеют дело иногда художники, но чаще — врачи).” [8, с.45].

В своих персонажах Теннесси Уильямс отражал проблемы, с которыми он сам сталкивался в жизни, например, проблемы с действительностью, который переживал драматург в юном возрасте, которые еще больше усугубились. Когда Уильямс повзрослел конфликт с реальностью привел к глубоким депрессиям, которые впоследствии привели драматурга в психиатрическую лечебницу.

Герои произведений Теннесси Уильямса неоднозначные, у них отсутствуют явные положительные или отрицательные стороны, что заставляет зрителей и читателей переживать и думать за персонажей, так как этим они похожи на реальных людей. В неоднозначности суждений в отношении к персонажам, разбитые судьбы, сложные и противоречивые характеры отражают характер самого американского драматурга.

Теннесси Уильямс неоднократно говорил, что во всех своих произведениях он пишет только о том, что сам пережил. Благодаря использованию личного опыта во время написания произведений позволило сделать их настолько эмоциональными и наполненными. Сам Уильямс говорил, что хоть его и ругают за то, что в своих произведениях он выплескивает слишком много

эмоций, но всегда считал, что писатель должен это делать. Метод письма и работы над драматическим произведением, когда писатель отталкивается от личного жизненного опыта, собственных психологических проблем, является субъективным. В произведениях Теннесси Уильямса главным объектом исследования, как и у психоанализа является человек и его душа: “Психоаналитическая философия ориентирована прежде всего на выявление основ человеческого бытия, структурных элементов психики, принципов развертывания жизнедеятельности человека и мотивов его поведения. Человеческая душа становится главным объектом изучения психоанализа.” [9, с.21]

Действия произведений Теннесси Уильямса зачастую разворачиваются в четырех стенах. Драматурга интересует не столько социальная активность персонажей, сколько их личные внутренние мотивы и травмы.

В «Стеклянном зверинце» мы можем наблюдать в героях пьесы отражение семьи драматурга. Строгий и придирчивый алкоголик отец, упрекающий сына в хилости по сравнению со сверстниками и отсутствии мужественности. Постоянные скандалы и ссоры между отцом и матерью, которые травмировали психику еще юного героя. Властная мать, живущая иллюзиями статного положения семьи в обществе, закрывающая глаза на физический недостаток и психологические проблемы дочери. Сестра Роуз, страдающая глубокой депрессией.

Сам Уильямс назвал «Стеклянный зверинец» пьесой-воспоминанием, что является причиной столько необычной формой повествования. «Стеклянный зверинец» – исповедь главного героя Тома Уингфилда, который вспоминает о жизни с сестрой и матерью и жалеет о былом. Образ главной героини Лауры хрупкий и трагичный не является вымыслом. Прототипом Лауры была сестра Уильямса Роза, которая в реальной жизни страдала от неизлечимой болезни - шизофрении. Роза - единственная женщина, которую по-настоящему любил и предал Теннесси Уильямс, что делает пьесу автобиографической. Трагическая судьба сестры драматурга и их сложные взаимоотношения легли в основу «Стеклянного зверинца»: «И вдруг словно сестра коснется моего плеча. Я поворачиваюсь, смотрю ей в глаза... О, Лаура, я хотел уйти от тебя - и не могу! Я не знал, что так предан тебе, и потому не могу предать» [1, с. 286].

Во взаимоотношениях персонажей пьесы “Стеклянный зверинец” мы можем проследить иррациональные мотивы в поведении персонажей. Уильямс выстроил отношения между ними в модели драматического треугольника или треугольника Карпмана, ученика Эрика Берна, который в свою очередь развивал идеи психоанализа Фрейда. Аманда, властная мать, представляет собой образ контролера, человека, который от страха измене-

ний безуспешно пытается держать все под собственным контролем: работу сына, личную жизнь дочери и даже культурно-социальный уклад в мире, постоянно вспоминая былое время. Том в свою очередь – спасатель, который пытается защитить сестру от давления матери, а Лаура – жертва, которая не несет ответственность за собственную жизнь, за нее все решает мать и брат.

Как писал Зигмунд Фрейд, именно после тяжелых потрясений развивается «травматический синдром»: «После тяжелых потрясений, например после железнодорожных катастроф или иных подобных событий, угрожающих жизни, у людей часто развивается давно описанное состояние, называемое “травматическим синдромом”. [4, с.13]. Для героев “Стеклянного зверинца” общим потрясением стал уход отца семьи, он является пассивным участником пьесы так или иначе появляется в каждой сцене или в воспоминаниях героев или портретом на стене. В частности для Ааманы травматическим событием стал упадок Юга, для Лауры болезнь, а для Тома психологические проблемы сестры, с которыми он бессилён помочь.

Главная героиня “Трамвая “Желание” безуспешно пытается пережить самоубийство мужа, который покончил с собой по вине героине, когда ей было всего 16 лет. Дабы пережить это травмирующее событие героиня ведет распутный образ жизни и ищет успокоения в случайных связях: “Да, я путалась с кем попало, и нет им числа. Мне все чудилось после гибели Аллана... что теперь одни только ласки чужих, незнакомых, случайно встречных, которые пройдут мимо и все, - могут как-то утолить эту опустошенную душу...” [1, с.133].

Также Бланш Дюбуа всю жизнь преследует полька-варшавяночка, как вечное напоминание о ее вине в самоубийстве мужа: “Ну вот... опять эта музыка!.. Полечка, которую играли, когда Алан... Погодите-ка! - сейчас, сейчас... А, вот и он... выстрел! После него она, как правило, умолкает. Да... вот и перестала.” [1, с.128]. По-

вторение событий прошлого является ярким примером иррациональности поведения. Повторяя в голове польку и погружаясь в события рокового вечера Бланш перестает быть пассивным наблюдателем, героиня пытается изменить ход прошлого, но все события уже произошли. Изменить их невозможно и героиня каждый раз винит себя в смерти мужа: “Проявление навязчивого стремления к повторениям имеют в высшей степени инстинктивный характер... Как нам представляется, дети повторяют приводящие к неприятным последствиям действия по той причине, что в этом повторении они могут воспроизводить те же впечатления активно, а не воспринимать их в роли пассивного объекта.” [4, с.45].

За десятилетия Теннесси Уильямс стал популярным писателем не только за рубежом, но в России стал “национальным” драматургом, а театральные постановки пьесы “Трамвай желание” ставятся по всей стране, но тем не менее нет ни одной более или менее замечательной Бланш Дюбуа: “Какой же русский не хочет поставить (или сыграть) Уильямса?! И ставят, и играют... Но вот какая странность: выдающийся Гамлет, мощный Калигула, незабываемая мамаша Кураж или потрясающий Войцек хотя бы изредка, но все же появляются. При этом какие бы режиссеры ни ставили, какие бы актеры не играли, нет ни одной более или менее замечательной Бланш Дюбуа! И среди множества постановок нет ни одной значительной, вошедшей в историю русского театра второй половины XX века. «Трамвай „Желание“» А. Гончарова, «Лето и дым» А. Эфроса, «Татуированная роза» Л. Додина и «Стеклянный зверинец» Г. Яновской — эти лучшие спектакли все-таки не открыли «русского» Уильямса. Традиция постановок Уильямса так и не сложилась до сегодняшнего дня, но зато закрепились «штампы» и «приемы», которые не меняются десятилетиями” [7]. Причина этого в том, что советский театр ничего не знал о психоанализе, выстраивал поведение героев, исходя из их сознательных мотивов и переживаний, а это не служило раскрытию образов Уильямса.

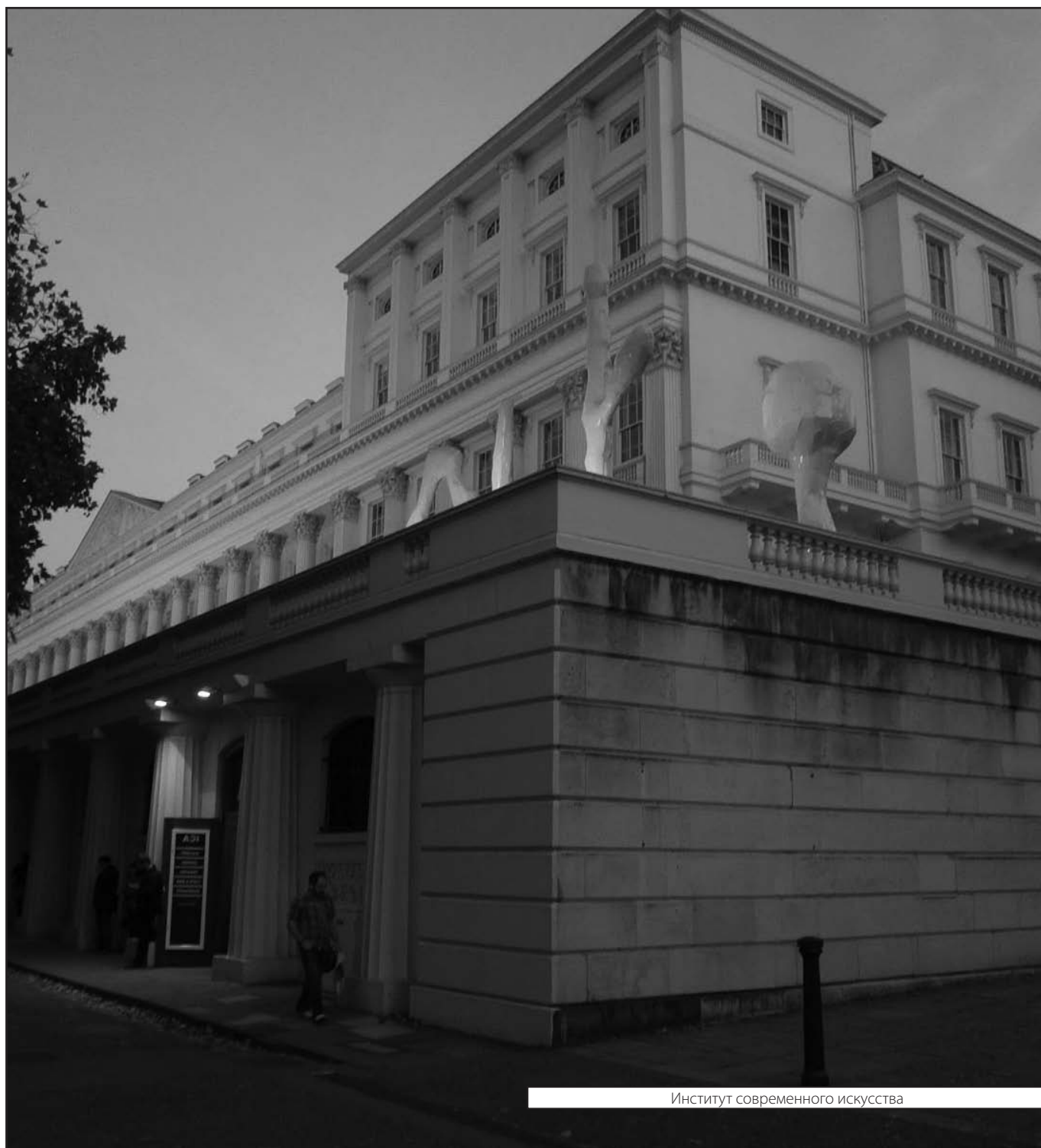
ЛИТЕРАТУРА

1. Уильямс, Теннесси. У 36 Кошка на раскаленной крыше; [пьесы: перевод с английского] / Теннесси Уильямс. - Москва: Издательство АСТ, 2020. - 288 с. - (Эксклюзивная классика). ISBN 978-5-17-123330-3.
2. Уильямс, Теннесси. Трамвай “Желание”: [пьесы: перевод с английского] / Теннесси Уильямс. - Москва: Издательство АСТ, 2019. - 288 с. - ISBN 978-5-17-113038-1.
3. Д.Л. Шкуров, Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры серебряного века (основные аспекты исследования). Шуйский филиал Ивановского государственного университета. Статья поступила 16.02.2012 Принята в печать 28.06.2012 Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки» 4 (1) 54-58. URL доступа: https://www.isuct.ru/e-publ/gum/sites/ru.e-publ.gum/files/2013/t04n01/humscience_2013_t04n01_54.pdf
4. Фрейд, Зигмунд. Я и Оно: [сборник] / Зигмунд Фрейд; [перевод с немецкого А. Анваера]. - Москва: Издательство АСТ, 2020. - 352 с. - ISBN 978-5-17-119240-2.
5. Попов Д.А. Влияние психоаналитических представлений о человеке на развитие искусства XX века. Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 3. УДК 159.964.2:7.036.
6. Петрова, Наталья Александровна. Отражение фрейдистских мотивов в произведениях зарубежных писателей-модернистов. Публикация в СМИ: «Наука и образование ONLINE» (Успехи науки - 2018). Дата публикации: 26.01.2018. Регистрация СМИ: Эл №ФС77-70153 от 30.06.2017. URL доступа: <https://student.eee-science.ru/listing/otrazhenie-frejdistskih-motivov-v-proizvede-niyah-zarubezhnyh-pisatelej-modernistov/>

7. Виктория Аминова, Петербургский Театральный Журнал. Теннесси Уильямс “За железным занавесом”. Публикация в СМИ: сентябрь 2005 года. URL доступа: <https://ptj.spb.ru/archive/41/premieres-41/tennessi-uilyams-zazheleznyum-zanavesom/>
8. Н.С. Автономова. — Бессознательное / Гуманитарный портал: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2021 (последняя редакция: 22.03.2021). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7238>
9. Г.Ж. Альназарова, Павлодар. “Влияние психоанализа на формирование сюрреализма”. URL доступа: <http://journal.asu.ru/knc/article/download>

© Мотин Данил Витальевич (motin_danil@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт современного искусства

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПОВЕДЕНИИ ПЕРСОНАЖЕЙ ПЬЕСЫ ТЕННЕССИ УИЛЬЯМСА «СТЕКЛЯННЫЙ ЗВЕРИНЕЦ»

Мотин Данил Витальевич

аспирант, Институт Современного Искусства,
г. Москва
motin_danil@mail.ru

IRRATIONAL MOTIVES IN THE BEHAVIOR OF THE CHARACTERS PLAYS BY TENNESSEE WILLIAMS "THE GLASS MENAGERY"

D. Motin

Summary: One of the most famous plays by Tennessee Williams, "The Glass Menagerie" is a classic example of American drama of the 20th century and still remains relevant for productions. The characters of the play are forced to live in a world that does not meet their expectations and requirements, which leads to internal and external conflicts, which often have unconscious causes. This article examines the irrational motives in the behavior of the characters in Williams' play "The Glass Menagerie".

Keywords: Freudianism, American drama, modernism, psychoanalysis, the unconscious.

Аннотация: «Стеклянный зверинец» - одна из самых известных пьес Теннесси Уильямса, является классическим образцом американской драматургии XX века и до сих пор остается актуальной для постановок. Персонажи пьесы вынуждены жить в мире, который не соответствует их ожиданиям и требованиям, что приводит к внутренним и внешним конфликтам, которые зачастую имеют под собой бессознательные причины. В данной статье исследуются иррациональные мотивы в поведении героев пьесы Уильямса «Стеклянный зверинец».

Ключевые слова: фрейдизм, американская драматургия, модернизм, психоанализ, бессознательное.

«Стеклянный зверинец» – пьеса, написанная Теннесси Уильямсом в 1944 году. Это история о семье Уингфилдов, живущей в бедном районе Нового Орлеана. Главный герой, Том, молодой человек, который работает в магазине обуви и мечтает о карьере писателя. Именно от его лица идет повествование в пьесе. Его сестра Лаура - тихая и застенчивая девушка, которая страдает от комплекса неполноценности, из-за своего физического недостатка. Их мать Аманда - эксцентричная женщина, увлеченная прошлым и стремится поскорее выдать Лауру замуж.

Аманда живет в прошлом, скучая по временам, когда была моложе и счастливее. Она страдает от чувства одиночества и стремится вернуться на несколько лет назад, как и Бланш из «Трамвая Желание». Ее иррациональное поведение напоминают поведение Бланш Дюбуа, которая также не могла смириться с реальностью, в которой живет. Аманда помешана на мысли о своей юности и красоте, которые давно остались позади. Чтобы пережить эти чувства заново, она обращается к фотографиям из своего старого альбома и рассказывает сыну Тому о прекрасном мире прошлого. Для нее это лишь образ того, что больше не существует, но она все еще желает пережить эти моменты заново: «Я раскопала это в старом чемодане. В конце концов, моды изменились не так уж сильно... Полюбуйся на свою мать! В этом платье я открывала котильон и дважды брала приз за кекуок в Сансете» [1, стр. 236]

Из-за психологических травм героини, второй иррациональный мотив в ее поведение - чрезмерная любовь к своим детям, которая выражается в навязчивом чувстве контроля и желании, чтобы дети делали все так, как она этого хочет. Аманда выпустила Тома из дома только для того, чтобы он мог работать и обеспечивать их семью, но она не может принять тот факт, что ее дочь Лаура нуждается в более серьезном лечении, в первую очередь психологическом, которое поможет девушке принять свои недуги и социализироваться. Аманда не замечает, что у ее дочери есть трудности в общении с другими людьми и что Лаура сама отталкивает ее потенциальных поклонников, что лишает ее возможности начать новую жизнь. Лаура говорит о недостатках, но Аманда наотрез отказывается их замечать и принимать, вызывая резкое отторжение:

«Лаура. Мама, на ведь я...

Аманда. Ну?

Лаура. Ведь я... я инвалид!

Аманда. Какая чепуха! Сколько раз я тебе говорила: не произносить это слово. Ты не инвалид, у тебя просто крохотный физический недостаток» [1, стр. 196].

Одной из основных тем, затронутых в «Стеклянном зверинце», является надежда на будущее, которая свойственна почти всем персонажам этой пьесы. Для героини Аманды эта тема особенно важна, она верит, что ее сын Том сможет найти хорошую работу и создать успешную карьеру, что поможет всей семье выбраться из бедности: «Ты единственный не понимаешь, что будущее становит-

ся настоящим, настоящее – прошлым, а прошлое превращается в вечность” [1, стр. 227] Однако мечты, словно стеклянные игрушки, легко разбиваются о реальность, и Аманда не желает принимать ее такой, какая она есть. Она не хочет слышать своего сына и не замечает, что ее надежда основана на заблуждениях. Том, в свою очередь, не интересуется своей работой и мечтает об уходе из дома, который для него является тюрьмой. Он признается в постоянных конфликтах с матерью и приводит пример диалога с ней:

“Том. Какого дьявола, откуда я знаю...

Аманда. Может быть ты будешь...

Том. ... что можно сделать?!

Аманда. ... выбирать выражения! Я не потерплю их...

Том. О! О! О!

Аманда. ... в моем присутствии! Ты просто с ума сошел!

Том. Вы кого угодно доведете!” [1, стр. 199]

Аманда хочет быть похожей на порядочных и состоятельных людей, что приводит к тому, что она слишком заботится о своей внешности и переживает за впечатление, которое оставляет на себе и своих детях. Она также переживает за свое поведение на первых двух свиданиях Лауры, которые она считает неудачными из-за своего «неправильного» внешнего вида. Это является одним из проявлений иррационального поведения Аманды. Можно предположить, что причиной этого поведения являются неоправданные и несбывшиеся желания, которые заставляют ее возвращаться в прошлое хотя бы мыслями, чтобы контролировать все события. В поведении Аманды также можно наблюдать проявление эгоцентризма, который иногда проявляется даже с жесткостью по отношению к близким.

Лаура Уингфилд, закрытая и застенчивая девушка, представлена в пьесе как коллекционер стеклянных фигурок, живущая в своем мире иллюзий. Ее психологические травмы частично объясняют ее иррациональные мотивы в поведении. Она не несет ответственности за свою жизнь, все решают за нее мать и брат. Лаура - жертва, скрывающаяся от реальности за своей коллекцией, которая всего лишь иллюзия, которая разрушается в конце произведения и приводит к полному уходу девушки от реальности.

Аманда была очень требовательной к дочери, постоянно контролировала ее, ожидала успехов в личной жизни и карьере. Она часто рассказывала Лауре о своих достижениях в молодости, что постепенно заставляло Лауру чувствовать себя неполноценной и непривлекательной. В школе Лаура была очень робкой и безразличной к другим людям, что привлекало к ней насмешки со стороны других школьников. Этот опыт сильно повлиял на ее уверенность в себе и возможность общаться со сверстниками, став травмирующим событием в ее жизни.

Для Лауры коллекционирование стеклянных фигурок стало способом скрыться от реальности и создать свой мир, где она чувствует себя уверенно и защищено. Каждая фигурка имеет свою уникальность и характер, позволяя Лауре проявить свою заботу и творчество. Она замкнута в своем мире и не может покинуть его. Ее жизнь состоит из скромной работы оператора телефонной линии, которую ей помогла найти Аманда, чтобы Лаура могла найти подходящего мужчину для замужества: “После неудачи с Торговым колледжем Рубикэма у мамы был один расчет: чтобы у Лауры появился молодой человек, чтобы он приходил к нам в гости. Это стало наваждением... Даже когда о нем не упоминали, присутствие его все равно ощущалось в озабоченном виде матери, скованных, словно она в чем-то виновата движениях Лауры, и нависало над Уингфрилдами как наказание!” [1, стр. 197].

Бетти Тоуз в статье “Tennessee Williams’s The Glass Menagerie: The Symbolism of the Menagerie” [1, стр. 80-82] анализирует символизм стеклянной коллекции в пьесе, которая символизирует хрупкость и уязвимость Лауры, а также служат источником утешения для нее. Также автор обсуждает, как стеклянные животные могут быть интерпретированы как символы отчуждения и одиночества и как символы невозможности достижения идеала.

Том Уингфилд работает в обувной лавке и является братом Лауры. Его жизнь полна монотонности из-за тотального контроля со стороны матери. Том чувствует обязанность заботиться о своей семье, так как его отец пропал много лет назад. Теперь он должен заменять отца и заботиться о матери Аманде и сестре Лауре. Несмотря на все усилия, которые он прилагает для поддержания семьи, он чувствует, что его жизнь заключена в рамках этого обязательства. Это утяжеляет его жизнь и мешает развиваться как личности. Отец, который ушел, не позволил отношениям Тома и Аманды, как сына и матери, преодолеть «Эдипов комплекс» по Фрейдю, что приводит к постоянным конфликтам в семье из-за бессознательного механизма табу: “Для нас табу разветвляется в двух противоположных направлениях. С одной стороны - оно означает святой... с другой стороны - жуткий, опасный, запретный... Ограничения табу представляют собой не что иное, как религиозные и моральные запрещения. Они сводятся не к заповеди бога, а несут запреты сами по себе” [2, с. 33].

Желая быть свободным от ответственности за других и жить на свой лад, Том мечтает о путешествиях по миру и карьере поэта. Однако, его обязанности не позволяют ему осуществить эти мечты. Единственное, что не позволяет ему уйти из дома - это чувство вины перед Лаурой. Том понимает, что сестра страдает из-за своих физических и психологических проблем, и не может найти свое место в жизни. Но, он бессилён в помощи ей и чувствует

сильную вину. Это только ухудшает его психологическое состояние.

Из-за нарастающее напряжение в отношениях с Амандой и Лаурой Том становится всё более замкнутым и выходит из себя. Последняя драматическая сцена происходит, когда Джим Оконор, приглашенный Томом для знакомства с сестрой, буквально сбегает из дома Уингфилдов, утверждая, что на вокзале его ждет невеста. Разговор между Томом и Амандой приводит к ссоре, и он уходит из дома, оставляя свою семью одних. Несмотря на то, что Том покинул дом своей матери, он не смог избавиться от чувства гнетущей его вины: "Я не знал, что так предан тебе, и потому не могу предать. Я достаю сигарету, перехожу улицу, захожу в кино или в бар, я покупаю выпить, я заговариваю с первым встречным - делаю все, что может погасить свечи воспоминаний!.." [1, стр 285].

В пьесе «Стеклянный зверинец» главный герой Том

вспоминает прошлое, как и его сестра Аманда, и отдает предпочтение жить в нем. Он повторяет сцены из их жизни вместе с матерью и сестрой, пытаясь оправдать свои действия, но признается, что никогда не забудет свою сестру. Это позволяет сделать вывод, что все проблемы, как у Тома, так и остальных героев пьесы, имеют внутренние причины, а не внешние факторы. Том оказывается в том же сценарии, где финал определяется его психологическими травмами и подсознательными действиями: "... Я раз за разом играет роли из прошлого, открытую в детстве технику и воспроизводя с жуткой точностью все те же трагедии и комедии, с той же концовкой и с теми же порциями боли и удовольствия". [1, стр 7].

Можно отметить, что в поведении героев пьесы «Стеклянный зверинец» присутствуют явные иррациональные мотивы, что мешает им реализоваться и достигнуть своих целей. Они страдают от своих психологических проблем и проявлений бессознательного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уильямс, Теннесси. Кошка на раскаленной крыше; [пьесы: перевод с английского] / Теннесси Уильямс. - Москва: Издательство АСТ, 2020. - 288 с. - (Эксклюзивная классика). ISBN 978-5-17-123330-3.
2. Фрейд З. Тотем и табу; [перевод с немецкого М.В. Вульфа] - СПб: Азбука-классика, 2005. - 256 с. - ISBN 5-352-01625-0.
3. JOURNAL ARTICLE Review: [Untitled] Reviewed Work: The Critical I by Norman Holland Review by: Constantin Behler The Journal of Aesthetics and Art Criticism Vol. 54, No. 1 (Winter, 1996), pp. 80-82 (3 pages) Published By: Wiley: <https://www.jstor.org/stable/431684> .

© Мотин Данил Витальевич (motin_danil@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕТОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ БУРЯТ

Намжилова Елена Садоевна

Аспирант, Забайкальский государственный
университет, г. Чита
elenasnam@yandex.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE BURYAT CHRONICLE HERITAGE

E. Namzhilova

Summary: This article discusses the theoretical and methodological approaches to the study of the Buryat chronicle heritage in the modern world. The author proves that, along with traditional linguistic, literary, translational approaches, it is necessary to apply protection-legal, informational and semiotic approaches. According to the researcher, these approaches are relevant in the context of the partial loss of the language and the growing interest in the cultural heritage of peoples. These approaches will help in the study of the chronicles as a resource for updating the heritage for the reproduction of culture, as well as to ensure a balance between the traditional knowledge of the Buryats and modern conceptual searches for meanings.

Keywords: chronicle heritage, Buryat chronicles, semiotic approach, informational approach, protection-legal approach.

Аннотация: В настоящей статье автором рассматриваются теоретико-методологические подходы к изучению летописного наследия бурят на современном этапе. Доказывается, что наряду с традиционными лингвистическими, литературоведческими, переводческими подходами необходимо применять охранно-правовой, информационный и семиотический подходы, актуальные в условиях частичной утраты языка и возрастающего интереса к культурному наследию народов. Автор приходит к выводу о том, что данные подходы позволяют удовлетворить запрос на изучение летописей как ресурса реактуализации наследия для воспроизводства культуры, обеспечить баланс между традиционным знанием бурята о летописи и современным концептуальным поиском смыслов.

Ключевые слова: летописное наследие, бурятские летописи, семиотический подход, информационный подход, охранно-правовой подход.

Летописное наследие бурят находится в фокусе внимания ученых почти двести лет. Тем не менее отмечается недостаточная изученность летописей, что, во-первых, связано с периодом некоторого забвения в советское время, во-вторых, с использованием методологических подходов, не соответствующих современному уровню развития науки.

В 1869 году в «Иркутских губернских ведомостях» была опубликована летопись о баргузинских бурятах Цыванжаба Сахарова. Первые российские исследования бурятских летописей связаны с именами О.М. Ковалевского и А.М. Позднеева. Востоковед, профессор, ректор Казанского университета Осип Михайлович Ковалевский, с 1828 по 1833 год исследовавший язык и культуру Монголии, Забайкалья, Китая, в 1829 году разместил в «Казанском вестнике» легенду о происхождении бурят. В 1900 году А.М. Позднеев опубликовал «Предание о Бальжин-хатун» в Монгольской хрестоматии для первоначального преподавания [17].

Неоценимый вклад в исследование бурятских летописей внес ученый-ориенталист, монголовед Николай Николаевич Поппе, который в 1935-1940 гг. перевел и опубликовал бурятские летописи [12, 13, 14]. В послевоенные годы году Г.Н. Румянцевым были изданы «Краткое повествование о старинной истории Баргузина», «Со-

кращенная история баргузинских бурят» Цэжэба Цэрэнова (1917 г.), «История перекочевки в Баргузин в 1740 году баргузинских бурят с севера Байкала под предводительством Ондreja Шибшеева» Цэдэбжаба Сахарова [11]. В 1952 году З.Т. Тагаров описал селенгинскую летопись «Бичихан запискэ» [21].

Самым значимым для исследователей летописи является изданный в 1957 году труд Л.С. Пучковского «Монгольские рукописи и ксилографы Института востоковедения», в котором автор дал подробное описание 47 списков 16 хроник [18].

В советские годы большое внимание уделялось проблемам перевода летописей. Исследователями летописей Ш.Б. Чимитдоржиевым, Б.Д. Доржиевым, Ц.П. Ванчиковой, М.В. Аюшеевой, Л.Б. Бадмаевой были выполнены переводы бурятских летописей на русский язык, а в 1992 году Ш.Б. Чимитдоржиев издал книгу «Бурядайд түүхэ бэшэгүүд» [4].

Особенности языка бурятских летописей изучали Д.Д. Доржиев, Ц.Б. Цыдендамбаев. В филологическом и культурологическом аспектах исследуют бурятские летописи Л.Б. Бадмаева, Л.Д. Шагдаров (язык летописей, отражение истории и быта) [23], С. Сызньдаолима, В.М. Егодурова (лексика летописей шэнэхэнских бурят)

[20]. Проблемам описания, изучения и сохранения памятников письменности посвящены многие работы Ц.П. Ванчиковой [5, 6]. В аспекте введения транслитерированных текстов в диахронический корпус бурятского языка летописное наследие рассматривается учеными Л.Д. Бадмаевой [2], О.С. Ринчиновым [19]. Анализ реактуализации летописного наследия в процессах историзации и мифологизации образов современной культуры и искусства произведен в работах Б.Б. Цыбиковой [22].

Современный исследователь Л.Б. Бадмаева подводит итоги исследований: «В настоящее время выявлено и изучено около 40 больших и малых бурятских летописей, из них опубликованы на современном бурятском языке 21 хроника, на русском языке — 14 летописей, на английском языке — 1 хроника, на старописьменном монгольском языке — 10 летописей. Изданные бурятские хроники составляют лишь некоторую часть летописного наследия бурят, большая их часть все еще остается в рукописях» [1, с. 219].

Краткий обзор работ, посвященных летописному наследию бурят, позволяет проследить логику развития научной мысли от академического исследования летописей до сохранения и введения в актуальный культурный дискурс. На протяжении истории изучения подходы к летописному наследию менялись: маскулинный, атлетический политический консьюмеризм сменялся нонконформизмом ко всему наследию в современной повестке и роли в нем бурят.

Сегодня летописное наследие бурят вызывает повышенный интерес ученых, деятелей культуры в связи с общим трендом обращения коренных народов к традиционным культурным ценностям. В Республике Бурятия и Агинском Бурятском округе проводятся курсы по изучению старомонгольской письменности, конкурсы и фестивали каллиграфии. Для изучающих традиционную письменность доступны фрагменты летописей в виде фотографий, выложенных для всеобщего доступа в Интернете; переиздаются книги советского периода с летописями в переводе на современный бурятский и русский языки [5]. Так созданы условия для воспроизводства летописного наследия в современном социокультурном пространстве.

Бурятские летописи исследуются как культурное, историческое, языковое явление. Поэтому отмечается

рост интереса к летописям бурят со стороны массового читателя, наблюдается расширение фольклорных и летописных тематик в реальном, виртуальном пространстве. Традиционно устойчив интерес театральных режиссеров к сюжетам и образам бурятских летописей. Образ героини летописных текстов и фольклорных произведений Бальжин-хатан эжи вдохновляет на создание новых художественных произведений.

Написанная в 1985 году историческая драма «Бальжин-хатан» Доржи Эрдынеева впервые опубликована в 2006 году¹. В 2017 году к летописному сюжету обратился коллектив театра «Амар сайн», поставив спектакль-легенду «Бальжин хатан». В сентябре 2019 года студенты первой целевой бурятской студии театрального института имени Бориса Щукина поставили спектакль «Её зовут Бальжин». По оценкам театралов, студенты превратили летописный сюжет «в абсолютно актуальное и практически феминистское высказывание, к тому же вестернизировали национальный эпос»². В ноябре 2021 года в Бурятской филармонии состоялась премьера этно-рок оперы «Бальжан хатан»³, основанной на том же летописном сюжете. В 2022 году уже в Бурятском театре оперы и балета был создан рок-мюзикл «Бальжан хатан»⁴.

На этом фоне креативный сектор испытывает недостаточную изученность летописей как ресурса реактуализации наследия в функции воспроизводства концептуальных основ создания интересов конкурентоспособной личности на современном этапе. Появляется необходимость исследования методологических инструментов современной культурологии (научных подходов) к исследованию летописного наследия как части нематериального культурного наследия, в частности бурят.

Проанализируем существующие теоретико-методологические подходы к исследованию этой темы. И.И. Горлова, А.Н. Зорин отмечают, что границы между подходами к изучению культурного наследия являются весьма условными, и выделяют следующие рубрики терминологии: ценностно-гуманитарная, информационно-символическая, экономическая, охранно-правовая. Ученые предлагают при анализе методологических подходов принимать во внимание идеологические установки эпохи, эстетические и художественные предпочтения, уровень развития информационных технологий и способов коммуникации, экономическую значимость культурного наследия [9, с. 5].

1 Доржи Эрдынеев – драматург, прозаик... [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://arigus.tv/news/culture/109694-dorzhi-erdynееv-dramaturg-prozaik/> (дата обращения: 15.03.2023)

2 В Москве показали спектакль «Её зовут Бальжин» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://burdram.ru/media/news/v-moskve-pokazali-spektakl-%C2%ABeyo-zovut-balzhin%C2%BB.html> (дата обращения: 15.03.2023)

3 В Бурятии состоится премьера этно-рок-оперы «Бальжан хатан» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://burunen.ru/news/culture/87052-v-buryatii-sostoitsya-premera-etno-rok-opery-balzhan-khatan/> (дата обращения: 15.02.2023)

4 История Бальжан Хатан в рок-мюзикле [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://uuopera.ru/istoriya-balzhan-khatan-v-rok-myuzikle/> (дата обращения: 15.03.2023)

В условиях угрозы утраты традиций важным является **охранно-правовой подход**. В статье 1 Всеобщей декларации ЮНЕСКО⁵ о культурном разнообразии отмечается: «Будучи источником обменов, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений» [7]. Из данного документа вытекает право всеобщего и равного доступа к культурному наследию. И если для артефактов материальной культуры такое право может нести в некоторой степени угрозу, то для объектов нематериального культурного наследия право всеобщего доступа может означать увеличение процента сохранности, вероятности бытования наследия.

С другой стороны, право всеобщего и равного доступа к объектам нематериального культурного наследия создает угрозу его утраты вследствие ненадлежащего обращения, о чем пишет М.Х. Дугужева, анализируя принятый 20 октября 2022 года Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»⁶. Автор пишет, что в данном законе не предусмотрена необходимость охраны, «исходя из логики общественного достояния, которое незачем и не от кого защищать в силу принадлежности всем» [10, с. 56]. Нематериальное культурное наследие, названное в законе нематериальным этнокультурным достоянием, необходимо защищать от «окарикурирования, присвоения, введения в заблуждение о сообществе, в котором объект создан, используется и считается своим наследием» [10, с. 56].

Летописи как памятники письменности занимают промежуточное положение между материальным и нематериальным культурным наследием: нематериальные ценности зафиксированы в материальной оболочке. В данном случае предлагается «преодолеть противоречие между стремлением сохранить оригинал и осуществлением права равного и всеобщего доступа к культурному наследию» [3, с. 21] с помощью цифровизации наследия, что обеспечит право всеобщего и равного доступа к электронным копиям книжных и рукописных артефактов.

Появление феномена цифровой культуры, который вмещает в себя два компонента (цифровизация аналоговых объектов и создание культурных объектов в цифровой форме), вызывает необходимость применения новых методологических подходов как к самому процессу оцифровки, так и к исследованию оцифрованно-

го культурного наследия. Работы многих современных исследователей посвящены поиску новых подходов в направлении цифровизации культурного наследия. Интересный проект реализуют О.С. Ринчинов, Ю.Д. Абаева, создавшие геоинформационный веб-ресурс «Диалектный корпус бурятского языка», в котором «предоставляется ценная информация, позволяющая составить полное представление о диалектах бурятского языка, исследованных в ходе реализации проекта» [19, с. 333]. Ценность ресурса также в том, что в диалектных образцах сохраняются оцифрованные образцы культурного наследия в виде народных песен и др.

В направлении цифровизации проводит исследования А.А. Мазенкова, которая считает, что ценность наследия заключается прежде всего в информации, так как «именно она является наиболее существенным и поистине неисчерпаемым ресурсом наследия» [16, с. 35]. По мнению сторонников данного подхода, «содержание и суть наследия – в его хранимой исторической информации, и именно этот ресурс неисчерпаем» [16, с. 35]. Так актуализируется **информационный подход**, тесно связанный с охранно-правовым: сохранение наследия как исторической информации расширяет право всеобщего и равного доступа к культурному наследию.

Всплеск интереса к летописному наследию бурят заставляет искать причины данного явления. В обозначенном И.И. Горловой, А.Н. Зориним информационно-символическом направлении исследования культурного наследия востребованным сегодня является **семиотический подход**, развивающийся в векторе интерпретативного поворота. Здесь важно выявить, как культурное наследие воспринимается людьми в разные времена, какое значение приобретает наследие в актуальной культуре. Ю.М. Лотман, исследуя закономерности культурных взрывов и последующих этапов развития, пишет об одной из причин, побуждающих обращаться к наследию: «Речь идет здесь о психологической потребности переделать прошлое, внести в него исправления, причем пережить этот скорректированный процесс как истинную реальность» [15, с. 111]. Такая психологическая потребность возрастает в периоды социальных изменений, которые характеризуются неустойчивостью идеологий. Клиффорд Гирц в статье «Идеология как культурная система» пишет: «Самая непосредственная причина идеологической активности — утрата ориентиров, неспособность, за отсутствием подходящих моделей, постичь универсум гражданских прав и обязанностей, в котором оказывается индивид» [8, с. 249]. Так социальное, психологическое, культурное напряжение в обще-

5 Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 15.03.2023).

6 Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210200005>

стве вызывает идеологическую активность, поиск новых смыслов. При этом, поскольку человечеству затруднительно осмыслить настоящее и заглянуть в будущее («Прошлое страстно глядится в грядущее...» (А.А. Блок)), поиск новых смыслов часто происходит в пространстве прошлого.

Следующую причину роста интереса к летописному наследию бурят обозначим словами Ю.М. Лотмана. В диалоге с наследию наш современник является «слушателем», воспринимающим «говорящего»: летописи рассказывают нам историю. Ситуацию пересечения смыслового пространства, говорящего и слушающего ученый схематично изобразил как пересекающуюся часть двух окружностей. Если окружности не пересекаются, то есть если нет общего смыслового поля, то общение становится невозможным. Если окружности пересекаются полностью, то есть смысловые поля идентичны, то общение теряет смысл. Далее выявляется парадокс общения: «чем труднее и неадекватнее перевод одной непересекающейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношении

становится факт этого парадоксального общения» [15, с. 16]. Именно такая ситуация парадоксального общения наблюдается сегодня между летописным наследием бурят (говорящий) и современным потребителем культуры (слушающий). Ю.М. Лотман предлагает в понятие нормального языкового общения ввести понятие напряжения, которое характеризуется одновременным стремлением к облегчению понимания и стремлением к увеличению ценности сообщения.

Таким образом, в современных условиях актуальными и наиболее продуктивными в исследовании летописного наследия бурят являются охранно-правовой, информационный, семиотический подходы. Данные подходы позволяют удовлетворить запрос на изучение летописей как ресурса реактуализации наследия для воспроизводства культуры, обеспечить баланс между традиционным знанием бурята о летописи как этноистории и современным концептуальным поиском смыслов. Диалог в поле культурного напряжения даст возможность спроектировать достойное будущее народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадмаева, Л.Б. Литературное наследие бурят на старомонгольской письменности / Л.Б. Бадмаева // Банзаровские чтения: Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ - БГУ, Улан-Удэ, 30–31 марта 2022 года. Том Часть 1. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2022. – С. 216–219. – DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-216-219. – EDN XRUMSG.
2. Бадмаева, Л.Д. О расширении корпуса бурятского языка / Л.Д. Бадмаева // Банзаровские чтения: Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ - БГУ, Улан-Удэ, 30–31 марта 2022 года. Том Часть 1. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2022. – С. 227–229. – DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-227-229. – EDN LVYLWW.
3. Бураева, С.В. Историко-культурное наследие народов Байкальского региона на современном этапе: книжные памятники // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: материалы всероссийской научной конференции с международным участием, г. Барнаул, 24–26 сентября 2020 года / науч. ред. Н.А. Матвеева; отв. ред. Т.П. Сухотерина. – Барнаул: АлтГПУ, 2020. – 532 с. DOI 10.37386/978-5-88210-971-3.
4. Буряадай түүхэ бэшэгүүд. – Улаан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1992. – 240 н.
5. Бурятские летописи. Составители: Ц.П. Ванчикова, Ш.Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ: Нова-Принт, 2022. – с. 328: ил.
6. Ванчикова, Ц.П. Памятники письменности как основа историко-культурного наследия народов Бурятии: стратегии сохранения и трансляции / Ц.П. Ванчикова, С.В. Бураева // Гуманитарный вектор. – 2010. – № 4(24). – С. 111–117. – EDN NBYIML.
7. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии — Текст: электронный // Организация объединенных наций: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 07.05.2023).
8. Гирц, К. Интерпретация культур / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 560 с.
9. Горлова, И.И. О трактовке понятия «культурное наследие» в современной гуманитаристике: теоретико-методологические подходы / И.И. Горлова, А.Л. Зорин // Культурное наследие России. – 2020. – № 3(30). – С. 3–13. – DOI 10.34685/NI.2020.30.3.001. – EDN UZRSJM.
10. Дугужева, М.Х. О нематериальном этнокультурном достоянии / М.Х. Дугужева // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. – 2023. – № 1. – С. 51–58. – EDN CCMVPH.
11. Краткое повествование о старинной истории Баргузина. — Текст: электронный // Восточная литература. Средневековые исторические источники: [сайт]. — URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/Burjatia/XVII/1660-1680/Barguzin_jet/text1.htm (дата обращения: 07.05.2023).
12. Летописи селенгинских бурят. Вып. 1. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936.
13. Летописи хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова. М.; Л. Издательство АН СССР, 1940.
14. Летопись баргузинских бурят: Тексты и исследования. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1935.
15. Лотман, Ю.М. Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство-СПБ», 2000. – 704 с.
16. Мазенкова, А.А. Эволюция понимания культурного наследия – история и современность: региональный аспект / А.А. Мазенкова // Национальные приоритеты России. – 2013. – № 1(8). – С. 27–36. – EDN TLORZB.

17. Найдаков, В.Ц. К истории бурятского народа (бурятские летописи) / В.Ц. Найдаков. — Текст: электронный // Восточная литература. Средневековые исторические источники: [сайт]. — URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/Burjatia/Burjat_letopisi/rametext.htm (дата обращения: 26.02.2023).
18. Пучковский, Л.С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Вып. 1. История, право. Ответственные редакторы Б.И. Панкратов, Д.И. Тихонов. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР. 1957. 280 с., илл.
19. Ринчинов, О.С. Геоинформационный веб-ресурс «Диалектный корпус бурятского языка» / О.С. Ринчинов, Ю.Д. Абаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, № 1. — С. 328-334. — DOI 10.30853/phil20230006. — EDN KTRPAM.
20. Сызэньдаолима, С. Китайские заимствования в языке шэнээнских бурят как отражение межэтнических контактов (на материале летописи Хуасай Согтин Жамсо «Шэнээнские бурят-монголы») / С. Сызэньдаолима, В.М. Егудурова // Россия - Китай: история и культура: Сборник статей и докладов участников XII Международной научно-практической конференции, Казань, 09–12 октября 2019 года. — Казань: Издательство «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2019. — С. 597-604. — EDN TOQVBH.
21. Тагаров, З.Т. Заметка о бурят-монгольской летописи «Бичихан запискэ» / З.Т. Тагаров. — Текст: электронный // Восточная литература. Средневековые исторические источники: [сайт]. — URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus8/Burjat/Bicichan_zapiske/zametka_1952.phtml (дата обращения: 07.05.2023).
22. Цыбикова, Б.Б. Историзация и мифологизация персонажей в бурятских преданиях (на примере образа Бальжан) / Б.Б. Цыбикова, Л.С. Дампилова // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 262—274. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-262-274
23. Шагдаров, Л.Д., Бадмаева, Л.Б. Особенности текстовой организации бурятских летописных текстов // Языки и письменные источники монгольских народов: материалы междунар. конф., проведенной в рамках Конвента монголов мира (Улан-Удэ, 14-18 июля 2010 г.) / отв. ред. Л.Д. Шагдаров, Л.Д. Бадмаева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 99-106.

© Намжилова Елена Садоевна (elenasnam@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНЫХ КЛАСТЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ ПОЯВЛЕНИЯ

Острикова Мария Владимировна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»
masha@mosconsv.ru

HISTORY OF CREATIVE CLUSTERS IN CONTEMPORARY CULTURE: CAUSES AND CONSEQUENCES

M. Ostriкова

Summary: Creative clusters have become one of the most important factors in the development of the modern cultural industry. The article deals with the history of creative clusters development in contemporary culture, not only in foreign but also in domestic culture. The reasons for their emergence are analyzed and summarized. The article also analyzes the consequences of the emergence of creative clusters for society and the economy. Particular attention is paid to their impact on improving the quality of life of people and the development of cities. The author paid special attention to the fact that creative clusters are an important factor in the sustainable development of modern society and make a significant contribution to economic and social growth.

Keywords: creative clusters, urban development, art spaces, modern culture, cultural development, urban environment.

Аннотация: Креативные кластеры стали одним из наиболее важных факторов развития современной культурной индустрии. В статье рассматривается история развития креативных кластеров в современной культуре, не только в зарубежной, но и в отечественной. Анализируются и подводятся итоги, касающиеся причин их возникновения. В статье также анализируются последствия появления креативных кластеров для общества и экономики. Внимание уделяется их влиянию на улучшение качества жизни людей и развитию городов. Особое внимание было обращено автором на то, что креативные кластеры являются важным фактором устойчивого развития современного общества и вносят значительный вклад в экономический и социальный рост.

Ключевые слова: креативные кластеры, городское развитие, арт-пространства, современная культура, развитие культуры, городская среда.

Креативные кластеры являются важными элементами современной культуры. Они создают условия для развития творческих людей, помогают создавать новые проекты и продукты, а также способствуют развитию экономики. Креативные кластеры - это места, где люди могут собираться, обмениваться опытом, создавать новые проекты и продвигать свои творческие идеи. Они стали неотъемлемой частью современной культуры и играют важную роль в экономическом развитии регионов. Но как началось развитие креативных кластеров, и почему они стали такими популярными?

Зиновьева в своей работе «Феномен креативного кластера в отечественной и зарубежной архитектурной практике» выделяет следующие задачи, которые перед собой ставит любой креативный кластер, а именно:

1. генерирование идей;
2. стимулирование творческого развития;
3. обеспечение создания «креативного продукта» и его продвижение;
4. обеспечение продажи «креативного продукта». [3]

Креативные кластеры позволяют создавать новые формы искусства и культуры, а также обеспечивают развитие инфраструктуры и технологий, которые необходимы для этого. Кроме того, они способствуют обмену зна-

ниями и опытом между различными отраслями культуры и развитию творческого мышления. Креативные кластеры также помогают создавать новые рабочие места и привлекать инвестиции в регионы, где они развиваются.

С. Эванс выделяет четыре вида творческих кластеров: творческие рабочие пространства под одной крышей; творческие районы в городах; региональные творческие кластеры; виртуальные кластеры онлайн. Эти четыре типа сообществ характеризуются различными видами взаимодействия, сотрудничества, конкуренции и самобытности. [8]

Говоря об истории возникновения первых кластеров, стоит упомянуть то, что некоторые источники представляют данную информацию по-разному, но в целом делятся на два лагеря: те, кто считает, что первые креативные кластеры появились в Англии, и те, кто уверен, что прародителем данных творческих объединений стал Энди Уорхол.

В Англии креативные индустрии стали бурно развиваться во второй половине 90-х годов. В качестве примера можно рассмотреть такие промышленные города Англии, как Манчестер, Ливерпуль и Шеффилд. Именно в этих городах появились новые места, где в потенци-

ально заброшенных промышленных кварталах разместились творческие кластеры: сначала небольшие творческие компании, затем более крупные. [2]

Эта страна была первой, которая увидела потенциал креативного кластера в развитии культуры и экономики. Креативный кластер был определен как группа творческих предприятий и индивидуальных творческих профессионалов, которые сотрудничают между собой, чтобы обеспечить инновации в своей отрасли. Основной идеей креативного кластера является создание условий для взаимодействия и сотрудничества между представителями различных отраслей культуры, таких как кино, музыка, театр, изобразительное искусство и т.д.

Креативным кластером в современном значении Энди Уорхола в Нью-Йорке стала «Фабрика», которая объединила под своей крышей художественную мастерскую, студию кино- и звукозаписи, пространство для мероприятий. «Фабрика» стала излюбленным местом нью-йоркской богемы: фотографов, режиссеров, художников, музыкантов и т.д. [7] В целом, можно сказать, что к 1990-м годам креативные кластеры стали более разнообразными и популярными, что и стало основной предпосылкой к их дальнейшему формированию и развитию.

Зиновьева говорит о том, что в России появление феномена креативного кластера относится к первому десятилетию XXI века. Здесь оно также реализовалось посредством ревитализации промышленных зон, опустевших в результате деиндустриализации. [3]

Говоря про историю развития креативных кластеров в нашей стране, первым творческим кластером Москвы по праву считается Центр дизайна Artplay. Его история началась еще в 2003 году, но переехал он на территорию бывшей промзоны в районе Курского вокзала, где сейчас занимает целый квартал общей площадью в 75 000 кв.м. только в 2008. Именно с того времени арт-кластер стал важной частью современного культурного ландшафта столицы. [6]

Тот факт, что креативные кластеры начали зарождаться в России немного позднее, чем в других странах, можно объяснить рядом причин, начиная от нестабильного положения страны на международной арене в конце 20 века и заканчивая неготовностью людей заниматься искусством в связи с шаткой экономической обстановкой в стране.

Левшина в своей статье «Креативные кластеры как способ преобразования городской среды и инструмент повышения туристической привлекательности города» акцентирует внимание на том, что креативные кластеры получили повсеместное распространение в условиях современной креативной экономики, основанной на

синтезе науки, творчества и бизнеса. И Россия в данном случае не стала исключением. Наиболее активно кластерное движение развивается в таких городах, как Санкт-Петербург, Москва и Екатеринбург. Это обусловлено высокой плотностью населения, развитой городской средой, наличием большого количества объектов историко-культурного наследия. [5]

В 2019 году команда Artplay вместе с коллегами из «Винзавода», «Фабрики» и «Флакона» создала Союз креативных кластеров. Его создание призвано помочь определить сущность таких институций и нюансы их работы, отточить терминологию, а также совместно доработать меры необходимой поддержки для дальнейшего развития. [4] Присвоение Artplay статуса креативного технопарка во многом расширило возможности институции и дало ему новый виток развития. Став первопроходцами, команда Artplay открыла двери в новый мир и своим коллегам – это и иллюстрирует создание Союза креативных кластеров. Являясь своего рода феноменом в нашей стране, Artplay подает пример тем, кто находится лишь в начале пути, а в результате его активной деятельности можно включить всецелое развитие креативных индустрий, поддержку творческого сообщества и притяжение огромного количества людей, что оказывает влияние на формирование облика современного мегаполиса. [6]

Такой стремительно набирающий новые и, зачастую, неожиданные повороты процесс развития и распространения креативных кластером по всему миру, включая Россию и многие ее регионы, может быть обусловлено различными факторами. Интересно отметить, что данные причины являются не только сугубо экономическими или политическими, несмотря на то что, фактически, данный процесс настолько всеобъемлющий и широкий, что не может проводиться без помощи государства и внутренних его органов, но также и социальным. В конечном итоге можно прийти к выводу о том, что одной из главных причин появления креативных кластеров является развитие экономики и технологий. Современная экономика требует постоянного развития и инноваций, что возможно только совместной работе творческих людей в рамках сильной и устойчивой инфраструктуры. Данную предпосылку можно в очередной раз поближе рассмотреть на примере развития креативных кластеров в Великобритании и в Соединенных Штатах Америки. Уже было упомянуто, что развитие творческих индустрий началось только тогда, когда страны смогли достичь достаточного уровня экономической стабильности, чтобы и правительство, и граждане имели возможность сконцентрироваться на проявлении творческого и креативного потенциалов.

Развитие креативных кластеров, как уже было упомянуто, не может обойтись без непосредственного участия в данном процессе государства, а также различных го-

сударственных органов. Ведь невозможно отрицать тот факт, что такой крупномасштабный и затрагивающий практически все сферы общества процесс должен не только находиться под контролем государства, но также и им спонсироваться. Таким образом, причинами развития креативных кластеров также является увеличение уровня заинтересованности правительства в этом. Осведомлённость правительства о процессах развития креативных индустрий, имеющих место в государстве, может повысить уровень заинтересованности горожан, которые в таком случае становятся более уверенными в том, что система будет работать безотказно, и что им не стоит переживать о том, что мероприятия, в которые они будут вкладывать свои моральные, творческие, самое главное, физические силы, не будут напрасными. Государства также активно поддерживают создание креативных кластеров потому, что они помогают развитию туризма и экономики страны. Только правительственные органы имеют власть над всеми сферами жизни общества и могут вводить специальные законопроекты, которые будут приносить плоды в развитие данных индустрий.

Развитие городской среды также является важной причиной появления креативных кластеров. С развитием городов и увеличением численности населения, стали возникать потребности в культуре, искусстве, инновациях и творчестве. Только при условии расширения и развития городов и городских агломераций стал возможным перенос практически всех видов предприятий (крупных и средних) за пределы городов. В результате начали освобождаться ничем не занятые места в бывших промышленных зонах, на месте которых начала появляться креативные кластеры, поскольку данные места были удобны не только с точки зрения их местоположения (важно упомянуть то, что они по большей части находились в центральных частях городов), но также и с точки зрения того, что они представляли из себя буквально пустые пространства, без лишних стен и ограждений, которые легко могли быть разнообразными способами преобразованы и модифицированы.

Также важным фактором является желание людей работать в более комфортном и креативном окружении. При этом многие люди предпочитают работать в кластерах, где есть возможность общаться и работать с другими творческими людьми, а также использовать общее оборудование и инфраструктуру. Таким образом у людей появляется возможность не только поделиться своим творчеством с миром, но и приобщиться к творениям других мастеров. Данную причину широкого появления кластеров как раз можно отнести к социальным, поскольку она непосредственно связана с деятельностью горожан. Невозможно отрицать тот факт, что данная предпосылка связана с двумя предыдущими, поскольку благосостояние и благополучие населения, а также желание людей больше и больше вкладывать свои силы в

развитие креативных индустрий неразрывно связаны со стабильностью экономической системы страны. Люди, не имеющие возможность купить хлеб или быть уверенными в завтрашнем дне не смогут уделить достаточно усилий на распространение своих творческих идей, поскольку они будут сконцентрированы на другом: стабилизации собственных земных жизней и наращивании материального, а не духовного капитала.

Таким образом, можно сделать заключение о том, что основными причинами и предпосылками становления креативных кластеров можно считать появление в определённых странах стабильной экономики и функционирования финансовой системы, развитие городской среды и появление свободного места для строительства площадок для свободной работы творческих людей, а также прямое и активное участие самих горожан в данном процессе.

Как известно, любое явление имеет не только предпосылки появления, но и последствия и результаты своей деятельности. Таким образом, и процесс появления креативных кластером не выявляется для этого исключением. В первую очередь, появление креативных кластеров оказало положительное влияние на городскую среду. Они стали местом притяжения для творческих людей, привлекая талантливых и инновационных специалистов в город. Креативные кластеры также сыграли большую роль в развитии экономики городов, привлекая инвестиции и способствуя созданию новых рабочих мест. Они также способствуют привлечению инвестиций и развитию туризма. Данные последствия неразрывно связаны друг с другом, поскольку без активного развития туризма не повышалась бы заинтересованность горожан в распространении своего творчества, а без появления новых видов искусства, не было бы такого большого количества посетителей городов. В особенности данные последствия важны для маленьких городов и региональных центров.

Алла Берендеева в своей работе «Перспективы создания культурных кластеров в развитии социальной сферы региона» акцентирует внимание на том, что творческие предприниматели обычно приходят в бедные, полуразрушенные и вообще «проблемные» районы города, т. к. цены на недвижимость там существенно ниже. Их присутствие довольно быстро «облагораживает» район: здесь возникают улицы и кварталы, где кипит жизнь, открываются новые кафе и магазины, приводятся в порядок здания и городская инфраструктура. [1]

Таким образом, появление креативных кластеров в современных городах является следствием развития экономики, технологий и городской среды. Они стали важным фактором в развитии городов, привлекая талантливых людей и способствуя созданию новых рабочих мест.

Сегодня креативные кластеры работают в различных странах мира, включая США, Китай, Россию, Японию и многие другие. Они стали неотъемлемой частью экономического и культурного развития многих государств. Развитие креативных кластеров в современной культуре позволяет развивать новые технологии, создавать новые культурные продукты и формы искусства, а также обогащать культурную жизнь страны.

Сегодня креативные кластеры являются важным элементом в развитии современной культуры и экономики. Они создают условия для роста творческого потенциала и развития культурного туризма. Однако, без поддержки и финансирования они не смогут полностью раскрыть свой потенциал. Поэтому, государство и бизнес должны придать этому вопросу большое значение и вкладывать в креативные кластеры средства, чтобы обеспечить их успешное развитие и процветание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берендеева Алла Борисовна Перспективы создания культурных кластеров в развитии социальной сферы региона // Современные наукоёмкие технологии. Региональное приложение. 2016. №3 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sozdaniya-kulturnyh-klasterov-v-razvitii-sotsialnoy-sfery-regiona> (дата обращения: 13.06.2023).
2. Волкова Юлия Аркадьевна Формирование кластера креативных индустрий в современном городе // Ноэма. 2021. №2 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-klastera-kreativnyh-industriy-v-sovremennom-gorode> (дата обращения: 13.06.2023).
3. Зиновьева, М.А. Феномен креативного кластера в отечественной и зарубежной архитектурной практике / М.А. Зиновьева, Е.В. Кокорина // Архитектурные исследования. – 2021. – № 4(28). – С. 19-27. – EDN PLRKSH.
4. Колганов, А. Точка междисциплинарного общения: как устроен креативный технопарк / А. Колганов. // Афиша Daily. Урбанистика, 2020. URL: <https://daily.afisha.ru/cities/15970-tochka-mezhdisciplinarnogo-obscheniya-kak-ustroen-kreativnyu-tehnpark/> (дата обращения: 13.06.2023). — Текст: электронный.
5. Левшина Ольга Николаевна Креативные кластеры как способ преобразования городской среды и инструмент повышения туристической привлекательности города (на примере Санкт-Петербурга) // Общество: философия, история, культура. 2022. №8 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-klastery-kak-sposob-preobrazovaniya-gorodskoy-sredy-i-instrument-povysheniya-turisticheskoy-privlekatelnosti-goroda-na> (дата обращения: 13.06.2023).
6. Официальный сайт креативного пространства Artplay: [сайт]. URL: <https://artplay.ru/> (дата обращения: 13.06.2023). — Текст: электронный.
7. Billy, You Do the Stills [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://flashbak.com/the-silver-factory-man-billy-name-1940-2016-361480/> (дата обращения: 12.06.2023).
8. Evans S. Creative clusters: key concepts. - URL: http://creativeclusters.com/clusters.dream-hosters.com/page_id=1599

© Острикова Мария Владимировна (masha@moscons.v.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОДОЛЖЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ НАРОДНЫХ РЕМЕСЛ СЕВЕРНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В БАСЕЙНЕ РЕКИ ХЭЙЛУНЦЗЯН¹

Се Хуэй

профессор, Хэйхэский университет

dtszyan@mail.ru

Ван Хайфэн

старший преподаватель, Хэйхэский университет

dtszyan_CT@mail.ru

CONTINUATION AND PRESERVATION OF FOLK HANDICRAFTS OF NORTHERN ETHNIC MINORITIES IN THE HEILONGJIANG RIVER BASIN

Xie Hui
Wang Haifeng

Summary: This article describes the cultural crafts of northern ethnic minorities living in the Heilongjiang River basin. The aim of the paper is to describe the preservation and dissemination of folk crafts of ethnic minorities of China living in the Heilongjiang River basin. The practical significance of the article is explained by the fact that the listed cultural traditions and folk crafts of northern ethnic minorities may be of interest to philologists, culturologists and historians who study the spiritual traditions of China. The author describes in detail the creation of birch bark products, paintings made of fish skin, canvases with embroidery. The author concludes that the cultural heritage of the northern ethnic minorities of China is of artistic value and is included in the «List of Intangible Cultural Heritage of State Importance». Accordingly, in the modern world, the main traditions of northern ethnic minorities are preserved and continued in the form of organized lectures and workshops, in museums and libraries, as well as on tours for tourists.

Keywords: China, folk handicrafts, cultural values, northern ethnic minorities, continuation and preservation of handicrafts, birch bark weaving, embroidery, fish skin paintings, Heilongjiang River Basin.

Аннотация: Статья посвящена описанию культурных ремесел северных этнических меньшинств, проживающих в бассейне реки Хэйлунцзян. Целью работы является описание сохранения и распространения народных ремесел этнических меньшинств Китая, проживающих в бассейне реки Хэйлунцзян. Практическая значимость статьи объясняется тем, что перечисленные культурные традиции и народные ремесла северных этнических меньшинств могут быть интересны филологам, культурологам и историкам, изучающим духовные традиции Китая. Автор подробно описывает создание берестяных изделий, картин из рыбьей кожи, полотен с вышивкой. Автор приходит к выводу, что культурное наследие северных этнических меньшинств Китая представляет собой художественную ценность и входит в «Список нематериального культурного наследия государственного значения». Соответственно, в современном мире основные традиции северных этнических меньшинств сохраняются и продолжают в виде организованных лекций и мастер-классов, в музеях и библиотеках, а также на экскурсиях для туристов.

Ключевые слова: Китай, народные ремесла, культурные ценности, северные этнические меньшинства, продолжение и сохранение ремесел, плетение из бересты, вышивка, картины из рыбьей кожи, бассейн реки Хэйлунцзян.

Введение

Наследие и продукты культурно-художественного творчества являются ценным общим достоянием человечества. С помощью ремесленных изделий сохраняется дух, традиции, история и мудрость человеческого развития. *Актуальность работы* обусловлена развитием производственной деятельности и образа жизни людей, что привело к ухудшению состояния окружающей среды. Сохранение народных ремесел и изделий ручного труда способствует развитию туристических деревень, которые являются частью всемирного наследия.

Целью работы является описание сохранения и распространения народных ремесел этнических меньшинств Китая, проживающих в бассейне реки Хэйлунцзян.

Практическая значимость статьи объясняется тем, что перечисленные культурные традиции и народные ремесла северных этнических меньшинств могут быть интересны филологам, культурологам и историкам, изучающим духовные традиции Китая.

В бассейне реки Хэйлунцзян проживает один из малочисленных народов Китая – орокены. Численность

¹ Данная работа публикуется в рамках ключевого прорученного научного проекта провинции Хэйлунцзян 2022 года по исследованию реформы преподавания в высшем образовании для студентов бакалавриата на тему «Исследование пути качественного развития сотрудничества с российским высшим образованием в провинции Хэйлунцзян в условиях модернизации образования по китайскому образцу», номер проекта: SJGZ20220176

жителей, согласно переписи населения 2022, составляет 8659 человек. Примитивное общество ороконов представляло собой родоплеменную общину, основными занятиями которой были охота, рыболовство, собирательство и культурные ремесла [1, с. 42]. Своеобразный уклад жизни ороконов способствовал возникновению продуктов, представляющих уникальное культурное наследие. С 1953 года ремесленные изделия ороконов были признаны нематериальным культурным наследием, которое охраняется государством [3, с. 7].

Необходимо отметить, что предметы нематериального наследия ороконов, живущих в бассейне реки Хэйлуцзян, признаются Госсоветом КНР и публикуются в списке культурного наследия.

К числу объектов, которые сохраняются и продолжают распространение в Китае, относятся предметы декоративно-прикладного искусства из бересты [5, с. 224]. Образ жизни ороконов, занятия охотой, постройка жилищ вдоль горных хребтов, способствовали развитию и использованию в качестве строительного материала для изготовления конического чума бересту. Береста служила для создания плошек, тазов, ведер, сундуков, корзин и др. изделий. Берестяные корзины использовались для перевозки и упаковки вещей, снаружи корзины стягивались прочным ремнем из кожи для удобства перемещения.

Сейчас корзины ороконов являются объектами культурного наследия. Очень часто на корзинах встречаются украшения – узоры с использованием ортогонального и волнообразного линейного орнамента. Эти узоры наносились на поверхности корзин черным цветом, который резко контрастировал с цветом изделия [7, с. 16]. Изделия являются продолжением многовековой традиции уникального ороконовского народного декоративного стиля, имеющего богатое культурное наследие.

Кроме этого, ороконы создают декоративные изделия из бересты, представляющие интерес для туристов: шкатулки, предметы домашнего обихода, шляпы, др. Достоинством изделий из бересты является их прочность и износостойкость: готовые предметы можно использовать более 10 лет. Художественный стиль декоративным изделиям национальных меньшинств придает бронзовый оттенок ремесленных вещей и наличие резных и расписных узоров.

С помощью гравировки и тиснения на ороконовские изделия наносятся узоры. Тисненный узор достигается за счет естественного цвета бересты, в которой эффект создается с помощью цвета и тени. Берестяные изделия ороконов отличаются высоким художественным стилем, а также простой эстетикой.

20 мая 2006 года берестяные изделия северных этни-

ческих меньшинств были внесены в «Список нематериального культурного наследия государственного значения», в котором национальная культура была признана реликвией и эстетической научной ценностью [6].

Кроме берестяных изделий в «Список нематериального культурного наследия государственного значения» включена ороконовская вышивка. Вышивку можно увидеть на женской одежде, подушках, подвесных саше, на обуви, кошельках, варежках, детских одеялах и др. предметах. Основными стежками, которые используются женщинами при вышивании, являются: «шов вперед иголку», петельный, косичкообразный, «шов назад иголку». Сюжеты вышитых картин могут быть взяты из художественных произведений устного народного творчества, сказок, песен, сказаний, мифов и легенд [2, с. 129]. Символические образы сказочных животных и растений, геометрические орнаменты, благожелательные символы являются частью духовной культуры ороконовских кружевниц.

Одним из видов древнего искусства северных этнических меньшинств КНР является изготовление картин из рыбьей кожи. Эти произведения искусства также входят в «Список нематериального культурного наследия государственного значения». Наследницей традиций старинного ремесла является Чжан Линь, которая более 10 лет посвятила изучению тонкостей создания и сохранения секретов мастерства при выполнении картин из рыбьей кожи. Для сохранения и распространения традиций Чжан Линь проводит мастер-классы и лекции для китайской молодежи, а также для всех, кто интересуется созданием произведений искусства.

Житель провинции Цзилинь на северо-востоке Китая Юань Сихэ является наследником культурных традиций по созданию картин из рыбьей кожи. С детства мужчина перенимал особенности изготовления картин в традиционной технике в своей семье. В настоящее время известно более 100 работ мастера Юань Сихэ, которые продаются туристам из Японии, Южной Кореи и др. стран мира [4].

Заключение

Таким образом, культурное наследие северных этнических меньшинств Китая представляет собой художественную ценность и входит в «Список нематериального культурного наследия государственного значения». Особой культурной ценностью обладают изделия из бересты, картины из рыбьей кожи, вышивка. Секреты создания объектов нематериальной культуры, которые высоко ценятся туристами, передаются от отца к сыну, из поколения в поколение. Многие художники, кружевницы, мастера по плетению из бересты начинали свои первые работы еще в младшей школе. Народные ремес-

ла высоко ценятся в КНР и за рубежом, поэтому активно привлекают внимание туристов. Необходимо отметить, что в современном мире основные традиции северных

этнических меньшинств сохраняются и продолжают в виде организованных лекций и мастер-классов, в музеях и библиотеках, а также на экскурсиях для туристов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Б. Исследование эстетической культуры орочонского этноса. Пекин: Китайская пресса социальных наук, 2018. 289 с. (王丙珍.鄂伦春族审美文化研究[M].北京:中国社会科学出版社, 2018: 289).
2. Гомбоева С.В. Особенности материальной культуры орочонов Китая (на материале экспедиций) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 8. С. 127-130.
3. Гэ Ц. Региональная культура Китая // Гуйян: Серия литературы и истории Гуйчжоу. 2012. № 2. С. 7-11. (葛剑雄.中国的地域文化[J].贵阳: 贵州文史丛刊).
4. Картины из рыбьей кожи в китайском городе Чанчунь // Русский язык: Общество и культура. 2020. 16.09. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.reople.com.cn/n3/2020/0916/c31516-9760987-2.html> (дата обращения: 26.05.2023).
5. Ма Ю. Провинция Хэйлуцзян – важное звено общенациональной программы «Один пояс – один путь» // Современная научная мысль. 2018. № 3. С. 223-240.
6. Уведомление об усилении охраны культурного наследия от 22.12.2005. / Государственный совет КНР. Пекин: Интернет-сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики. (国务院.关于加强文化遗产保护的通知 [EB] .北京:中华人民共和国中央人民政府网). [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_185117.htm (дата обращения: 25.05.2023).
7. Фу Ч., Цзян Д. К вопросу об особенностях и культурной ценности изобразительного искусства малых этносов, занимающихся лесной охотой в бассейне реки Амур // Культурология. Серия: Познание. 2021. № 4 (Апрель). С. 16-18.

© Се Хуэй (dtszyan@mail.ru), Ван Хайфэн (dtszyan_CT@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Хэйхэский университет

НАСТОЯЩИЙ НЕФРИТ КАК ТРАДИЦИОННЫЙ МАТЕРИАЛ В ИСКУССТВЕ И КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Цао Хэ

аспирант, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
labera@mail.ru

REAL JADE AS A TRADITIONAL MATERIAL IN CHINA ART AND CULTURE

Сао Хе

Summary: The article discusses the distinctive features of jade and jadeite as traditional materials in the art of China. Their structural characteristics are given. The historical chain of appearance of products from these minerals in China is analyzed. The functional categories that are associated with the utilitarian and decorative functions of jade are considered.

Keywords: jade, jadeite, culture and art of China, «real jade», jade products.

Аннотация: В статье рассмотрены отличительные особенности нефрита и жадеита, как традиционных материалов в искусстве Китая. Дана их структурная характеристика. Проанализирована историческая цепочка появления изделий из данных минералов в Поднебесной. Рассмотрены функциональные категории, которые связаны с утилитарными и декоративными функциями нефрита.

Ключевые слова: нефрит, жадеит, культура и искусство Китая, «настоящий нефрит», изделия из нефрита.

Введение

Нефритовое искусство является воплощением китайской культуры, насчитывающей более 7000 лет. Народ Поднебесной любит этот камень глубоко, искренне, одержимо, и, таким образом, формирует традиционную китайскую концепцию использования нефрита. В древнем Китае люди использовали теплый цвет нефрита, чтобы представить доброжелательность; жесткую текстуру, чтобы символизировать мудрость; края и углы, чтобы отразить честность и справедливость; четкие линии – показать достоинство целостности.

Существует китайская народная поговорка, что нефрит может предотвратить бедствия и отогнать злых духов, а носимый нефритовый браслет может помочь владельцу устранить все негативные влияния и защитить благоприятные благословения для владельца [13, С. 108].

В Китае принято считать настоящим нефритом не только сам этот камень, но и жадеит. Тем не менее, существуют определенные особенности у каждого из них [11, С. 132].

Нефрит и жадеит – отличительные особенности

Нефрит представляет собой метаморфическую горную породу, принадлежащую к группе амфибий и имеющую химический состав актиния — это силикат кальция и магния, обычно с добавкой железа. Его характерной особенностью является внутренняя структура, которая является результатом взаимного роста тонких микроволокон актиния в два слоя - поперечный и продольный,

что приводит к очень высокой когезии (связи между одинаковыми молекулами) и компактности.

Блеск нефрита матовый, а на полированных поверхностях глянцевый. Для него характерна зеленая окраска (также имеются многочисленные оттенки в зависимости от уровня содержания железа), но встречается также красный, желтый и белый цвета. Плотность нефрита составляет примерно 2,90. г/см³ [8, С. 72].

Жадеит представляет собой природную кристаллизацию, вобравшую в себя сущность неба и земли и разводимую на протяжении тысячелетий. Он богат минеральным составом и долго носится близко к телу. Может взаимодействовать с магнитным полем человеческого тела, способствовать микроциркуляции. Жадеит — самостоятельный минерал, входящий в группу щелочных сернистых минералов. Это силикат натрия и алюминия, но может также содержать небольшое количество силиката магния. Встречается компактными и очень сжатыми скоплениями. Его структура похожа на структуру нефрита, поэтому жадеит так же, как и нефрит, обладает схожими механическими свойствами. Имеет стеклянный блеск зелени и бывает разных цветов — белого, зеленого, красного, коричневого и черного. Разновидность жадеита, содержащая большое количество железа и характеризующаяся зеленовато-зеленовато-черным цветом, называется хломеланитом. Плотность жадеита от 3,3 до 3,65 г/см³.

Таким образом, чтобы быть точными, мы должны использовать слова нефрит и жадеит как равнозначные термины для «настоящего нефрита»; эти породы содержат другие полезные ископаемые и элементы, которые

не представлены в идеальных (в смысле соответствия простой химической формуле без второстепенных элементов (примесей)) формулах нефритовых минералов [6, С. 54, 59].

Однако самое большое различие между настоящими нефритами и другими камнями, и минералами заключается не в их внешнем виде, поскольку красивых камней много, а в сложности обработки.

Изделия из нефрита в Китае

Следует отметить, что в Китае в Средние века изделия создавались из жадеита, а нефрит стали использовать гораздо позже. А.С. Давыденко в своей работе акцентирует на то, что некоторые исследователи считают началом самого раннего литья нефрита в Поднебесной период династии Мин, а точнее императора Ванли (умершему в 1620 г.), в могиле которого нашли скипетры, сделанные из этого минерала. Другие сразу указывают, что замена жадеита каким-то материалом произошла где-то в 18 веке. Причиной такого положения вещей была пограничная плотность сырья и сложность его обработки (нефрит по шкале Мооса имеет твердость 6,5, а жадеит — 7) [1, С. 79-80]. После долгой исторической эволюции, давняя традиционная китайская культура и нефрит с жадеитом проникли и сублимировали друг друга, и постепенно стали тесно интегрированы.

В середине династии Цин технология резьбы по нефриту достигла нового пика. Во время правления императора Цяньлуна город Пекин стал центром изготовления нефрита в стране, и для демонстрации своего мастерства были приглашены различные искусные авторы, появилась «ажурная резьба». Нефритовые изделия династии Цин очень изящно вырезаны, а большие и маленькие детали - изысканны и реалистичны.

В работе Тан Чун «Восточноазиатский нефрит: символ совершенства» проводится исследование изделий из нефрита. Отмечается, что их происхождение имеет начало в эпоху Луншань (примерно 5000–4000 лет до н.э., включая среднюю и позднюю культуру Давенко, Лянчжу и т.д. г. до н.э.) [7, С. 302]. Основываясь на данной информации, исследователь обозначает нефритовую культуру того времени как систему, имеющую различные особенные черты и особо сильную социальную значимость.

В труде Йоу Жен Дэ «Общая теория китайской археологических реликвий, общая теория древнего нефрита» [11, С. 69] отмечается наличие четырех факторов, которые помогают провести культурологическое исследование нефрита как феномена: материал, форма и орнамент, назначение, идея создания.

Со времен Средневековья нефриты были извест-

ны не только китайцам, но и народам, проживающим в Мезоамерике, культурам Средней Азии, коренным народам Новой Зеландии (Масрысм) и некоторым другим. Начало добычи и производства нефрита на территории Центральной Америки датируется Поздним веком Силезской культуры (1700–1200 гг. до н.э.) [5, С. 639].

Следует подчеркнуть, что во времена неолита простые люди не могли себе позволить изделия из нефрита. Это был сложный в обработке минерал, недоступный в некоторых районах Китая. Его использовали состоятельные и высокопоставленные люди. Нефрит имел задачу отличать этих людей или выполнял церемониальные функции. Аура экзальтации, царившая вокруг камня с самого начала его существования в форме, обработанной рукой человека, настолько озаменовала его, что сохранялась до более поздних времен [2, С. 70].

Уэллс заявляет: «Символизм и традиционализм в китайском искусстве являются наиболее важными, а повторяющиеся декоративные мотивы, выполненные из нефритовых предметов, несут в себе значительный смысл. Узоры на чашах, тарелках, ширмах и фигурках могут иметь религиозный или социальный подтекст. Многие [бытовые] предметы раскрывали социальный статус их владельцев. Контейнеры для кистей, например, символизировали художников, а пресс-папье символизировали ученых» [10].

Бай Вэньюань выделяет еще четыре категории, которые связаны с утилитарными и декоративными функциями данного минерала. Это:

兵器 (bīngqì; оружие),

装饰玉 (zhuāngshì yù; декоративный нефрит),

生活用品 (shēnghuó yòngpǐn; предметы повседневного обихода),

陈设用品 (chénshè yòngpǐn; декоративные изделия, входящие в состав мебели) [12, С. 89].

К предметам повседневного обихода относятся: 杯 (кубки), 碗 (миски), 鼻烟壶 (табакерки), 文房四宝 (сокровища ученого).

Следует отметить, что самыми ранними из этой категории являются так называемые «сокровища ученого» (среди наиболее важных сокровищ: подставка для кистей, чаша для воды, контейнер для ополаскивания кистей, чернильный стержень, контейнер для хранения чернильного стержня, контейнер для разбавления чернил, ящик для хранения штампов, подлокотник и многое другое) [4, С. 218-219]. Остальные предметы начали распространяться в прикладном искусстве во времена Мин и Цин, тогда как вне этих периодов их встречаемость редка. Данный факт позволяет сделать вывод о том, насколько сильна была привязанность к традиции, берущей начало в эпоху неолита, не позволявшей использо-

вать изделия из нефрита в быту. Что касается кубков, то они были самыми модными во времена династий Мин и Цин, и делились на одно- и двухручковые [9, С. 166-169].

Табакерки появились в период между династиями Мин и Цин. Наиболее распространенными формами были стилизованные дыни, а украшением был мотив дракона.

Заключение

Таким образом, нефрит и жадеит – это равнозначные термины для определения «настоящего нефрита». Из рассмотренного выше описания функций камня можно

сделать вывод, что в Китае он играл особую роль. Долгое время уважение к этому камню и изделиям из него было настолько велико, что его нельзя было использовать в быту. Предназначенный для людей высшестоящих в социальной иерархии и шаманов, нефрит связывал человека с миром бессмертных.

Несмотря на то, что использование нефрита постепенно стало более распространенным, изделия из него по-прежнему были тесно связаны с духовностью или религиозностью в широком смысле. Предметы из нефрита должны были показать великолепие владельца, о чем свидетельствуют украшения для мечей, подвески или «четыре сокровища ученых» [3, С. 365].

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыденко, А.С. Нефрит - национальный камень Китая / А.С. Давыденко // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы IX Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. В 4-х частях, Новосибирск, 02–04 декабря 2020 года / Под редакцией Л.П. Полянской. Том Часть 4. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2020. – С. 79-80.
2. Дементьева, Е.Н. Нефрит в китайской культуре / Е.Н. Дементьева // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы X Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 08–10 декабря 2021 года. Том Часть 4. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2022. – С.70
3. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В десяти томах / Под ред. акад. Л.С. Тихвинского. Том III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан: 220-907 гг./ Под ред. И.Ф. Поповой, М.Е. Кравцовой. М.: Восточная литература, 2014. –995 с.
4. Маморцева, Е.Т. Значение нефрита в китайской культуре / Е.Т. Маморцева // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы IX Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. В 4-х частях, Новосибирск, 02–04 декабря 2020 года / Под редакцией Л.П. Полянской. Том Часть 4. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2020. – С. 218-219
5. Наймушина, П.А. Художественная обработка нефрита в Китае / П.А. Наймушина, К.С. Пономарева // Технология художественной обработки материалов: сборник материалов XXI Всероссийской научно-практической конференции, Ижевск, 01–03 октября 2018 года. – Ижевск: Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, 2018. – С. 639
6. Разные цвета нефрита / А.П. Деревянко, Ч. Тан, С.А. Комиссаров, П. Ци // Наука из первых рук. – 2019. – № 2(82). – С. 52-69. (с.54, 59)
7. Тан Чун Восточно-Азиатский нефрит: символ совершенства. 2-й том. Гонконг: Китайский университет Гонконга, Центр китайской археологии и искусства, 1998. - 457 с.
8. Чжао Хэн Геохимические особенности и минеральный состав некоторых китайских изделий из нефрита и его заменителей. XI международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодые - наукам о Земле». М. МГРИ-РГГРУ 2012. - С. 72.
9. Чжан Цзин Специфика китайского традиционного художественного промысла резьбы по нефриту / Чжан Цзин // Актуальные проблемы и перспективы развития декоративно-прикладного искусства: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию образования каф. нар. декоратив.-приклад. искусства Белорус. гос. ун-та культуры и искусств, Минск, 21–22 нояб. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т культуры и искусств; редкол.: Г.Ф. Шауро, А.А. Ковалев, Л.В. Домненкова. – Минск, 2020. – С. 166–169.
10. Welles E., Chinese jade from the Ch'ing dynasty // Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <http://artscenecal.com/ArticlesFile/Archive/Articles1997/Articles1097/ChinaJadeA.html> (дата обращения: 20.04.2023).
11. 尤仁德 著, 中国考古文物通论-古代玉器通论, 2002. Йоу Жен Дэ. Общая теория китайских археологических реликвий Общая теория древнего нефрита. Китай: Издательство Гонконга, 2002. - 367 с.
12. 东亚玉器第二册 / 李福君. 浙江, 1998. Тан Чун. Восточно-Азиатский нефрит: символ совершенства. 2-й том. Гонконг: Китайский университет Гонконга, Центр китайской археологии и искусства, 1998. - 457 с.
13. 白文源 (Bai Wanyuan), 中国古玉 (Zhōngguó gǔ yù - Chińskie starożytnie nefryty), 五洲传播出版社, 北京, 2005. – P. 89

© Цао Хэ (labera@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИЧИНЫ ПАТОЛОГИЧЕСКОГО НЕОГРАНИЧЕННОГО СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕВУШЕК ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

THE REASONS FOR THE NON-NORMATIVE UNRESTRICTED SEXUAL BEHAVIOR OF TEENAGE GIRLS

**S. Ledentsova
E. Nazirova**

Summary: The article is devoted to the problem of unrestricted sexual behavior. The subject of the study was the problematic unrestricted sexual behavior of teenage girls. The phenomenology of the manifestation of problematic unrestricted sexual behavior is described, two variants of problematic unrestricted sexual behavior of girls are identified, the criteria for the differences of the selected variants are described. The article presents clinical cases of girls with problematic unrestricted sexual behavior. The reasons for its appearance are highlighted. The identified criteria can be used in the diagnosis and development of a support strategy in the practice of psychological counseling.

Keywords: unrestricted sexual behavior, promiscuity, polyamory, violation of sexual behavior, violation of psychosexual development, compulsive sexual behavior disorder.

Леденцова Светлана Леонидовна

Кандидат психологических наук, доцент, доцент,
Сургутский государственный университет
Leden-Svet@yandex.ru

Назирова Евгения Витальевна

Психолог отдела организации профессионального
психологического отбора и сопровождения учебных
заведений Министерства Обороны РФ, Региональный
центр психологической работы Центрального военного
округа (г. Екатеринбург)
Jenya010799@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме неограниченного сексуального поведения. Предметом исследования выступило проблемное неограниченное сексуальное поведение девушек подросткового возраста. Целью исследования являлось описание феноменологии проявления проблемного неограниченного сексуального поведения. Были выделены два варианта проблемного неограниченного сексуального поведения девушек, описаны критерии различий выделенных вариантов. В статье приведены клинические случаи девушек с проблемным неограниченным сексуальным поведением. Выделены причины его появления. Выявленные критерии могут быть использованы в диагностике и разработке стратегии сопровождения девушек в практике психологического консультирования.

Ключевые слова: неограниченное сексуальное поведение, промискуитет, полиамория, нарушение сексуального поведения, нарушение психосексуального развития, компульсивное расстройство сексуального поведения.

Введение

Современное общество переживает колоссальные изменения, в сексуальной культуре растёт толерантность к свободно выбранным отношениям и ослабевают ранее устойчивые ограничения сексуальности. Серьезным изменениям подвергаются эталоны полоролевого поведения, размывается ориентировка норм и правил гендерной идентичности. Такое изменение ценностей больше всего проблематизирует психосексуальное развитие подростков. Уже можно наблюдать разные, порой ненормативные, его варианты. Увидеть переходные формы оценки от тотального отвержения до принятия и нормализации в обществе можно по отношению к разным аспектам сексуального поведения. Так, изменения коснулись возраста начала половой жизни, частоты смены и количества половых партнеров.

По статистике с каждым годом возраст первого сексуального опыта снижается. По данным ВЦИОМа, средний

возраст начала половой жизни в России (на 2006 год) составляет 16 лет (в 1993-м – 19,5 года). Прежде раннее начало половой жизни связывали с различными формами девиации. В данное время в связи со значительным снижением жесткости табу на добрачный секс такая корреляция перестала быть очевидной, и раннее начало половой жизни уже не порицают как несоответствующее поведение с точки зрения стандартов общества и половой морали, но укрепляется тенденция порицания раннего секса как вредного для здоровья. В частности, в работах Сибирской Е.В., Адамян Л.В., Колтунова И.Е., Коротковой С.А., Поляковой Е.И., Геворгян А.П., Пахомовой П.И. и пр. выявлено, что основной причиной вульвовагинитов у девочек служит высокий инфекционный индекс, несоблюдение правил личной гигиены, раннее начало половой жизни, частая смена половых партнеров [12].

Половое влечение подростков отличается экспериментальным характером, это касается и смены половых партнеров. Современные нормы и правила не препятствуют экспериментированию в сексе и не ограничи-

вают возможность смены партнеров как юношам, так и девушкам. Ранее такое поведение считалось патологичным, аморальным и маркировалось термином «промискуитет». Этот термин был введен в XIX веке для обозначения стадии так называемых беспорядочных половых отношений в первобытных человеческих обществах, предшествующей браку и семье. В сексологии термин «промискуитет» используется для обозначения беспорядочных половых контактов с несколькими партнерами. На сегодняшний день сам термин теряет свою актуальность, так как к свободе половых отношений стали относиться толерантно, но проблема неограниченности сексуального поведения до сих пор обсуждается. В связи с этим вводятся новые термины, преследующие цель дифференцировать нормативное сексуальное поведение от ненормативного (нимфомании или компульсивного расстройства сексуального поведения 6С72, Блок L1-6С7 по МКБ -11). Так, появились понятия свободных отношений, полиамории, неограниченного сексуального поведения и пр. [2, 3].

Полиамория подразумевает свободные отношения со сменой партнеров, предполагающие эмоциональную близость и готовность к долгим серьезным отношениям, с гендерным равенством, базирующиеся на честности, согласии и полной открытости для всех участников. Понятие неограниченного сексуального поведения шире. С одной стороны, этот термин сливается с понятием полиамории и призван снять клеймо ненормативности с феномена частой смены партнеров, а, кроме того, отделить такое поведение от его клинических вариантов – сатириазиса и нимфомании. С другой стороны, мы предположили, что неограниченное сексуальное поведение может иметь и ненормативные, вынужденные формы, зафиксировать которые можно, исследуя сексуальное поведение девушек подросткового возраста. Это и стало исследовательской целью данной работы.

Работа посвящена поиску причин возникновения феномена неограниченного сексуального поведения у девушек в подростковом возрасте, отграничению свободных от вынужденных форм его проявления и дифференцированию их от проявлений нимфомании / компульсивного расстройства сексуального поведения посредством изучения социальной ситуации развития и личностных особенностей подростка. Мы предполо-

жили, что неограниченное сексуальное поведение ненормативно, если, во-первых, спровоцировано существованием серьезного внутриличностного конфликта и является неэффективным способом его решения, во-вторых, способствует возникновению психосоматической гинекологической патологии, сигнализирующей о том, что отношения с мужчиной проблемны [5, 7, 9, 11]. В-третьих, ненормативное неограниченное сексуальное поведение отличается от компульсивного расстройства сексуального поведения тем, что у девушек не выявляется выраженная гиперсексуальность с физиологическими сдвигами, не проявляется неудовлетворенность сексуальными контактами, и отсутствует социальная дезадаптация. Для подтверждения нашей гипотезы было проведено эмпирическое исследование. В исследовании, проводимом в форме психологического консультирования, приняло участие трое подопечных (см. табл. 1).

В качестве вспомогательного методического инструментария в ходе психологического консультирования были использованы следующие методики: Клиническая беседа, «Линия жизни» А.А. Кроника, «Куст розы» Х.Лейнера, «Тест-опросник самоотношения» В.В. Столина, С.Р. Пантилеева.

Критериями анализа сексуального поведения девушек выступили: общее количество партнеров (за год); начало половой жизни; эмоциональная окраска первого полового опыта; психологический контекст первого полового опыта; наличие/отсутствие гинекологических заболеваний; наличие/отсутствие оргазма постоянным партнером и / или со случайным партнером; частота смены партнеров при наличии постоянного; наличие/отсутствие потребности в построении семьи; тип поведения в интимно-личностных отношениях.

В ходе психологического консультирования с девушкой А. 16 лет, (ее описание представлено в табл. 2), мы выяснили, что девушка воспитывалась бабушкой и, исходя из результатов методики «Куст розы», имеет амбивалентное отношение к матери. При анализе методики «Линия жизни» было выяснено, что в возрасте 15 лет девушка подверглась сексуальному злоупотреблению со стороны малознакомого молодого человека. Этот половой опыт был первым в жизни подопечной и определил негативную установку по отношению к сексу [6]. В посто-

Таблица 1.

Описание подопечных девушек с неограниченным сексуальным поведением, участвующих в психологическом консультировании.

	Инициалы	Возраст	Количество половых партнеров (за год)	Начало половой жизни	Одновременное наличие партнера больше одного	Количество встреч
1	А.	16	13	15	Присутствует	5
2	В.	17	Более 10	14	Присутствует	11
3	С.	17	18	14	Присутствует	10

янных отношениях она не имеет эмоциональной привязанности, преобладает ценность материального обеспечения. На данный момент девушка сменила ориентацию с гетеросексуальной на гомосексуальную.

Изменение половой ориентации можно объяснить тем, что гендерная самоидентичность подопечной очень аморфна, присутствует искажение в принятии собственного Я [10]. Этот процесс мог начаться на этапе освоения половой роли, когда ребенок перенимает роль взрослого, и на котором у А. не было подходящих образцов для самоидентификации и освоения ролей женщины, так как мать не принимала участие в воспитании дочери, а бабушка в силу возраста не являлась подходящей фигурой для гендерного эталона. Выбор объекта влечения своего пола указывает на формирование пограничных нарциссических личностных черт, когда из-за отсутствия достойных образцов для идентификации человек находится в вечном поиске внешних идеальных фигур, чтобы отыскать в другом собственные отторгнутые нарциссические потребности в надежде получить поддержку и

руководство. В силу этого объект влечения и объект самоидентификации могут слипаться [10]. (Таб. 2)

Также большую роль в аморфности гендерной идентичности и выработке стратегий полоролевого поведения сыграла психотравмирующая ситуация сексуального насилия в подростковом возрасте, которая отразилась на дальнейшем потребительском отношении к партнеру мужского пола [6]. У А. был сформирован нарциссический, псевдонезависимый тип поведения в интимно-личностных отношениях. Он заключается в том, что присутствуют: закрытые личные границы и размытые границы диады, ориентировка только на свои потребности, ощущение собственного превосходства, идентификация с собственным Идеальным Я, уничижение ценности партнера, ранжирование поведения себя и партнера по шкале совершенства, постоянные критические замечания к партнеру, и частая смена половых партнеров. Сами сексуальные отношения с молодыми людьми могут быть оценены как отношения унижения и отвержения мужчин для повышения своей самооценки

Таблица 2.

Критериальный анализ неограниченного сексуального поведения подопечной А. (16)

Критерии	А (16 лет)
Общее большое количество партнёров (за год)	Более 13
Начало половой жизни	15
Эмоциональная окраска первого полового опыта	Негативная – воздействие алкоголя, недобровольное согласие
Психологический контекст первого полового опыта	Изнасилование
Наличие / отсутствие гинекологических заболеваний	Частые грибковые инфекции (молочница)
Наличие / отсутствие оргазма с постоянным партнером	Не постоянно
Наличие разрядки со случайным партнером	Не постоянно
Смена партнеров при наличии постоянного полового партнера	Присутствует на постоянной основе
Стремление к построению семьи	Не выявлено
Тип поведения интимно-личностных отношений	Нарциссический, псевдонезависимый, садистический мотив

Таблица 3.

Критериальный анализ неограниченного сексуального поведения подопечной В. (17)

Критерии	В (17 лет)
Общее большое количество партнёров (за год)	Более 10
Начало половой жизни	14
Эмоциональная окраска первого полового опыта	позитивная
Психологический контекст первого полового опыта	Буллинг со стороны сверстников в связи с потерей девственности
Наличие / отсутствие гинекологических заболеваний	Синдром поликистозных яичников (СПКЯ)
Наличие / отсутствие оргазма с постоянным партнером	Отсутствие в постоянных отношениях
Наличие разрядки со случайным партнером	Наличие в случайных связях
Смена партнеров при наличии постоянного полового партнера	При спровоцированной ссоре с постоянным партнёром
Стремление к построению семьи	Присутствует
Тип поведения интимно-личностных отношений	Зависимый, мазохистический мотив

[6]. Такая стратегия поведения может быть объяснена нарциссическими чертами личности, когда при дефиците самоуважения и сниженной самооценке человек чувствует постоянную потребность в подтверждении собственной значимости, и использует для этого проективное обесценивание.

Таким образом, можно заключить, что сексуальные отношения А. носят вынужденный характер и являются неуспешной попыткой разрешить последствия посттравматического стрессового состояния. Можно предположить, что смена ориентации носит экспериментальный характер и является поиском духовности в отношениях, запрет на которые присутствует в отношениях с противоположным полом.

Вторая подопечная – девушка В., 17 лет (ее описание представлено в табл. 3). В ходе психологического консультирования было выяснено, что самой психотравмирующей ситуацией жизни, произошедшей в 14 лет, стал буллинг сверстников, спровоцированный одним из юношей, отреагировавшим на ее первый половой акт с его другом. Сам интимный контакт произошел по обоюдному согласию, но молодой человек не смог защитить ее от агрессии референтной группы. Психотравмирующая ситуация, связанная с переживанием предательства в интимно-личностной сфере, могла стать пусковым механизмом для развития гинекологического заболевания – синдрома поликистозных яичников (СПКЯ), которое было обнаружено в 16 лет [5, 7, 9, 11]. (Таб. 3)

По методике «Линия жизни» выявлено, что большое количество событий связано с семьей. Это указывает на уход в себя, закрытые от мира внешние границы, желание симбиоза со значимым человеком и размывание в этом симбиозе личностных границ, формирующееся зависимое поведение, снижение собственной самооценки, идентификация с своим презренным Я. Такое описание сходно с профилем женщин, болеющих гормонозависимыми гинекологическими заболеваниями, в число которых входит и СПКЯ, и соответствует зависимому поведению в интимно-личностных отношениях [5, 7, 9]. Семья неполная, девочку воспитывала мама. Отсутствие отца в воспитании девушки сказалось на ее остром желании создать полную семью, об этом она говорит в планах на будущее. У А. есть постоянный партнер, с которым она хотела бы построить семью, но оргазм с ним она получает редко, так как, по ее словам, «он очень нежен с ней». Сексуальные предпочтения девушки включают некоторые элементы БДСМ, такие как связывание, удушье и порка. Девушка призналась, что не хочет расставаться с молодым человеком, потому что очень его любит, а оргазм может получить на стороне. Складывается ощущение, что сексуальное удовольствие оценивается девушкой как греховное и может быть получено только вместе с наказанием. В этом можно увидеть импринтинг пере-

живания, полученного в ходе первого полового акта, который вместе с удовольствием принес и унижение [6]. Телесная и духовная сторона сексуального акта дуально расщепляются в результате травмы, и первостепенными и ценными признаются мотивы создания семьи и духовности, не включающие сексуальных отношений [6]. Второстепенным, но сильно мотивирующим и заряженным оказывается мотив сексуального удовольствия, который невозможно игнорировать, но и невозможно оставить безнаказанным. В итоге возникает вынужденное неограниченное сексуальное поведение, в котором к случайным партнерам также не проявляется духовности, но и нет мотива их наказания и унижения как в первом описанном случае, в этом варианте роль жертвы проигрывает сама подопечная.

Третья подопечная – девушка С., 17 лет, учится в техникуме. Количество половых партнеров за год больше 18 ее (описание представлено в табл. 4). Анализируя семейную ситуацию девушки и данные методики «Линия жизни» можно констатировать прерванную в 5 лет эмоциональную связь с матерью из-за появления отчима, отделение от ребенка супружеской подсистемы семьи жесткими границами и попустительское воспитание, что переживалось подопечной как предательство матери с появлением чувств ревности и брошенности. Лишение С. статуса объекта эмоциональной привязанности матери ради отношений с мужчиной накладывает отпечаток на эталон женской идентичности подопечной, приводящий к особенностям построения отношений с противоположным полом. С одной стороны, отношения с мужчиной она, по аналогии с поведением матери, расценивает как единственную возможность компенсации отвергнутой потребности в любви, с другой стороны, находясь в статусе отвергнутого объекта привязанности матери, чувствует, что она любви не заслуживает, и ей нечего предложить партнеру. Единственной возможностью получить любовь является удовлетворение всех его желаний. В поведении с молодыми людьми и в самоотношении С. можно проследить три этапа, зависимый, переходный и псевдонезависимый.

Первый половой опыт С. получила в возрасте 14 лет, отношения были достаточно длительные, продолжались 7 месяцев, что указывает на желание С. доверительных, духовных отношений, на паттерн создания симбиотических связей и размытых личностных границ, зависимости подопечной. Конфликтное расставание пары указывает на потребительский характер отношений со стороны партнера С., на сексуальное использование, лишенное духовной привязанности (молодой человек сделал рассылку друзьям интимных фотографий девушки). Этот факт подтверждает гипотезу о тенденции подопечной создавать зависимые отношения, в которых секс выступает средством получить эмоциональное принятие от мужчины. Поведение партнера девушка расценила

как предательство и тяжело переживала расставание, что в сочетании с характерологическими особенностями зависимой личности позволило бы прогнозировать возможное возникновение гормонозависимых гинекологических заболеваний, если бы осуществлялась попытка дальнейшей реализации паттерна зависимых отношений при невозможности смены объекта привязанности [5, 7, 9].

Но далее паттерн зависимых отношений начинает приобретать черты переходного, условно псевдонезависимого поведения, при котором эмоциональная привязанность не исчезает, а дробится и распределяется между объектами-заместителями, не позволяя погружаться в травму брошенности. В 15 лет у подопечной появляется новый мужчина, старше ее на 7 лет, отношения с которым продолжались 2 года. При любом конфликте с данным партнером, сигнализирующем о разрыве симбиоза, подопечная сразу искала новый объект-заместитель. Сексуальные отношения с очередным партнером выступают средством для получения иллюзии духовной привязанности. Случайная связь прерывается, как только отношения в основной паре восстанавливаются. (С момента вступления в новые отношения у С. было более 18 партнеров, за последний год – 8 непостоянных сексуальных связей. С большинством из мужчин отношения непродолжительные (2-4 встречи)). Таким образом, многочисленность сексуальных партнеров в данном случае является вынужденным поведением, не позволяющим переживать ситуацию потери значимого лица, которое переживалось бы в форме стресса, психосоматически, и могло бы провоцировать появление заболеваний. Само использование секса в качестве решения травмы покинутости указывает на психосоматический способ решения проблем зависимой личности [5, 7, 9].

После разрыва вторых устойчивых отношений поведение подопечной радикально изменяется. Первоначальное переживание разрыва симбиоза в виде стресса

и регресса (не подпускала новых людей, замкнулась в себе, снизила уровень активности во всех сферах жизни) с психосоматическими проявлениями (сильно похудела), сменилось формированием жестких личностных границ и поворотом первоначального паттерна эмоциональной привязанности и зависимости в свою противоположность – в псевдонезависимое активное поведение с приближением к границе расстройства личности. Это выражалось в изменении внешности, самоотношения, отношения к ситуации и трансформации характера интимно-личностных отношений. Подопечная радикально изменила внешность (изменила прическу, сделала пирсинг языка и пр. [8]), вместо чувства брошенности стала переживать свободу, начались проблемы с алкоголем, появилась связь между алкогольным опьянением и сексуальным желанием. Девушка зарегистрировалась на сайте знакомств, где ищет молодых людей для секса втроем. Таких встреч было уже 5 за месяц, каждый раз это были новые партнеры. Можно констатировать, что в интимно-личностных отношениях исчез поиск духовности. Мотив мести, наказания мужчины не появился, но прослеживаются черты идентификации с эталоном продемонстрированного ей «потребительского» мужского поведения ее половых партнеров. Переживание свободы в сексуальных отношениях является средством для избавления от чувства брошенности. Вынужденный характер неограниченного сексуального поведения проявляется в самооценке подопечной, она считает себя «неправильной» из-за частых смен половых партнеров.

Обобщая результаты исследования социальной ситуации подопечных, можно выделить некоторые общие тенденции в приведенных клинических случаях. Анализ методики «Линия жизни» демонстрирует, что воспоминания девушек о своей жизни чаще имеют негативную окраску, отсутствует планирование будущего, что указывает на переживание конфликтной ситуации. При исследовании семьи была выявлена закономерность: все девушки воспитывались без отца, во втором браке ма-

Таблица 4.

Критериальный анализ неограниченного сексуального поведения подопечной С. (17)

Критерии	С (17 лет)
Общее большое количество партнеров (за год)	Более 18
Начало половой жизни	14
Эмоциональная окраска первого полового опыта	Нейтральная – по взаимной симпатии
Психологический контекст первого полового опыта	Привязана к первой влюбленности
Наличие / отсутствие гинекологических заболеваний	Не выявлено
Наличие / отсутствие оргазма с постоянным партнером	Не постоянно
Наличие разрядки со случайным партнером	При изменах, при групповом сексе (мжм)
Смена партнеров при наличии постоянного полового партнера	При ссоре с постоянным партнером ищет случайную связь
Стремление к построению семьи	Не выявлено
Тип поведения интимно-личностных отношений	Последовательно зависимый, переходный, псевдонезависимый

тери отношения с отчимом имеют негативную окраску. Теплые эмоциональные отношения с матерью нарушены или прерваны из-за новых сексуальных отношений матери. Анализ методики «Куст розы» показал, что у всех девушек отсутствует зависимость от матери, слипание телесных и духовных аспектов сексуальных отношений, наличие преждевременного сексуального развития. Все подопечные отметили свой первый половой опыт в возрасте 14-15 лет как отрицательный или проблемно завершившийся. Две из трех девушек имеют психосоматические гинекологические заболевания, которые стали последствием пережитой психотравмы в отношениях с противоположным полом [5, 7, 9].

По результатам тест-опросника самоопределения выявлены недостоверные результаты, ориентированные на социальную оценку, проявляющиеся в очень высоких баллах (от 70% до 92%) шкал самоинтереса, самоуверенности, самопринятия, демонстрирующие защитную установку девушек по отношению к осуждающему их общественному мнению. У подопечной с зависимым поведением баллы самоуверенности и самопринятия несколько ниже и присутствуют высокие баллы в противоположных шкалах: самообвинения и ожидании отношения других, что указывает на открытую амбивалентность и конфликтность в самоопределении.

Заключение

На основании проведенного исследования, мы определили два варианта ненормативного неограниченного сексуального поведения. Неограниченное сексуальное поведение может быть ненормативным, если оно соответствует следующим критериям (они представлены в таблице 5):

1. Общее большое количество партнеров. Само по себе количество партнеров на наш взгляд указывает не на патологию, а на неограниченное сексуальное поведение. Оно может рассматриваться как ненормативное в совокупности с другими признаками. У обеих выделенных нами групп выделено большое количество половых партнеров.
2. Ранее начало половой жизни. По сравнению с прошлым веком, возраст вступления в сексуальные отношения снижается. Для диагностики проблемности сексуального поведения мы учитываем возраст, который считают в культуре недостаточным для готовности к вступлению в половой акт. И при псевдонезависимом типе неограниченного сексуального поведения, и при зависимом типе, в нашем исследовании возраст вступления в половой акт отмечен в 14-15 лет, что рано, но не является явной патологией.
3. Эмоциональная окраска первого полового опыта. Этот критерий необходим для понимания мотивов сексуальной связи и ожиданий самих девушек от полового акта. Данный критерий также может быть учтен только по совокупности признаков и требует качественной оценки, так как и в норме можно увидеть негативную оценку первого полового акта, а в патологии позитивное к нему отношение (например, при изнасиловании возможно переживание оргазма) [1, 6]. В выделенных нами вариантах обнаружено, что у группы с псевдонезависимым типом сексуального поведения эмоциональная оценка первого сексуального опыта негативная, а при зависимом – нейтральная.
4. Психологический контекст первого полового опыта. Проблемным будет считаться сексуальное злоупотребление, изнасилование, инцест, которые могут приводить к закреплению сексуально-

Таблица 5.

Критериальный анализ двух вариантов проблемного неограниченного сексуального поведения.

Критерии	Псевдонезависимое	Зависимое
Общее большое количество партнеров (за год)	Более 10	Более 10
Ранее начало половой жизни	14-15	14-15
Эмоциональная окраска первого полового опыта	Негативная	Нейтральная
Психологический контекст первого полового опыта	Недобровольное согласие, изнасилование, сексуальное злоупотребление	Эмоциональная привязанность к партнеру с последующей конфликтной ситуацией
Гинекологические заболевания	нет	Присутствуют
Наличие оргазма с постоянным партнером	Не постоянно	В большинстве случаев
Наличие оргазма со случайным партнером	Не постоянно	В большинстве случаев
Мотив смены партнеров	Обесценивание эмоциональной связи, месть, наказание мужчины	Поиск объекта для симбиотической связи
Стремление к построению семьи	Отсутствует; быстрая потеря интереса к партнеру	Присутствует; желание построить семью патриархального типа
Тип поведения в интимно-личностных отношениях	Жесткие личностные границы, размытые внешние, отвержение партнера	Размытые личностные границы, попытка построить симбиоз в паре

го акта без духовной привязанности [13]. В случае псевдонезависимого типа неограниченного сексуального поведения было выявлено изнасилование. Далее секс в поведении девушек становится наказанием и унижением партнера противоположного пола. При зависимом типе поведения первый половой акт удовлетворяет потребность в симбиозе с партнером, секс становится средством достижения симбиоза.

5. Гинекологические заболевания. Их появление свидетельствует о наличии проблемности сексуального опыта и является фактором физиологического переживания пережитой психотравмы у зависимой личности [5, 7, 9]. При псевдонезависимом, нарциссическом типе неограниченного сексуального поведения зафиксированы грибковые инфекции, а в случае зависимого типа поведения, гормонозависимые гинекологические заболевания, в частности СПКЯ, как следствие разрыва симбиоза с партнером из-за его предательства.
6. Наличие оргазма с постоянным партнером. Критерий введен для исключения патологических форм проявления гиперсексуальности при компульсивном расстройстве сексуального поведения, при котором возбуждение возможно только с новым и /или случайным партнером [4]. Нами было выявлено, что возбуждение и оргазм с постоянным партнером в обоих типах поведения присутствует, но не постоянно. При зависимом поведении удовлетворение от постоянных отношений выше, чем при псевдонезависимом.

7. Наличие оргазма со случайным партнером. Данный критерий также введен для исключения патологических форм проявления гиперсексуальности, так как при компульсивном расстройстве сексуального поведения сексуальное напряжение в большинстве случаев не снимается и разрядки не наступает [4]. В выявленных нами вариантах неограниченного сексуального поведения оргазм со случайным партнером наступает, но при псевдонезависимом поведении не постоянен.
8. Стремление к построению семьи. Данный критерий рассматривается в совокупности с остальными критериями. Он может вскрывать истинный мотив неограниченного сексуального поведения как поиска партнера по браку. При зависимом поведении попытка построения семьи является ведущим мотивом сексуального акта, а при псевдонезависимом поведении – такой мотив отсутствует. Сексуальные отношения во втором случае выступают в качестве прелюдии к разрыву отношений, они удовлетворяют потребность в подтверждении собственной значимости.
9. Тип поведения в интимно-личностных отношениях. Нарциссический, псевдонезависимый тип неограниченного сексуального поведения характеризуется жесткими личностными границами и размытыми внешними с проективным обесцениванием партнера; зависимый – стремлением к симбиотическим отношениям и размытыми личностными границами. Выделенные критерии типов ненормативного неограниченного поведения могут быть использованы в дальнейшей диагностике и практике психологического консультирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильина С.В. Влияние насилия, пережитого в детстве, на формирование личностных расстройств // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 65–78.
2. Ваторопин, А.С., Миронова Е.Н. Процесс институционализации полиаморов как социальной группы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 5. С. 145-156.
3. Кониная М.А., Холмогорова А.Б., Сорокова М.Г. Феномен неограниченного сексуального поведения в современном обществе: патологические тенденции культуры или патология личности // Консультативная психология и психотерапия. М., 2014. 2. С. 88–118.
4. Кочарян Г.С. Гиперсексуальность: общие клинические проявления и негативные последствия // Здоровье мужчины. 2019. №2 (69). С. 69–73.
5. Леденцова, С.Л., Сулягина, Г.В. Роль интимно-личностных отношений в возникновении гормонозависимых гинекологических заболеваний // Психика и тело: новые подходы к пониманию взаимовлияния и взаимосвязи: 3 всероссийская научно-практическая конференция. Тюмень, 01 июня 2012 года. Тюмень: Полиграфист, 2012. С. 89-98.
6. Леденцова, С.Л., Журавлева, Н.С. Нарушение идентичности у девушек, перенесших сексуальное насилие в возрасте ранней юности // Психология в здравоохранении и образовании. Вып.24. Генетико-моделирующий эксперимент: варианты исследований. Сургут: ИЦ СурГУ, 2008. С. 62-74.
7. Леденцова, С.Л., Лукач Я.С. Нарушение интимно-личностных отношений в семье при гинекологических заболеваниях у женщины // Психология в северном регионе: практика, проблемы, перспективы: Материалы межвузовской научно-практической конференции. г. Сургут, 11 ноября 2011 г. Сургут: ИЦ СурГУ. 2011. С. 187- 192.
8. Леденцова, С.Л., Ефимова Н.В. Телесные модификации как средство для построения альтернативного телесного образа Я // Психика и тело: новые подходы к пониманию взаимовлияния и взаимосвязи: сборник статей 3-й Всероссийской научно-практической конференции. г. Тюмень, 1 июня 2012 г. Тюмень: Печатник, 2012. С.85-89.
9. Леденцова, С.Л., Сулягина, Г.В. Связь нарушений интимно-личностных отношений супругов с возникновением гормонозависимых гинекологических заболеваний // Психология в здравоохранении и образовании. Вып. 27. Экспериментальные аспекты клинической психологии и психологии развития.

- Сургут: ИЦ СурГУ. 2013. С.86-94.
10. Леденцова, С.Л., Наджафова К.Н. Специфика личностной организации лиц с гомосексуальной ориентацией (на материале случаев психологического консультирования) // Северный регион: наука, образование, культура. 2022. №3 (51). С.20-30.
 11. Назирова Е.В., Леденцова С.Л. Причины возникновения промискуитета у девушек-подростков // Международный научный журнал Символ науки. №9-1. 2022. С-55-58.
 12. Сибирская Е.В., Адамян Л.В., Колтунов И.Е., Короткова С.А., Полякова Е.И., Геворгян А.П., Пахомова П.И. Анализ гинекологической заболеваемости девочек и девушек в Москве. Проблемы репродукции. 2017. 23(6). С. 60-65
 13. Стил Б.Ф. Некоторые последствия сексуального злоупотребления детьми. / Журнал практической психологии и психоанализа. 2004. №3. С. 5-7.

© Леденцова Светлана Леонидовна (Leden-Svet@yandex.ru), Назирова Евгения Витальевна (Jenya010799@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ: ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ

Трусова Елена Анатольевна

старший преподаватель, Тихоокеанский
государственный университет
lenatrusova@mail.ru

REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF PERSONALITY: FACTOR ANALYSIS

E. Trusova

Summary: The article presents the results of a study of the personality factors of a person's reproductive behavior. 100 married couples were interviewed between 2020-2021. Currently, the reproductive behavior of an individual is determined by the influence of many factors of different importance, focus and content. Among these factors, one of the first places belongs to psychological factors.

Keywords: reproductive behavior of the individual, the need for children, constructive factors, destructive factors.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования личностных факторов репродуктивного поведения личности. Было опрошено 100 супружеских пар в период 2020-2021 гг. В настоящее время репродуктивное поведение личности определяется влиянием множества факторов разной важности, направленности и содержания. Среди этих факторов одно из первых мест принадлежит психологическим факторам.

Ключевые слова: репродуктивное поведение личности, потребность в детях, конструктивные факторы, деструктивные факторы.

В настоящее время исследователи обращаются к изучению и описанию репродуктивного поведения личности и его составляющих [1, 2, 3]. Проблема репродуктивного поведения в отечественной науке исследуется уже более полувека. Впервые термин «репродуктивное поведение» был предложен в отечественной демографии В.А.Борисовым в 1970 г., под которым он понимал систему действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребенка любой очередности в браке или вне брака.

Рассмотрим систему факторов, влияющих на репродуктивное поведение личности:

1. Потребность в детях. Свойство социализированного индивида, проявляющееся в том, что без наличия детей и подобающего их числа индивид испытывает затруднения в своей личностной самореализации. Напрямую потребность в детях измерить нельзя. Но можно попытаться понять, как именно проявляется потребность в детях в сочетании с разнообразными условиями жизни.
2. Самосохранительное поведение. Система действий и отношений, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на продление сроков жизни в пределах этого цикла. Оно выражается в движении показателей уровня здоровья, заболеваемости, смертности и их структуры по причинам.
3. Экономические мотивы. Это мотивы, которые побуждают выбирать такую стратегию поведения (стремиться жить дольше или отказываться от этого стремления), которая способствует достижению ряда экономических целей, т.е. целей, связанных с

повышением (сохранением) достигнутого экономического статуса, с желанием получить определенные материальные блага или избежать их потери.

4. Социальные мотивы. Это мотивы, которые побуждают выбирать такую стратегию поведения, которая способствует достижению определенных социальных целей, т.е. целей, связанных с повышением (сохранением) достигнутого социального статуса. Они являются реакцией на бытующие в культуре социальные нормы отношения к ценности человеческой жизни и ее продолжительности, к полноте и завершенности индивидуального цикла жизни и т.д.
5. Психологические мотивы. Это мотивы, которые побуждают стремиться выбирать такую стратегию поведения, которая способствует достижению определенных сугубо личностных, социально-психологических внутренних целей личности. Они отражают исключительно личностную заинтересованность прожить тот или иной срок жизни. Например, наличие у человека того или иного числа детей формирует у него стремление и желание пожить подольше, чтобы увидеть, кем и чем станут его дети. И ясно, что чем больше детей имеет человек, тем сильнее это желание.

Психологические мотивы, влияющие на репродуктивное поведение, побуждают человека выбирать такую стратегию поведения, которая способствует достижению определенных сугубо личностных, социально-психологических внутренних целей личности.

С целью изучения факторов, влияющих на репродук-

тивное поведение, нами в период зимы 2020-2021 года было проведено исследование, в котором приняло участие 100 супружеских пар.

Перейдем к анализу результатов, полученных в нашем исследовании. Рассмотрим данные, полученные по методике исследования репродуктивной установки «Факты, которые ассоциируются с рождением ребёнка в семье» В.В. Бойко в модификации О.С. Карымовой.

Эта методика использовалась для выявления отношения респондентов к факту рождения ребёнка. Респондентам предлагалось из представленных суждений выбрать 10, которые отвечают их представлениям о рождении ребёнка. Избранное суждение нужно оценить по 10-балльной шкале (10 – максимальное значение для респондента).

Выбор и высокое оценивание позитивных фактов отвечал позитивной установке на рождение ребёнка; выбор негативных фактов и их высокое оценивание – негативной установке на рождение ребёнка. Противоречие в выборах свидетельствовало о неопределённой установке.

Полученные результаты по позитивным фактам рождения говорят о преобладании данной установки на появление ребёнка в семье супругами.

Наибольший средний балл у супругов набрал факт «рождение ребёнка – радость в доме» (среднее значение у мужчин 7,3; у женщин – 6,4). Это говорит о преобладании положительной установке семьи в целом на рождение ребёнка. Супруги достаточно гармонично, без противоречий, понимают значение рождения ребёнка и относятся к этому конструктивно.

Остальные факты получили также достаточно высокую оценку, но уже были отличия у мужчин и женщин в

оценке значимости (таблица 1).

Помимо факта рождения «рождение ребёнка – радость в доме», который был достаточно близко оценен супругами, есть еще факты равнозначные для респондентов. А именно «ребёнок – самый благодарный объект вложения наших сил» (2,6/2,8), «дети – гордость родителей» (3,6/4,1).

Однако остальные факты были по-разному выбраны мужьями и женами.

Наибольшую разницу в оценке показали следующие факты: «ребёнок – помощник в семье, опора в старости» (1,2/3,8), «ребёнок – самый близкий человек в горе и радости» (1,1/3,2), «рождение ребёнка – возможность вырастить доброго, отзывчивого человека» (4,8/6,1), «ребёнок – это радость материнства» (4,5/6,1) Эти факты наиболее значимы для женщин. И если последний факт вполне объясним, радость материнства отцы не могут понять в полной мере, то первые два факта говорят о эмоциональной окраске ребёнка для женщины.

Среди фактов, значимых для мужчин интересен выбор факта «ребёнок придает смысл жизни» (6,5/4,7) и «ребёнок – наследник всего хорошего во мне» (4,6/3,1). Это может свидетельствовать о том, что отцам более важна экзистенциальная сторона деторождения.

Общие данные по позитивным фактам рождения ребёнка представлены на рисунке 1.

Рассмотрим отношение респондентов к негативным фактам рождения ребёнка. Низкие оценки по всей группе данных фактов говорит об отсутствии у супругов отрицательного отношения к детям в целом. Средние значения по этой группе фактов не превысили 3,7. Имеются также значения 0.

Таблица 1.

Оценка позитивных фактов, которые ассоциируются с рождением ребёнка (средние значения)

№	Позитивный факт рождения ребёнка	Мужчины	Женщины
1.	Ребёнок укрепляет семью, чувства между супругами	6,6	5,4
2.	Ребёнок – это радость материнства	4,5	6,1
3.	Ребёнок – это детская ласка, привязанность к отцу, матери	5,8	4,9
4.	Ребёнок придает смысл жизни	6,5	4,7
5.	Ребёнок – помощник в семье, опора в старости	1,2	3,8
6.	Ребёнок – самый благодарный объект вложения наших сил	2,6	2,8
7.	Рождение ребёнка – возможность вырастить доброго, отзывчивого человека	4,8	6,1
8.	Ребёнок – наследник всего хорошего во мне	4,6	3,1
9.	Ребёнок – самый близкий человек в горе и радости	1,1	3,2
10.	Дети – гордость родителей	3,6	4,1

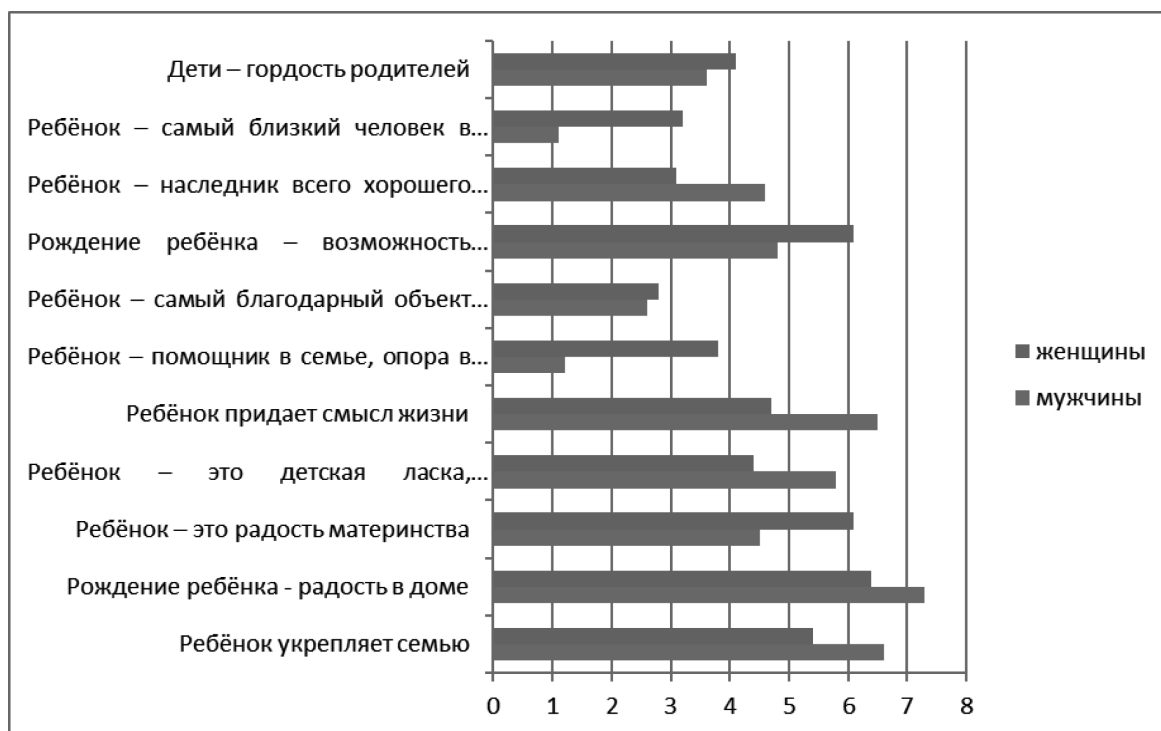

Рис. 1. Оценка позитивных фактов, которые ассоциируются с рождением ребёнка (средние значения)

Таблица 2.

Оценка негативных фактов, которые ассоциируются с рождением ребёнка (средние значения)

№	Негативный факт рождения ребёнка	Мужчины	Женщины
1.	Рождение ребёнка – разлад, напряжение в семье	0,4	0,7
2.	Рождение ребёнка – необходимость оставить работу, коллектив	0	0,6
3.	Дети отнимают лучшую часть нашей жизни	0,6	0,3
4.	Рождение ребёнка – материальные затруднения	0,7	0,1
5	Ребёнку сложно дать хорошее образование, профессию	0,1	0

Наибольший средний балл набрал факт «ребёнок – проблема жилья» (3,6/3,7). Несмотря на то, что среди наших респондентов преобладали семьи, имеющие собственное жильё, это факт был назван ведущим при рождении ребёнка. Выбор респондентами факта «дети – это волнение за их судьбу, будущее» (1,3/3,6) косвенно говорит о неуверенности в будущем. Также относительно высокую оценку занял факт «рождение ребёнка – риск для здоровья» (1,1/1,5). Это соотносится с высокой оценкой здоровья как ценности в авторской анкете.

Женщины достаточно часто говорят о влиянии факта «родить ребёнка – значит привязать себя к дому» (0,7/1,1) и «рождение ребёнка – зависимость от бабушек и дедушек» (0,1/1,3).

Остальные факты получили более низкую оценку и имели отличия у мужчин и женщин в оценке значимости (таблица 2).

Среди этих факторов есть экономический (рождение ребёнка – материальные затруднения), социальный (рождение ребёнка – необходимость оставить работу, коллектив; ребёнку сложно дать хорошее образование, профессию) и психологический (рождение ребёнка – разлад, напряжение в семье; дети отнимают лучшую часть нашей жизни). Экономический факт значим для мужчин как кормильцев семьи. Социальный факт оказывается в приоритете у женщин, так как они уходят в декретный отпуск. Психологический факт одинаково важен супругам.

Общие данные по негативным фактам рождения ребёнка представлены на рисунке 2.

По результатам обработки методики, среди опрошенных была выявлена часть респондентов, которая дала противоречивые ответы. Противоречие в выборах свидетельствует о неопределённой установке на рождение ребёнка. В данной выборке число этих опрошенных составило 2%, и это были женщины.

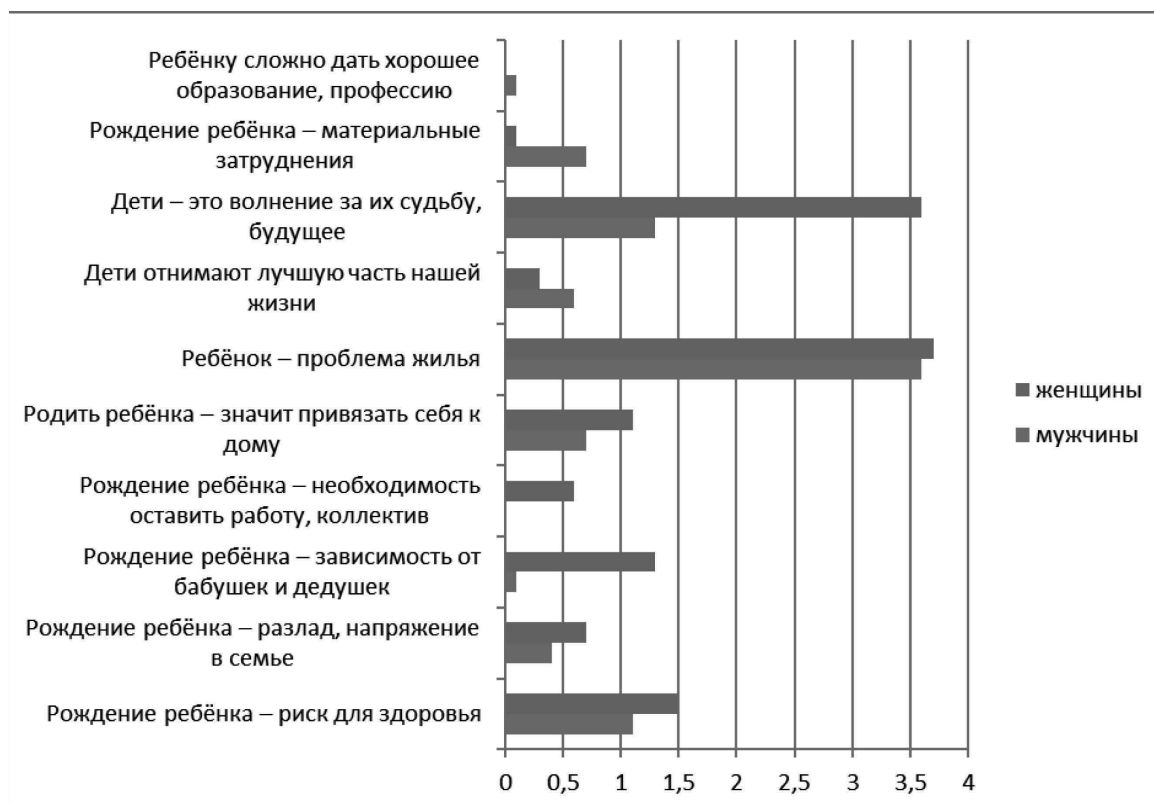

Рис. 2. Оценка негативных фактов, которые ассоциируются с рождением ребёнка (средние значения)

Обобщая результаты по методике исследования репродуктивной установки «Факты, которые ассоциируются с рождением ребёнка в семье» В.В. Бойко в модификации О.С. Карымовой, можно говорить о следующем.

1. Позитивные факторы, которые ассоциируются с рождением ребёнка, значительно доминируют у супругов, средние значения у позитивных фактов 4,5, а негативных 1,1.
2. В супружеских парах наблюдается близость в оценках, 85% пар показали непротиворечивые друг другу, гармоничные оценки.
3. 13% пар имеют достаточные разногласия в оценке негативных фактов.
4. У 2% пар ответы были противоречивы со стороны

супруги.

В настоящее время репродуктивное поведение супругов определяется влиянием множества факторов разной важности, направленности и содержания. Среди этих факторов одно из первых мест принадлежит психологическим факторам.

Социально-психологические факторы представлены двумя группами:

- а) на уровне семьи (образ жизни семьи, взаимодействие в семье, прочность брака и т.д.);
- б) на уровне личности (репродуктивные мотивы, ценности личности, ценность родительства, индивидуальные качества и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова В.А. Число детей в семье. М., 1975.
2. Борисов В.А. Демография. – М.: NOTA BENE, 2015. – 272 с.
3. Трусова Е.А., Вязникова Л.Ф. Репродуктивные установки как социально-психологический феномен: теоретические аспекты // Психологическая наука и практика в современном обществе: реальность и тенденции развития/под ред. Е.Н. Ткач. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2020. – С. 150-157.

© Трусова Елена Анатольевна (lenatrusova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МАТЕРИ, ВЫРОСШИЕ В МНОГОДЕТНЫХ СЕМЬЯХ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СОБСТВЕННЫМ РЕБЕНКОМ-МЛАДШИМ ШКОЛЬНИКОМ

MOTHERS GROWING IN LARGE FAMILIES: PECULIARITIES OF INTERACTION WITH THEIR OWN CHILD-JUNIOR SCHOOLCHILDREN

*N. Tsvetkova
M. Kreker*

Summary: An empirical study of differences in the characteristics of interaction with a child-primary schoolchild among mothers who grew up in large (with three and more kids) and small (with one or two kids) families was carried out. The study sample consisted of 218 women, including 114 women who grew up in families with many children and 104 women from parental families with one or two children. It has been established that mothers who grew up in a large family and were often subjected to physical punishment by their parents in childhood tend not to repeat the parenting style of their parents: they are prone to a high manifestation of control in relation to the child compared to granting him independence / autonomy, and also strive to establish greater emotional intimacy with the child. Relationships between the satisfaction of a woman-mother with marriage and the quality of her relationship with a child were found: no matter in which family (large or small) the mother grew up, the higher her satisfaction with marriage, the higher her satisfaction with the relationship with the child and the less control over shows her attitude towards the child.

Keywords: the large family with more than three kids, small family with one or two kids, marriage satisfaction, emotional closeness with the child, autonomy of the child, the level of control of the child, physical punishment.

Цветкова Наталья Афанасьевна

кандидат психологических наук, доцент
Московский педагогический государственный
университет
na.tsvetkova@mpgu.su

Крекер Мария Юрьевна

Магистрант, Московский педагогический
государственный университет
marika_ova@mail.ru

Аннотация: Проведено эмпирическое исследование различий в характеристиках взаимодействия с ребенком-младшим школьником у матерей, выросших в многодетных и малодетных семьях. Выборку исследования составили 218 женщин, в том числе 114 женщин, выросших в многодетных семьях, и 104 женщины из родительских семей с одним или двумя детьми. Установлено, что матери, которые выросли в многодетной семье и часто подвергались в детстве физическим наказаниям со стороны своих родителей, стремятся не повторять воспитательный стиль своих родителей: они склонны к высокому проявлению контроля по отношению к ребенку по сравнению с предоставлением ему самостоятельности /автономности, а также стремятся установить большую эмоциональную близость с ребенком. Обнаружены взаимосвязи между удовлетворённостью женщиной-матерью браком и качеством ее отношений с ребенком: не зависимо от того, в какой семье (много- или малодетной) выросла мать, чем выше ее удовлетворённость браком, тем выше ее удовлетворённость отношениями с ребенком и тем меньший контроль по отношению к ребенку она проявляет.

Ключевые слова: многодетная семья, малодетная семья, удовлетворенность браком, эмоциональная близость с ребёнком, автономность ребенка, уровень контроля ребенка, физические наказания.

Актуальность темы исследования определяется, в первую очередь, тем, что в течение последних десятилетий у нас в стране на государственном уровне прилагаются усилия для возрождения ценности семьи, брака, детей [1]. Государственная политика направлена на приумножение самого ценного ресурса – человеческого капитала, на увеличение количества многодетных семей, воспитывающих троих и более детей. Несмотря на то, что доля многодетных семей остается невысокой (около 6% от общего числе семей в РФ), их благополучию уделяется пристальное внимание. Кроме того, до сих пор в научной литературе отсутствуют данные о том, каким образом детский опыт, полученный девочками в многодетных семьях, сказывается на качестве взаимодействия уже взрослых женщин с их собственными детьми.

В проведенном исследовании был сделан акцент на такую компоненту семейного воспитания в родительских семьях, как наличие физических наказаний. Несмотря на то, что Конвенция о защите прав детей [2] и другие законодательные акты запрещают физическое насилие по отношению к ребенку, а также на то, что многие современные родители используют помогающий стиль воспитания, отвергающий физические наказания, тем не менее, работники социально-психологических служб до сих пор сталкиваются с семьями, в которых родители полагают, что самый короткий путь к разуму ребенка лежит «через ягодички», а не через его глаза и уши. Не справляясь со своими негативными эмоциями – раздражением, плохим настроением, неудачами на работе – и убежденные в своей непогрешимости, они проявляют к

своим детям жесткость.

Для того, чтобы с помощью просветительской и консультативной работы с родителями психологи могли преодолеть распространенность физических наказаний в семьях, нужна информация о том, какие факторы влияют на применение родителями наказаний к своим детям (влияют ли, например, такие факторы, как собственный детский опыт родителей и их удовлетворенность своим браком).

Анализ работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных изучению трансформации института семьи на современном этапе его развития и такого его важнейшего аспекта, как детско-родительское взаимодействие, показал, что общественные изменения неизбежно приводят к трансформации статусно-ролевых характеристик семьи, философии семейного воспитания, ценностных приоритетов супругов и т.д. – все это отражает текущие тенденции развития социума, часто не имеющие однозначной оценки или будучи еще недостаточно осознанными [3].

За последние десятилетия изменилось представление о стереотипном семейном жизнеустройстве. Если ранее господствовала патриархальная модель семьи, то сейчас имеют место разные типы семьи, с разным распределением властных полномочий, разным содержанием наполнением семейных ролей. Наблюдается нарушение этапов становления семьи; наиболее яркое отражение этого – в регистрации браков после рождения ребенка, в отказе от регистрации брака даже после рождения детей, в рождении детей у несовершеннолетних женщин и мужчин [4].

Изменились принципы выбора брачного партнера и психологические инструменты стабилизации брака. Ведущим основанием стабильности семейного союза, помимо факта кровного родства, выступает родство духовное, предполагающее согласованность или, как минимум, непротиворечивость убеждений супругов относительно семейных целей, ценностей и интересов, в том числе относительно родительства [5].

Важнейшей особенностью трансформации родительских ролей на современном этапе развития института семьи является новизна требований к партнеру и у современных мужчин, и у современных женщин; в ее основе – стремление к эгалитарности (равноправию) с равной долей прав и обязанностей всех взрослых членов семьи во всем спектре родительских функций: воспитательной; хозяйственно-бытовой; экономической; коммуникативной; защитной; полоролевой [6].

Изучение содержательного наполнения роли матери показало, что в России в течение последних 30 лет инсти-

тут материнства развивался довольно сложно: если в 90-е гг. – в начале 2000-х гг. многие матери, по объективным причинам социального характера, были агрессивными по отношению к другим членам общества и конфликтными во внутрисемейной ситуации, в частности нетерпимыми к детским капризам и раздраженными детскими просьбами, то в последнее десятилетие большинство матерей стали более толерантными во взаимоотношениях с социумом и в отношениях с детьми, настроенными на создание наилучших условий для дружественного, позитивного общения в семье [7, С.107-108].

В целом, на качество исполнения воспитательной функции матери влияют множество факторов, в том числе: нуклеаризация семейной системы, урбанизация, создающая условия для территориальной разделенности разных поколений семьи, изменение стандартов поведения и мужчин, и женщин, трансформация семейных ценностей на протяжении жизни одного поколения [7, С. 44].

Существенной особенностью трансформации института семьи является снижение количества детей, в результате чего наблюдается резкое увеличение числа однодетных семей по сравнению с многодетными. Из общего количества семей в стране, которых насчитывается порядка 52 млн., основную долю – около 64% – составляют однодетные семьи. Только 28% семей имеют двух, а 6% – троих детей [8].

В условиях массовой однодетности традиционным стало обращать внимание на недостатки семей, воспитывающих только одного ребенка, главным из которых является то обстоятельство, что такие семьи зачастую не могут дать ребенку опыт социального общения, у него создаются только единичные связи, отсутствуют навыки адаптации к коллективу, развивается эгоцентризм [9].

В то же время в многодетных семьях, где многодетность является осознанным выбором супругов и все дети желанны, создается благоприятный климат, для которого характерны сплоченность, чувство защищенности и эмоциональной удовлетворенности, взаимопонимание, при этом хорошо развиты самокритика, доброжелательная критика в отношении любого другого члена семьи, взаимная терпеливость и корректность в случаях несоответствия мнений [10, 11, С. 24-25].

С другой стороны, практически все многодетные семьи сталкиваются со многими психологическими проблемами, обусловленными дефицитом времени, педагогического опыта, эмоциональной устойчивости родителей. В многодетной семье не все дети получают должное внимание; вследствие финансовых трудностей многие многодетные семьи оказываются социально и психологически неблагополучными и, соответственно, по мнению некоторых исследователей,

склонны продуцировать различные отклонения в развитии детей [12, 13].

Все это приводит к появлению у многих многодетных матерей синдромов эмоционального выгорания и хронической усталости, что может оказывать существенное влияние как на качество взаимоотношений многодетной матери с ее детьми, так и на то, какой матерью становится в будущем девочка, выросшая в многодетной семье.

Ввиду отсутствия литературных данных, достоверно отражающих это влияние, нами было предпринято настоящее эмпирическое исследование. Его выборку составили 218 женщин, из них 114 женщин, выросших в многодетных семьях, и 104 женщины, выросшие в малодетных семьях с одним или двумя детьми. Средний возраст респондентов составил 35 лет (минимальный возраст – 28 лет, максимальный – 40 лет). У всех женщин имеется ребенок младшего школьного возраста, 6 – 10 лет. Все респонденты проживают в г. Москве и Московской области.

В качестве психодиагностических инструментов исследования использовались опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» И.М. Марковской [14]; опросник удовлетворенности браком (ОУБ) В.В. Столина, Г.Л. Романовой, Г.П. Бутенко [15]; анкетирование.

В процессе анкетирования всем участницам исследования были заданы вопросы: «Применяли ли ваши родители к вам физические наказания?» и «Как вы оцениваете свои отношения с родителями?». Для сравнения ответов использовались таблицы сопряженности, а для оценки значимости различий применялся критерий χ -квадрат.

На рисунке 1 приведены данные, полученные по ответам на первый из указанных вопросов.

Оказалось, что между группами респондентов (жен-

щины, выросшие в многодетных семьях, и женщины, выросшие в однодетных семьях, существуют достоверные различия (χ -квадрат=25,043; $p<0,001$), а именно: к гораздо большему количеству девочек в многодетных семьях (70,2%) по сравнению с количеством девочек из однодетных семей (42,3%) родители время от времени (редко, как считают сами выросшие в этих семьях девочки) применяли физические наказания. Это различие может быть обусловлено тем, что при большом количестве детей в семье, родителям чаще, чем в малодетных семьях, не хватает времени и сил, чтобы найти подход к ребенку, и они выбирают наиболее простой, и как им кажется, эффективный способ воспитания в виде физического наказания.

Нельзя не обратить внимание на количество ответов о частом применении физических наказаний. Это цифры практически одинаковы в обеих группах респондентов (16,3% у женщин, выросших в малодетных семьях, и 17,2% у женщин из многодетных семей). Эти данные свидетельствуют о том, что сама идея «выбросить розги – испортить ребенка» (английская пословица), пришедшая к нам их семей патриархального типа, до сих пор владеет умами многих родителей, независимо от количества у них детей.

Далее было проведено сравнение ответов на вопрос «Как вы оцениваете свои отношения с родителями?». Результаты представлены на рисунке 2.

Статистически значимых различий в распределении ответов (χ -квадрат=3,476; $p<0,176$) не обнаружено. Большая часть женщин в обеих группах оценивает свои отношения с родителями как положительные, причем так оценивают свои отношения с родителями даже некоторые из женщин, к которым в детстве применялись физические наказания. Зато в группу женщин, оценивающих свои отношения с родителями отрицательно, вошли только женщины, к которым в детстве применялись

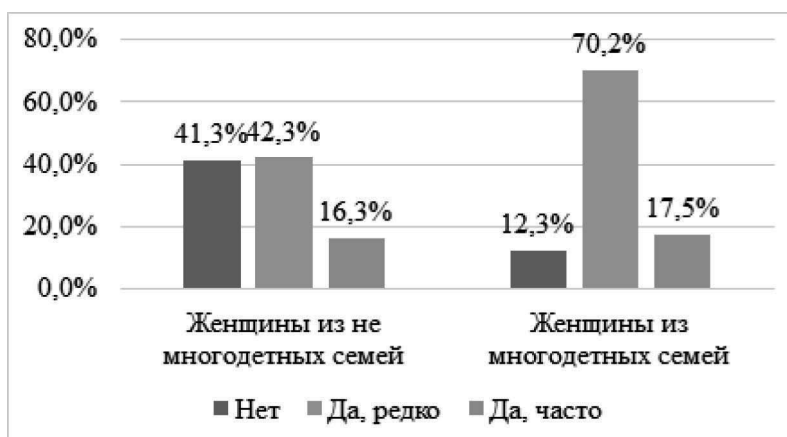

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Применяли ли Ваши родители к Вам физические наказания?»

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как вы оцениваете свои отношения с родителями?»

физические наказания.

Для изучения особенностей взаимодействия матерей с ребенком-младшим школьников использовался опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» И.М. Марковской с применением критерия Манна-Уитни для полученных данных, так как распределение данных в группах отличалось от нормального, по всем шкалам статистика критерия Колмогорова-Смирнова была на уровне $p < 0,05$.

Из десяти шкал – характеристик взаимодействия родителей с детьми (нетребовательность-требовательность, мягкость-строгость, автономность-контроль по отношению к ребенку, эмоциональная дистанция-эмоциональная близость ребенка к родителю, отвержение-принятие ребенка родителем, отсутствие сотрудничества-сотрудничество, несогласие-согласие между ребенком и родителем, непоследовательность-последовательность родителя, авторитетность родителя, удовлетворенность отношениями ребенка с родителем) статистически значимые различия для обеих групп матерей были обнаружены только по некоторым из них.

Статистически значимых различий не выявлено по следующим характеристикам:

- «*нетребовательность-требовательность*»: матери, выросшие и в много-, и в малодетных семьях проявляют примерно равный уровень требовательности к своему ребенку;
- «*мягкость-строгость*»: женщины, выросшие в многодетных семьях, проявляют такую же строгость по отношению к ребенку, как и женщины, выросшие в малодетных семьях;
- «*отсутствие сотрудничества – сотрудничество*»: большинство современных матерей стремятся к сотрудничеству со своим ребенком, вовлекаются во взаимодействие с ним;
- «*несогласие – согласие*»: достаточно высокие средние значения свидетельствуют о том, что большая часть матерей в обеих группах, довольно часто находятся в ситуации согласия со своим ребенком,

по отношению к разным жизненным ситуациям;

- «*непоследовательность – последовательность*»: женщины, выросшие в многодетных семьях, и женщины из малодетных семей, одинаково последовательны в процессе воспитания детей, в системе поощрений и наказаний;
- «*авторитетность родителя*»: женщины из обеих групп оценивают свою авторитетность в глазах ребенка (насколько действия, поступки, мнение родителя являются важным для ребенка и насколько ребенок их одобряет) довольно высоко и примерно на одинаковом уровне;
- «*удовлетворенность отношениями с ребенком*»: в среднем, женщины из обеих групп удовлетворены своими отношениями с ребенком.

По характеристике «*Автономность-контроль*» достоверных различий на уровне значимости $p < 0,05$ не выявлено. Однако на уровне значимости $p < 0,1$ можно говорить о различиях между группами. Женщины, выросшие в многодетных семьях, предоставляют ребенку большую автономность, тогда как женщины, выросшие в малодетных семьях, больше контролируют детей. Вероятно, данное различие обусловлено повторением модели женщинами того поведения, которое они видели в своих родительских семьях: во многих многодетных семьях дети в высокой степени автономны, поскольку у родителей нет ресурсов и возможностей, чтобы быть вовлеченными в жизнь каждого ребенка. А в малодетных семьях все внимание родителей сконцентрировано на детях, соответственно, их больше контролируют. Иначе говоря, девочки в многодетных семьях оценивают высокую степень своей автономности от родителей как положительный опыт и хотят, чтобы их дети тоже имели этот опыт.

Далее при проведении двухфакторного дисперсионного анализа, где в качестве факторов выступали 1) многодетность/малодетность семьи и 2) наличие/отсутствие физических наказаний (рисунок 3) было установлено, что взаимодействие факторов многодетная семья и применение физических наказаний ($F=3,709$; $p < 0,026$) оказалось значимым.

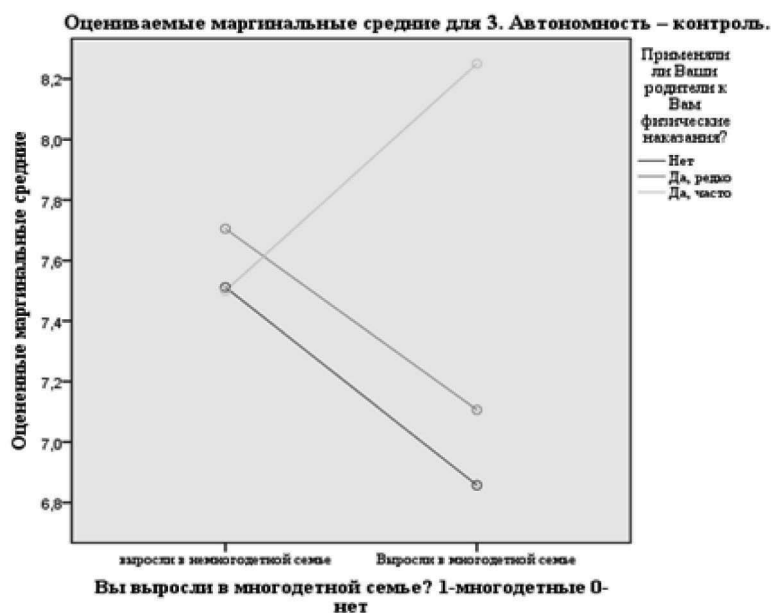

Рис. 3. Средние значения двухфакторного анализа

Таким образом, установлено, что женщины, выросшие в многодетной семье и к которым часто применялись физические наказания, имеют более высокие значения по шкале «Автономность-контроль», что свидетельствует о высоком проявлении контроля с их стороны по отношению к ребенку. Контроль может проявляться в мелочной опеке, повышенной тревожности, что может быть обусловлено либо потребностью матерей, которые в детстве испытывали большое количество физических наказаний, защитить своего ребенка от совершения им ошибок (тогда ребенок не будет давать повод для наказаний), либо желанием быть ближе к ребенку. Результат представляется нам важным, однако он требует проверки на большей выборке и с применением большего количества диагностических методик.

По характеристике «Эмоциональная дистанция – близость» выявлены достоверные различия ($p < 0,015$): женщины, выросшие в многодетных семьях, проявляют большую эмоциональную близость к ребенку, чем женщины из малодетных семей. По-видимому, женщины из многодетных семей в детстве испытывали дефицит внимания от своих родителей, их детский опыт имеет негативную эмоциональную окраску, вследствие этого они стараются дать своему ребенку то, чего им самим не хватало.

Сравнительный анализ характеристики «эмоциональная дистанция – эмоциональная близость» по отношению к ребенку показал наличие статистически значимых различий ($p < 0,014$, таблица 1) у женщин, к которым применялись физические наказания в детстве, и у женщин, к которым физические наказания не применялись, независимо от того, в какой семье выросла женщина (в

много- или малодетной). То есть женщины, часто подвергавшиеся физическим наказаниям, в отношениях со своим ребенком, предпочитают избегать данной модели воспитания и стараются выстраивать эмоционально близкие отношения с ребенком.

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа шкалы «Эмоциональная дистанция – близость» для женщин из обеих групп (из много- и малодетных семей).

	Эмоциональная дистанция – близость		F	p
	Среднее	Ст. откл.		
Применяли ли Ваши родители к Вам физические наказания?				
Нет	12,04	2,686	4,474	0,012
Да, редко	12,90	2,859		
Да, часто	13,81	2,998		

По характеристике «Отвержение – принятие» были выявлены достоверные различия ($p < 0,029$) между группами женщин из много- и малодетных семей. У женщин из многодетных семей показатель по данной шкале выше, то есть они более лояльны к проявлению особенностей своих детей, принимают их личностные особенности в большей степени, чем матери из малодетных семей. Этот результат может быть обусловлен тем, что в многодетных семьях, где дети все разные, каждый ребенок приучается принимать различия в поведении разных людей и сотрудничать с ними.

Достоверные различия ($p < 0,006$) выявил анализ *удовлетворенности отношениями с ребенком* у мате-

рей, к которым в детстве применялись физические наказания, и у матерей, по отношению к которым физические наказания не применялись (результаты сравнения представлены в таблице 2).

Таблица 2.
Результаты сравнительного анализа шкалы «Удовлетворенность отношениями с ребенком»

	Удовлетворительность отношениями с ребенком		F	p
	Среднее	Ст. откл.		
Применяли ли Ваши родители к Вам физические наказания?				
Нет	19,65	3,148	5,292	0,006
Да, редко	18,66	3,609		
Да, часто	17,27	3,437		

Установлено, что женщины, к которым не применялись физические наказания, более удовлетворены своими отношениями с ребенком, чем женщины, к которым физические наказания применялись часто, последние имеют наименьшую удовлетворённость отношениями со своим ребенком. Этот результат может свидетельствовать о том, что детская травма переживания жестокости со стороны родителей, рождает у выросшей в условиях частых физических наказаний женщин двойственное отношение к воспитанию: с одной стороны, они не хотят повторить опыт своих родителей, а, с другой стороны, испытывают растерянность, не будучи уверенными в своих способностях воспитателя, и переносят эту неуверенность на свои отношения с ребенком.

Далее с помощью опросника «Удовлетворённость браком» В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко были исследованы различия в уровне удовлетворенности браком у женщин из много- и малодетных семей. Установлено наличие статистически достоверных различий: женщины, выросшие в многодетных семьях, в большей степени удовлетворены своим браком, чем женщины из малодетных семей. (Хи-квадрат=12,918; $p < 0,044$). Анализ процентных долей показал, что в группе женщин из малодетных семей чаще встречаются «абсолютно неблагополучные семьи» (10,6%), тогда как в группе женщин из многодетных семей всего 1,8% женщин оценивают свою жизнь в браке, как абсолютно неблагополучную. Данный результат может быть обусловлен тем, что участие супруга в воспитании детей и обеспечении жизнедеятельности семьи воспринимается женщинами, выросшими в многодетных семьях, с большей благодарностью, чем женщинами из малодетных семей. По-видимому, глядя в детстве на то, как отец помогал матери справляться с физической и психологической нагрузкой и как сложно было матери, если отец не помогал ей в каких-то аспектах семейной жизни, женщины из многодетных семей более чутки к помощи мужа.

В обеих группах большая часть женщин оценивают свой брак, как абсолютно благополучная семья или благополучная семья, что свидетельствует о том, что большая часть женщин удовлетворена своим браком.

Результаты корреляционного анализа взаимосвязи удовлетворённости матерью браком и характеристик ее взаимодействия с ребенком приведены в таблице 3.

Таблица 3.

Результаты корреляционного анализа данных, полученных с помощью опросников «Взаимодействие родитель-ребенок» и «Удовлетворённость браком».

Шкалы	Удовлетворенность браком	
1. Нетребовательность – требовательность.	R	,098
	P	,150
2. Мягкость – строгость.	R	-,073
	P	,283
3. Автономность – контроль.	R	-,165*
	P	,015
4. Эмоциональная дистанция – близость.	R	-,078
	P	,249
5. Отвержение – принятие.	R	,117
	P	,084
6. Отсутствие сотрудничества – сотрудничество.	R	,112
	P	,100
7. Несогласие – согласие	R	,139*
	P	,041
8. Непоследовательность – последовательность.	R	,174*
	P	,010
9. Авторитетность родителя.	R	-,002
	P	,978
10. Удовлетворенность отношениями с ребенком (родителем).	R	,250**
	P	,000

Примечание. Полужирным шрифтом выделены статистически достоверные взаимосвязи.

По результатам корреляционного анализа были выявлены следующие статистически достоверные взаимосвязи.

1. Обратная взаимосвязь между шкалой «Удовлетворённость браком» и шкалой «Автономность – контроль», то есть чем выше у матерей удовлетворённость браком, тем меньший контроль они проявляют по отношению к ребенку. Иначе говоря, высокий уровень удовлетворённости браком предполагает, что взаимоотношения в семье построены на искренности и доверии и в целом имеют позитивную окраску, поэтому ребенок не

нуждается в дополнительном контроле.

2. Прямая взаимосвязь между шкалой «Удовлетворённость браком» и шкалой «Несогласие – согласие», то есть чем выше удовлетворённость матерью браком, тем выше у нее уровень взаимопонимания с ребенком. Это результат отражает тот факт, что при высоком уровне удовлетворённости браком супруги (матери в данном случае) настроены на сотрудничество, поиск совместных решений, компромиссов, способностью принимать, быть гибким – и все это проявляется и в отношениях с ребенком.
3. Прямая взаимосвязь между шкалой «Удовлетворённость браком» и шкалой «Непоследовательность – последовательность», то есть женщины с высоким уровнем удовлетворенности браком, чаще проявляют последовательность в воспитательном процессе. Данная корреляция объясняется тем, что последовательность может проявляться не только в воспитании ребенка, но и в браке, последовательность и однородность требований к своему партнеру также может повышать удовлетворённость браком.
4. Прямая взаимосвязь между шкалой «Удовлетворённость браком» и шкалой «Удовлетворенность отношениями с ребенком», то есть чем выше удовлетворённость браком, тем выше удовлетворённость отношениями с ребенком. Это может быть обусловлено тем, что в случае, когда партнеры удовлетворены качеством их взаимоотношений, минимизированы или исключены эмоционально негативные ситуации, спровоцированные, например, конфликтом, которые могут проецироваться на ребенка.

Таким образом, основными выводами проведенного эмпирического исследования, можно считать следующие.

- Матери сегодняшних младших школьников, женщины возраста около 35 лет, выросшие в многодетных семьях, в большинстве своем (70,2%) подвергались в детстве физическим наказаниям.
- Матери, выросшие в многодетных семьях и часто подвергавшиеся физическим наказаниям, стремятся не повторять воспитательный стиль своих родителей: они склонны к высокому проявлению контроля по отношению к ребенку по сравнению с предоставлением ему самостоятельности / автономности. Вероятно, данная особенность может быть обусловлена потребностью матерей предостеречь ребенка от совершения ошибок, которые могут дать повод для суровых наказаний.
- Стремление матерей из многодетных семей не повторять воспитательный опыт своих родителей проявляется также в том, что матери, выросшие в многодетных семьях, проявляют большую эмоциональную близость к ребенку, чем матери, выросшие в малодетных семьях.
- Матери, выросшие в многодетных семьях и не подвергавшиеся в детстве физическим наказаниям со стороны родителей, предоставляют ребенку большую автономность по сравнению с уровнем родительского контроля, а матери, выросшие в малодетных семьях, больше контролируют своих детей. То есть в этом аспекте семейного воспитания матери из многодетных семей, где не было родительской жестокости, повторяют воспитательную позицию своих родителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 5 мая 1992 г. N 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» (с изменениями и дополнениями от 25.02.2003 г.).
2. Конвенция о правах ребенка // Совет Европы URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/convention-on-the-rights-of-the-child> (дата обращения: 04.06.2023).
3. Трансформация аксиологических оснований современной российской семьи: монография / В.А. Берковский, С.В. Бобрышов, В.В. Ивакина и др.; под ред. Л.А. Трониной. - Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2018. – С. 17.
4. Цуриков В.И. О традиционной семье и причинах трансформации брачно-семейных отношений // Социодинамика. 2017. № 3. – С. 47.
5. Кobleва З.Х., Тхакушинов А.К. Трансформация ценностных ориентаций современной российской семьи // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 45. – С. 1784.
6. Цветкова Н.А. Трансформация содержательного наполнения паттернов родительско-детских отношений на современном этапе развития семьи // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание», 2022. №9, – С. 80-85.
7. Психология взаимоотношений в контексте развития личности: коллективная монография / А.Ю. Нагорнова, М.Р. Арпентьева, М.А. Виниченко и др. - Ульяновск: Зебра, 2017. – С. 107-108.
8. Прокофьева Л. Тенденции изменения семейной структуры населения России // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»/ Научно-образовательный портал IQ URL: <https://iq.hse.ru/news/177668485.html> (дата обращения: 04.06.2023).
9. Сарычева А.Б., Великова С.А. Удовлетворенность браком супругов, создавших однодетные и многодетные семьи // Психология учебной и профессиональной деятельности, 2018. – С. 124.
10. Борцов Ю.С. Социализация детей в нуклеарных семьях: проблемы внутрисемейной коммуникации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2016. № 6-7. – С. 27
11. Гребенникова И.В. Основы семейной жизни: Учеб. пособие для ст. - в педагогических институтах. – М.: Просвещение, 1991. – 158 с., – С. 24-28

12. Семенова Ф.О., Боваева А.В. Категория детности в проблемном поле психологии семьи // *Семья и личность: проблемы взаимодействия*. 2019. № 13. – С. 114-120
13. Боваева А.В. Многодетная семья: особенности психологического климата и детско-родительских отношений // *Проблемы современного педагогического образования*. — 2019. — №65-2. — С.303-306.
14. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. Цели, задачи и основ. принципы: Групповые формы работы с родителями. Диагностика отношений родителей с детьми. Тренинг взаимодействия родителей с детьми / И.М. Марковская. – СПб.: Речь, 2002 (Тип. ООО ИПК Бионт). – 149 с.
15. Карелин А.А. Большая энциклопедия психологических тестов. – М.: Эксмо, 2005. – 416 с.

© Цветкова Наталья Афанасьевна (na.tsvetkova@mpgu.su), Крекер Мария Юрьевна (marika_ova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

РОЛЬ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ СУБЪЕКТНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОСТИ

Власенко Константин Игоревич
Аспирант, РГПУ им. Герцена
(Институт Философии Человека)
konstantinherzen@gmail.com

THE ROLE OF UNCERTAINTY IN THE HERMENEUTICS OF SUBJECTIVITY AND SUBJECTIVITY

K. Vlasenko

Summary: Against the backdrop of Heidegger's opposition to anthropology, the analysis of existence takes precedence over the systematic knowledge of man, primarily because what is usually understood as the name "man" has only a secondary, limited, namely theological, or describes a scientifically fixed or measurable part of that the whole being that we ourselves are. Heidegger understands the actual realization of life as the discovery of a "regressive dimension", as the basis for the transcendental question that the a priori conditions of finite knowledge can be posed at all. The hermeneutics of factual quotation wants to ask not only about being positively constituted, but also about the existential premises of the constitution and, therefore, behind the transcendental ego that distinguished people from Descartes to Husserl from the rest of being. The purpose of the study is to identify the role of uncertainty in the hermeneutics of subjectivity and subjectivity.

Keywords: uncertainty, hermeneutics, subjectivity, subjectness, anthropology.

Аннотация: На фоне противостояния Хайдеггера с антропологией — анализ существования берет верх над систематическим познанием человека прежде всего потому, что то, что обычно понимается под именем «человек», имеет лишь вторичное, ограниченное, а именно теологическое или описывает научно зафиксированное или измеримое часть того целостного существа, которым мы сами являемся. Хайдеггер понимает фактическое осуществление жизни как открытие «регрессионного измерения», как основу для трансцендентального вопроса о том, что априорные условия конечного знания вообще могут быть поставлены. Герменевтика фактического цитирования хочет спросить не только о бытии позитивно конституированного, но и об экзистенциальных предпосылках конституции и, следовательно, стоящего за трансцендентальным эго, которое отличало людей от Декарта до Гуссерля от остального бытия. Цель исследования — обозначить роль неопределенности в герменевтике субъектности и субъективности.

Ключевые слова: неопределенность, герменевтика, субъективность, субъектность, антропология.

Введение

Хайдеггер постоянно пытается говорить о человеке только в кавычках в «Бытии и времени» [6, с.22]. В этом заключается дистанцирование с концептуальной и лингвистической точки зрения: для Хайдеггера отстранение от традиционного понятия и слова «человек» является предпосылкой того, чтобы бытие существ, обозначаемых этим словом, было неприкрытым и изначально вопрошаемым. Это «разрушение» традиционной терминологии, восходящей к гуссерлевскому методу феноменологической редукции, — процедура столь же деструктивная, сколь и исключающая бытие и время, направленная на раскрытие «первоначальных переживаний», — является для Хайдеггера необходимым, но не достаточным историческим условием. философское знание; только в единстве феноменологической редукции, разрушения и конструирования может проявиться целостный смысл предмета [1, С. 180-197].

Кроме того, почти полностью исключается из исследования телесность человека. Это исключение чаще всего рассматривается как слабость бытия и времени, особенно когда телесность, как в феноменологии Мори-

са Мерло-Понти, понимается как предпосылка для понимания сущего вообще. Отступление за теологический и научный горизонты понимания, сопровождающее это вынесение за скобки, которые традиционно привязаны к материальности и душе человеческого существования, также можно рассматривать как попытку доступа к нашему отношению к себе и миру, которое не было предварительно сформировано с точки зрения теории сознания и субстанционализма.

В «Бытии и времени» «человек» (в кавычках) — это либо существо, понятое, сотворенное, падшее и испу- пленное в христианском богословии, либо существо, которое научно установлено или еще должно быть установлено и которому принадлежит способность говорить. Согласно Хайдеггеру, эти два традиционных способа определения человека основаны на ограниченном историческом самопонимании существования. В этом отношении «человек» первоначально предстает в «Бытии и времени» негативно как собирательный термин для традиционных интерпретаций исуществ, которые теологически «выходят за пределы самих себя» [6].

Согласно герменевтике существования, «<восприя-

тие> и <мышление> [...] являются отдаленными производными от понимания [6]», из чего следует, что всякое систематическое знание человека, всякая эмпирическая или априорная антропология основывается на историческом понимании с объектом, обозначаемым словом «человек». Это делает понятным замечание Хайдеггера о том, что аналитика существования — хотя она и не направлена на это — «нуждается во многих отношениях в отношении последовательной разработки экзистенциального априори философской антропологии» [6]. Другими словами, фундаментальная онтология претендует на то, чтобы разработать экзистенциальную онтологическую основу философской антропологии. В то же время она, таким образом, привержена притязаниям «особой задачи экзистенциально-априорной антропологии», поскольку это требует от фундаментальной онтологии внесения разнообразных дополнений, если она хочет соответствовать своему собственному притязанию на обеспечение закрыты априори [6, с. 243].

Как попытка вернуться за сознание, конституирующее Канта, «существование» одновременно больше и меньше, чем «человек»: больше, поскольку оно более всеобъемлющее, более целостное и более фундаментальное (так что можно было бы также спросить, например, принадлежит ли оно также ангелам или богам — приходит); и менее, поскольку из анализа существования должна следовать неопределенность устоявшихся исторических и культурных определений человека вообще.

В лекции «Основные понятия метафизики» 1929/30 г. Хайдеггер попытался проработать антропологическую двусмысленность бытия и времени, описав «мир», основанный на различии между камнем, животным и человеком [7, с. 263]. Он помещает человека как существо, имеющее в своем распоряжении логос, в центр метафизики и определяет нахождение его «первоначального измерения [7, с. 509]» как средство его преодоления. Он озабочен «преобразованием человека и, таким образом, традиционной метафизики в более оригинальное существование, чтобы позволить вновь возникнуть старым фундаментальным вопросам [7, с. 508]». В этом поиске изначального измерения человеческого бытия вновь проявляется жизненно-философское требование непосредственного единства [4, с. 76-84].

Посредством осуществления выбора и свободной воли люди живут подлинной жизнью. Согласно Сартру, субъективность неразрывно связана с существованием и выбором человека. В книге «Бытие и ничто» (1943) он замечает, что «свобода есть существование, и в нем существование предшествует сущности». Субъективность людей демонстрируется их готовностью выбирать свой уникальный образ жизни, даже если он может быть эксцентричным или своеобразным.

Независимо от их индивидуальной позиции, вышеупомянутые философы сохраняют автономию субъекта и позиционируют его как полярную противоположность объекта, который является пассивным и реципиентным. Будучи динамическим актанта, субъект способен наслаждаться свободной волей и вести аналитическую работу; объект, тем не менее, подчинен и восприимчив к воздействию субъекта. Таким образом, возникает бинарная оппозиция субъект/объект.

Деррида считает, что западный культ придает иерархическую и взаимоисключающую природу бинарным оппозициям, которые используются для выражения противоположных идей, таких как присутствие/отсутствие, добро/зло, белое/черное, мужчина/женщина и так далее. Первый термин — присутствие, добро, белый и человек — поддерживается как высший и доминирующий, тогда как второй термин является низшим и подчиненным. Деррида деконструирует ложную иерархию между двумя терминами, указывая, что их относительные значения являются взаимозависимыми, а не исключительными. Если это не отсутствие, то какой смысл присутствовать? Если черного нет, что будет означать белый? Присущая первому термину неполнота обуславливает необходимость бытия второго и делает его незаменимым дополнением, что означает как «заменяющее», так и «добавляющее». В книге «О грамматике» (1976) Деррида утверждает [8]: «Странная сущность добавки заключается в том, что она не имеет сущности: она всегда может не иметь места. Более того, в буквальном смысле, она никогда не происходила: она никогда не присутствует, здесь и сейчас». Между тем, автономия дерридовского субъекта разрушается, как это всегда происходит в процессе строительства. Без объекта субъект также может раствориться, поскольку ему не с чем можно было бы иметь отношение. Следовательно, объект больше не является пассивной фольгой субъекта, а одной из его существенных черт.

Деррида деконструирует предмет с лингвистической точки зрения, которая стоит ему его фиксированного и однозначного значения, экзистенциальный субъект территориализируется постмодернистской мыслью, что делает его фрагментированным, легкомысленным и аморальным. Лиотар характеризует постмодерн как «недоверие к метанарративу», и предмет может быть интерпретирован как метанарратив по отношению к Cogito и Dasein, которые являются всеобщим и конечным. Тем не менее, истинность метанарративов прогресса, разума и истории оспаривается и несколько перевернута, как и предмет. Постмодернистская экзистенциальная тема фрагментарна, тривиальна и аморальна, и жизнь кажется бесцельной и бессмысленной. Тема многих постмодернистских произведений невероятно тривиальна, а главные герои — неясные фигуры, которые резко отличаются от классических романов.

С ростом влияния постструктуралистских теорий люди приходят к пониманию того, что субъект не является самостоятельной или целостной сущностью, и вовлечение объекта в построение субъективности необходимо. Объект больше не подчиняется субъекту, и они фактически находятся на равных условиях. Другими словами, объект сам по себе является субъектом. Это две стороны одной медали. Конструируемая субъективность зависит от многих факторов, одним из которых является объект, который может присутствовать или отсутствовать.

Хайдеггеровская версия отношений между человеком и существованием снова изменилась в ходе дебатов в Давосе с Эрнстом Кассирером, которые также имели место в 1929 году. Там сказано: «Весь этот комплекс проблем в Бытии и Времени, касающийся Dasein в человеке, не есть философская антропология. Он слишком узок для этого, слишком условен [5, с. 283]». Говоря о Dasein в человеке, Хайдеггер модифицирует картину квазитрансцендентального упадка и начинает готовить избирательную интерпретацию бытия и времени. Понимание бытия свойственно Dasein как экзистенциальному и в то же время происходит внутри человека, что указывает на более позднюю концепцию сдержанного, слушающего поведения по отношению к возможности понимания вхождения бытия в язык. Заключительная формулировка Хайдеггера, что, по его мнению, философия может быть только «освобождением человеческого существования», показывает, насколько сильно здесь продолжает действовать жизнефилософский элемент.

В «Die Zeit des Weltbilds» 1938 года завершается переход от ненадежности человека как существования к «искажению» человека как метафизико-антропологической интерпретации: «Антропология есть та интерпретация человека, которая в основе своей уже знает, что такое человек, и поэтому может никогда не спрашивать, кто он». В смысле Бытия и Времени традиционные понятия и воззрения препятствуют оригинальному вопрошанию о собственном существовании, тем самым характеристика антропологии как «интерпретации» хайдеггеровского Бытия и Времени расширяет герменевтическое ограничение возможности априорной антропологии: трансцендентность бытия как «убегание в возможность» требует не только самоинтерпретации каждого индивидуума, но и всякого общего утверждения о «существовании» в себе самом. Всякое категориальное определение человека основано на конечном предположении самого определяющего существования, вытекающем из настоящего и его терминологии.

Сомнение Хайдеггера по поводу традиционных представлений о человеке тесно связано с его попыткой освободить язык от «господства современной метафизики субъективности». В основе этого господства лежит

понимание бытия как животного разума, использующего язык как инструмент: «Человек ведет себя так, как если бы он был создателем и хозяином языка, а язык остается госпожой человека». Можно ли эту всеобъемлющую концепцию языка понимать как дополнительное измерение происхождения, так что язык появляется в более поздних произведениях как основа возможности понимания существования?

Наряду со своим намерением найти имманентный переход от бытия и времени ко времени и бытию, Хайдеггер также отказывается от своей концепции герменевтики. Согласно ранней концепции, фундаментальная онтология зависит от Dasein, поскольку имеет особое отношение к бытию. Вслед за бытием и временем это препятствует независимому от определения существования отношению к бытию как к истине. Истина бытия не должна зависеть ни от деятельности и прихотей бытия, ни быть чем-то отдельным от бытия, а исполнением самого бытия. Чтобы избежать этого узкого места, Хайдеггер уже не спрашивает на основе открывающей герменевтики бытия по бытию, но исходя из истории бытия по истине сущности [5, с. 283].

После этого серьезного изменения точки зрения уже не композиционная концепция человеческих существ должна быть целостно подвергнута сомнению в возвращении к бытию существования, а скорее идея языка, задуманная по аналогии с людьми: «Мы думаем формы звука и письменного образа как тела слова, мелодии и ритма как души и смысла как духа языка. Обычно мы мыслим язык соответствующим сущности человека, поскольку она представлена как животное разумение, т. е. как единство тела, души и духа. После того, как анализ существования в бытии и времени должен был сделать возможным целостное исследование собственного бытия, но затем помешал преодолению метафизики через герменевтический доступ к бытию, который зависит от самого существования, язык становится целостным измерением, которое предшествует всякому априорному разделению.

С точки зрения бытия и времени связь между существованием и языком заключается в «установке», которой соответствует «настроение» как онтически, так и феноменологически. Именно это в основной структуре существования лежит в основе не только понятийно-логического познания, но и понимания бытия. Хайдеггер полагает, что «возможности раскрытия знания далеки от первоначального раскрытия настроений», поэтому то, к чему относится настроение, должно быть онтологически познано как «изначальный способ бытия Dasein [...] в которые раскрываются ему прежде всего, чтобы знать и желать и сверх пределов их раскрытия». Всякая интерпретация присутствия предполагает понимание его собственной фактичности, причем это понимание всег-

да определяется соответствующим сиюминутным состоянием присутствия.

«Настроение уже открыло бытие-в-мире в целом — и делает самоуправление... впервые возможным». Это стержень хайдеггеровской критики интенциональности, в которой мир, современность и существование встречаются как неделимая тотальность. Это дает ключевую позицию в хайдеггеровской критике антропологии: «Пробуждение настроения [...] в конечном итоге совпадает с требованием полного изменения нашего представления о человеке» [5, с. 283]. То, что было задумано в «Бытии и времени» как экзистенциальность состояния, достигает более поздней попытки найти иной, лингвистический подход к бытию. Все, что так или иначе встречается или слышится, делается доступным в языке и, по крайней мере, «со-конституируется» им. В неметафизическом отношении к языку, описанном Хайдеггером с нащупывающей негативностью, «для всякого восприятия сущего в его бытии бытие уже очищено», причем успех этого восприятия основывается на настроении соответствующего поведения [2, с. 140-142].

Раннее вопрошание Dasein о смысле бытия зависит от состояния ума точно так же, как позднее «замалчивание» истины бытия. Однако можно выделить излом, который образ поворота размывает, но который только делает его еще более очевидным: бытие и время определяют бытие как возможность действительного отношения к миру; С этим положением Письмо о гуманизме работает против всех положений. Существующее существование теперь становится ненадежным, как и люди до него, из-за того, что язык обрамляет его как дальнейшее измерение упадка — аналогично имманентной трансцендентности человека посредством существования.

Заключение

Отношения между человеком и его ролью в «Бытии и времени» — это отношения самоинтерпретации, регрессии и ненадежности. В 1927 году еще не существовало языкового измерения, которое включало бы и обосновывало существование до этого отношения. «Видно, — пишет Жак Деррида, — что существование, если оно не есть человек, тем не менее есть не что иное, как человек. Это [...] повторение сущности человека [...] [3, с. 111]». Но, повторяя человека, Dasein имманентно выдвигает антропологическое вопрошание и обнажает

основания этого повторения. Ограничения, с которыми сталкивается хайдеггеровский анализ, провоцируют его последующие поиски фундаментального и целостного понимания языка.

«Бытие и время» не хочет дать ответ на вопрос о человеке, но и не представляет никакого теоретического антигуманизма. Скорее, предварительный вывод анализа отмечает разрыв между ними. Что касается терминологии Хайдеггера, т. е. вопроса о том, почему он снова прямо говорит о человеке и об антропологии в своих более поздних текстах, то кажется, что в годы после 1927 года он опасался, что Аналитика роли человека, его субъектности снова попадет под покровительство трансцендентальную феноменологию и трансформировалась обратно в региональную онтологию: Попытка, предпринятая в «Бытии и времени», пришла «против его воли [...] в опасность стать лишь затвердеванием субъективности», поэтому Хайдеггер прямо выступал против метафизической сущности — судьба человека начинает поворачиваться. После того, как «существование» должно было герменевтически включать «человеческих существ» в бытие и время, язык теперь охватывает бытие исторически, с настроением и настроением, образуя своего рода переход. Таким образом, неудача имманентной конфронтации Хайдеггера с антропологической проблематикой — неудача, на которую указывает и утверждение Плесснера об суженной антропологии анализа, — оказывается значимой для обращения Хайдеггера к языку в контексте перехода к истории бытия.

Какая польза от разделения существования и человека? Если «Dasein» — это нечто большее, чем семантическое смещение или метафизическое «повторение человека», то это предполагает, что бытие и время остаются более прочно и имманентно связанными с антропологическим вопросом, чем предполагает более поздняя самоинтерпретация Хайдеггера. Анализ бытия предстает тогда как попытка расшатать формирование научной и философской теории о нас самих с помощью жизне-философско-герменевтической коррекции феноменологии изнутри. Чем больше исследуется различие между «существованием» и «человеком», тем яснее непрерывные усилия Хайдеггера раскрыть гносеологические, метафизические и лингвистико-философские основания антропологической проблемы и перевести их в целостный вид, включая определение отношения к субъектности и субъективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров С.З., Попова Н.В. Креативность принципа субъектности в философии // Антиномии. — 2008. — №. 8. — С. 180-197.
2. Гребенникова Е.В. Субъектность личности: теоретические аспекты проблемы // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2013. — №. 6 (134). — С. 140-142.
3. Жак Деррида, «Fines hominis», в: Id., Randgänge der Philosophie, Франкфурт-на-Майне/Берлин/Вена, Ullstein, 1976, стр. 111.

4. Каширин В.П. Субъектность личности и её истоки //Вестник Академии права и управления. – 2010. – №. 20. – С. 76-84.
5. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики, Франкфурт-на-Майне, Витторио Кластерманн, 1991, стр. 283.
6. Хайдеггер М.О. сущности истины//Хайдеггер М //Разговор на проселочной дороге. М. – 1991. – С. 22.
7. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Одиночество конечности мира (зимний семестр 1929/30), Франкфурт-на-Майне, Витторио Кластерманн, 2004, стр. 263.
8. Olshansky D. et al. AESTHETICS OF THE OTHER FROM FREUD AND DERRIDA //FACTA UNIVERSITATIS-Philosophy, Sociology, Psychology and History. - 2009. - no. 01. - S. 69-92.

© Власенко Константин Игоревич (konstantinherzen@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РГГУ им. Герцена (Институт Философии Человека)

ПОЛИХОТОМИИ И ИХ ЧАСТНЫЕ ВЕРСИИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

POLYCHOTOMIES AND THEIR SPECIAL VERSIONS IN THE HUMANITIES

V. Klochkov
C. Erdyneeva
M. Frolova
S. Klochkov

Summary: The ever-increasing flow of data significantly complicates, and sometimes makes simply and impossible, a holistic vision and an adequate assessment by the subject of phenomena, processes, states in the humanities. Here the most important role belongs to the form of classification of knowledge. Thanks to its optimization, the volumetric characteristics of incoming information are significantly reduced, which greatly facilitates and speeds up the process of cognition of objective reality by the subject. At the same time, procedures for their rationalization and classification are used as special means of formalizing information; due to which narrowly focused knowledge is formed that contributes to the implementation of standard and unified operations to streamline them.

One of the options for the optimal presentation of scientific information is the use of an interdisciplinary approach in the form of polychotomies and its particular versions.

Keywords: polychotomy, dichotomy, methodology, trichotomy, quartotomy, pentotomy, sextotomy, octotomy, division order, particular versions of polychotomy, art criticism, history, cultural studies, literary criticism, pedagogy, psychology, religious studies, sociology, sports, philosophy of science, aesthetics, stages, ethics.

В процессе познания субъектом предельно общих сведений, прежде всего, необходимо их содержание, позволяющая ему самостоятельно ориентироваться в обилии информации и эффективно её использовать.

С другой стороны, всё возрастающий поток данных существенно затрудняет, а иногда делает просто и невозможным, целостное видение и адекватную оценку субъектом явлений, процессов, состояний и т.д., в этом плане важная роль принадлежит как раз *форме предьяв-*

Клочков Владимир Павлович

доктор педагогических наук, профессор, Челябинский
государственный университет;
Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, г. Красноярск
klovprav@mail.ru

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна

доктор педагогических наук, профессор,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток
eridan58@mail.ru

Фролова Марина Инсафовна

кандидат социологических наук, Дальневосточный
федеральный университет, г. Владивосток
frolova.mi@dvfu.ru

Клочков Святослав Владимирович

кандидат физико-математических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
therealarts@mail.ru

Аннотация: Всё возрастающий поток данных существенно затрудняет, а иногда делает просто и невозможным, целостное видение и адекватную оценку субъектом явлений, процессов, состояний в гуманитарных науках. Здесь важная роль принадлежит как раз форме классификации знаний. Благодаря её оптимизации значительно сокращаются объёмные характеристики поступающей информации, что существенно облегчает и ускоряет сам процесс познания субъектом объективной действительности. При этом в качестве специальных средств формализации сведений используются процедуры их рационализации, классификации; благодаря чему образуются *узконаправленные знания*, способствующие выполнению ими стандартных и унифицированных операций по их упорядочению.

Как один из вариантов оптимального представления научных сведений выступает использование междисциплинарного подхода в виде полихотомий и его частных версий.

Ключевые слова: полихотомии, дихотомии, методология, трихотомии, кватотомии, пентотомии, сексотомии, октотомии, порядок членения, частные версии полихотомии, искусствоведение, история, культурология, литературоведение, педагогика, психология, религиоведение, социология, спорт, философия науки, эстетика, этапы, этика.

ления знаний. Благодаря её оптимизации значительно сокращаются объёмные характеристики поступающей информации, что существенно облегчает и ускоряет сам процесс познания субъектом объективной действительности. При этом в качестве специальных средств формализации сведений используются процедуры их рационализации, классификации; благодаря чему образуются *узконаправленные знания*, способствующие выполнению ими стандартных и унифицированных операций по их упорядочению.

Как один из вариантов оптимального представления научных сведений выступает использование междисциплинарного подхода в виде полихотомий и его частных версий [8; 9; 10]. Однако его реализация, при отсутствии научно обоснованной системы рационализации знания, субъективно опосредована несовершенством существующей практики унификации новых сведений.

Во-первых, даже использование полихотомий с любым порядком деления, преимущественно осуществлялось без учёта аналогичных членений в большинстве научных отраслей.

Во-вторых, практическое воплощение множества различных концепций, подходов, моделей, стилей изложения отдельных авторских коллективов заведомо снижает степень идентификации различных разделов науки, что существенно затрудняет педагогический процесс преподавания этих дисциплин. Подобным образом стихийно сформировавшаяся система научного знания ещё далека от совершенства, поэтому необходим анализ и поиск полихотомических средств её упорядочения.

Всё вышесказанное предопределило основную цель данного исследования, которая представляет собой поиск методологически значимых полихотомий и их частных версий в гуманитарных науках.

В своём развитии наука вообще прошла два последовательных дихотомических этапа [11]:

«классический» (от эпохи Возрождения до середины 19 века) –

«постклассический» (с середины 19 века по настоящее время).

К настоящему времени имеется ряд систематизаций по разным основаниям, но в силу значительного количества классификационных признаков здесь ограничимся только формами их распространения. Для иллюстрации дихотомии приведём два блока психики:

«бессознательный – сознательный».

В качестве показательного примера рассмотрим взаимосвязанную дихотомическую и трихотомическую классификацию религиозных конфессий, которая выглядит следующим образом [14]:

1. «Дискретные (раздельные).
 - 1.1. Бахаизм.
 - 1.2. Иудаизм.
 - 1.3. Кришнаизм.
2. Континуальные (непрерывные, сплошные).
 - 2.1. Буддизм.
 - 2.2. Ислам.
 - 2.3. Христианство.

Другой иллюстрацией выступает современная педаго-

гическая техника [15], в которой наиболее «продвинутой» является следующая октотомическая, дихотомически и трихотомически «оппозиционная» классификация её видов:

1. «пространственные – пространственно-временные – временные»,
2. «изобразительные – выразительные»,
3. «визуальные – визуально-акустические – акустические»,
4. «вербальные – невербальные»,
5. «авторские – исполнительские»,
6. «простые – сложные»,
7. «статические – синтетические – динамические»,
8. «индивидуальные – групповые – массовые».

В этике, также имеется достаточное количество упорядочений. Одной из них является систематизация направлений, базирующихся на способе обоснования морали, которая приводится ниже, где применяются взаимосвязанные: дихотомии и трихотомия [7]:

1. «Идеализм.
 - 1.1. Пантеизм.
 - 1.2. Монотеизм.
2. Натурализм.
3. Социальный историзм».

Заслуживает интерес взаимосвязанная дихотомическая и трихотомическая классификация этических течений по источникам обоснования морали [7]:

1. «Монизм.
 - 1.1. Идеализм.
 - 1.2. Натурализм.
2. Дуализм.
 - 2.1. Зороастризм.
 - 2.2. Отдельные направления гностицизма.
 - 2.3. Манихейство.
3. Плюрализм.
 - 3.1. Личностный.
 - 3.2. Универсальный».

Перейдём теперь к рассмотрению трёх мировых религий, вместе с их направлениями [14], которые можно задать двумя дихотомиями и двумя трихотомиями:

1. Буддизм:
 - 1.2. Махаяна (северный).
 - 1.3. Хинаяна (южный).
2. Ислам:
 - 2.1. Суннизм.
 - 2.2. Шиизм.
3. Христианство:
 - 3.1. Католицизм.
 - 3.1. Православие.
 - 3.2. Протестантизм.

При этом современные виды искусства включают в себя трихотомию [2]:

«литература – музыка – кино».

Пространственно-временные эстетические аналоги представляют собой: «театр – танец – цирк».

В последнее время достаточно широкое распространение получило упорядочение видов изучаемых феноменов по их доминантным признакам, в основе которых лежит триада [9; 18]:

«эстетическое – содержательное – пространственно-временное».

На сегодняшний день существуют и множество частных систематизаций разновидностей искусств [17]. Так, классификацию основных родов литературы составляет следующая трихотомия:

«драма – лирика – эпос».

Основными признаками эстетических воззрений священника, поэта, религиозного философа П. Флоренского [5] выступает триада:

«аскетизм – красотолюбие – созерцательность».

Аналогичное членение лежит в основе характеристик эстетических воззрений немецкого философа-иррационалиста 19 века А. Шопенгауэра [A. Schopenhauer] [17]:

«бессознательное – мистическое – фантастическое».

Трихотомия:

«консерватизм – религиозность – романтизм»

являлась основной в определении основных характеристик эстетических воззрений славянофилов [18].

При этом можно выделить в научных исследованиях три последовательных уровня по степени их значимости [1; 11]:

«фундаментальный – прикладной – опытно-конструкционный».

В частной теории российского и американского педагога, культуролога и социолога Питирима Сорокина [P. Sorokin] вся иерархия уровней общественных потребностей представляется им также трихотомически [16]:

1. «Индивидуальные (постоянное воспроизводство личностью своего тела за счёт предметов внешней среды).
2. Материальные (поддержание функционирования общественного производства с целью удовлетворения потребностей личности в пище, одежде, жилье, духовной деятельности).
3. Общественные (отношения между индивидами в процессе их социальной деятельности)».

При этом основными характеристиками современной Западной культуры [4] является триада:

«активность – индивидуализм – рационализм»,

а доминирующими признаками её разновидности – массовой культуры последовательно выступают [5]:

«бездуховность – примитивизм – развлекательность».

Голландским организационным теоретиком и специалистом в области межкультурной коммуникации Альфонсусом Тромпенаарсом [Fons Trompenaars] предложена и разработана трихотомия из современных европейских кластеров культур [12; 13]:

«английский – германский – латино-европейский».

Тройственность имеют формы организации текстов по традиционным индийским наукам [6]:

«видьям – даршана – шастрам».

Высокие порядки членения в виде пентотомии, характерны для классификации методов обучения в интерпретации И.Я. Лернера и М.Н. Скаткина:

1. объяснительно-иллюстративный,
2. репродуктивный,
3. проблемное изложение,
4. частично-поисковый,
5. исследовательский.

Ещё более значительные разновидности членения полихотомий прослеживаются при классификации спортивных дисциплин, отражающих содержание программ Олимпийских игр. Логическим основанием для такого деления является систематизация специфики движений и тренировок, присущих для самых различных видов спорта.

Данное упорядочение содержит следующие виды его разновидностей [14; С. 110-112]:

1. единоборства:
 - 1.2. бокс,
 - 1.3. борьба вольная,
 - 1.4. борьба греко-римская,
 - 1.5. дзюдо,
 - 1.6. тхэквондо,
 - 1.7. фехтование;
2. многоборья и комбинированные виды:
 - 1.1. биатлон,
 - 1.2. легкоатлетические десятиборье и семиборье,
 - 1.3. лыжное двоеборье,
 - 1.4. современное пятиборье,
 - 1.5. триатлон;
3. циклические:
 - 3.1. беговые дисциплины легкой атлетики,
 - 3.2. велосипедный спорт, скоростной,
 - 3.3. гребля академическая,
 - 3.4. гребля на байдарках и каноэ,
 - 3.5. плавание;
4. скоростно-силовые:
 - 4.1. бег на коньках,
 - 4.2. легкоатлетические прыжки и метания,
 - 4.3. лыжные гонки,

- 4.4. прыжки на лыжах с трамплина,
- 4.5. тяжелая атлетика,
- 4.6. шорт-трек;
- 5. *сложно координационные:*
 - 5.1. гребной слалом,
 - 5.2. конный спорт,
 - 5.3. парусный спорт,
 - 5.4. прыжки в воду,
 - 5.5. синхронное плавание,
 - 5.6. спортивная гимнастика,
 - 5.7. стрельба из лука,
 - 5.8. стрельба пулевая,
 - 5.9. стрельба стендовая,
 - 5.10. фигурное катание,
 - 5.11. фристайл,
 - 5.12. художественная гимнастика;
- 6. *спортивные игры:*
 - 6.1. бадминтон,
 - 6.2. баскетбол,
 - 6.3. бейсбол,
 - 6.4. водное поло,
 - 6.5. волейбол,
 - 6.6. гандбол,
 - 6.7. керлинг,

- 6.8. настольный теннис,
- 6.9. пляжный волейбол,
- 6.10. теннис,
- 6.11. футбол,
- 6.12. хоккей на траве,
- 6.13. хоккей с шайбой.

Выше нами зафиксированы самые различные комбинации частных версий полихотомий: с 13-кратным, 12-кратным, септотомийным, секстотомийным, пентотомийным членениями.

Таким образом, нами успешно реализован поиск методологически значимых полихотомий и их частных версий в гуманитарных науках, таких как: искусствоведение, культурология, литературоведение, педагогика, психология, религиоведение, социология, спорт, философия науки, эстетика, этика.

При этом были зафиксированы самые различные комбинации частных версий полихотомий: с 13-кратным, 12-кратным, септотомийным, секстотомийным, пентотомийным, квартотомийным, трихотомийным, дихотомийным членениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарьян, Н.Г. История, философия, методология науки и техники / Н.Г. Багдасарьян, В.Г. Горохов, А.П. Назаретян. - Москва: Юрайт, 2017. - 384 с.
2. Батракова, С.П. Современное искусство и наука / С. П. Батракова. - Москва: БуксМарт, 2018. - 288 с.
4. Гелен, А. Образ человека в свете современной антропологии / А. Гелен // Личность. Культура. Общество. — 2007. — Вып. 3 — (37). — С. 37-51.
5. Егоров, В.К. Философия русской культуры / В.К. Егоров. — Москва: Изд-во РАГС, 2006. — 550 с.
6. Индийская философия: энциклопедия / отв. ред. М.Т. Степанянц; Институт философии РАН. - Москва: Восточная литература, 2009. — 950 с.
7. История этических учений / А.А. Гусейнов [и др.]; под ред. А.А. Гусейнова. - Москва: Трикта; Академический проект, 2015. - 877 с.
8. Клочков, В.П. Использование цифровых технологий в некоторых протестных движениях Германии, США, Франции / В.П. Клочков // В сборнике: Актуальные вопросы научного знания: материалы межрегионального тематического сборника с международным участием / под редакцией В.Г. Дегтяря, В.П. Клочкова, Ф.Ф. Харисова. - Курган, 2020. - С. 84-89.140
9. Клочков, В.П. Социальные сети: монография / В.П. Клочков, Ю.С. Тюнников, К.Г. Эрдынеева [и др.]. - Курган: Курганский государственный университет, 2022. - 184 с.
10. Клочков, В.П. Классификация специальных терминов: полихотомический подход / В.П. Клочков, Т.В. Малькова, С.В. Клочков // Человек и его ценности в современном мире: материалы XII Международной научно-практической конференции; отв. редактор К.Г. Эрдынеева, 2020. - С. 6- 14.
11. Клочков, С.В. Трихотомии в литературе по математической логике, алгебре и теории чисел / С.В. Клочков // Материалы научно-практической конференции с международным участием: Наука XXI века: проблемы, поиски, решения. - Курган: Курганский государственный университет, 2020. - С. 223-230.
12. Мальгина, Н.В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии / Н.В. Мальгина. - Москва: Согласие, 2018. - 240 с.
13. Микешина, Л.А. Проблемы ценностей в социологической науке: эпистемологический анализ / Л.А. Микешина // Социологические исследования. - 2020. - № 12. - С. 44-53.
14. Протеро, С. Восемь религий, которые правят миром. Все об их соперничестве, сходстве и различиях / С. Протеро. - Москва: Эксмо, 2017. - 400 с.
15. Сигидаев, А.С. Цифровизация в сферах физической культуры, спорта и туризма: монография / А.С. Сигидаев, В.П. Клочков, А.Ю. Близневский [и др.]. - Курган: Курганский государственный университет, 2022. - 200 с.
16. Сорокин, П. Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор = The crisis of our age / П. Сорокин. — Москва: ИСПИ РАН, 2009. — 384 с.
17. Шестаков, В.П. История истории искусства / В.П. Шестаков. — Москва: URSS, 2022. - 336 с.
18. Эрдынеева, К.Г. Неинформативные параметры взаимосвязи учебной текстовой совместимости / К.Г. Эрдынеева, М.Ю. Швецов // В сборнике: Актуальные вопросы полихотомического анализа: материалы регионального тематического сборника. - Курган, 2019. - С. 166-171.

© Клочков Владимир Павлович (klovlpav@mail.ru), Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна (eridan58@mail.ru), Фролова Марина Инсафовна (frolova.mi@dvvfu.ru), Клочков Святослав Владимирович (therealarts@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

THE LINGUISTIC TURN
IN RUSSIAN PHILOSOPHY

O. Netrebskaya

Summary: Such cultural phenomenon as the linguistic turn in the philosophy of Russia is considered in the paper. An attempt is made to find out the common features of this phenomenon in the world and domestic philosophy, as well as its specifics in Russia. In this regard, the concepts of some Western thinkers involved in the philosophy of language and similar teachings of Russian philosophers are analyzed. As an example, the concepts of B. Russell, L. Wittgenstein, V. Solovyov, S.N. Bulgakov, P.A. Florensky, etc. are given.

Keywords: philosophy of language, positivism, scientism, hypostasis of concepts, culture, symbolism, naming, semiotics.

Нетребская Ольга Николаевнакандидат философских наук, доцент,
Московский авиационный институт

(национальный исследовательский университет)

netrebskayaon@mai.ru

Аннотация: В работе исследуются, каким образом культурное явление, известное как лингвистический поворот осуществлялось на русской почве. Предпринимается попытка выявить общие черты этого явления в мировой и отечественной философии, а также его специфические характеристики. В этой связи анализируются концепции ряда западных мыслителей, причастных к философии языка и аналогичных учений русских философов. В качестве примера приводятся теории Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Вл. Соловьёва, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и пр.

Ключевые слова: философия языка, позитивизм, сциентизм, гипостазирование понятий, культура, символизм, именование, семиотика.

Как известно, лингвистический поворот – это тенденция, представленная рядом ведущих философских школ и традиций, возникшая в философии приблизительно в 20-е годы прошлого столетия. Благодаря лингвистическому повороту философия языка превратилась в один из главных разделов философии.

Почва для возникновения лингвистического поворота во многом была подготовлена представителями логического позитивизма, а именно английскими учёными и философами Бертраном Расселом (1872-1970), Людвигом Витгенштейном (1889-1951), Джорджем Муром (1873-1958) и др. Витгенштейн обратил внимание на роль языка в различных областях жизни, в том числе в мышлении. По примеру И. Канта, решившего исследовать познавательные способности разума – основного инструмента познания, Витгенштейн пытался определить возможности языка – инструмента выражения мыслей, выразить знания о реальности.

Неопозитивизм, 3-й позитивизм или логический позитивизм появился в 20 веке. Отстаивая позиции сциентизма, неопозитивизм может считаться современной формой позитивизма, поскольку разделяет его идеологические принципы – прежде всего, он отрицает возможности философии в рассмотрении вопросов мироздания и её особую роль в культуре. Третья форма позитивизма – неопозитивизм продолжает его традицию и признаёт в качестве единственно возможного знания только специальное научное знание.

При этом неопозитивизм предложил особый подход к обоснованию фундаментальных концепций и принципов науки. Его основным методом стал анализ языка нау-

ки с использованием математической логики. Инициатором этого подхода стал Б. Рассел, обосновывавший этот метод в своей знаменитой книге «Principia Mathematica». Дальнейшее развитие его взгляды получили в не менее знаменитом «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна. При этом Рассел рассматривал теорию описаний как важное средство логического анализа, различая два типа отношения знаков к обозначаемому объекту – названия и описания. Рассел считал, что различие между именами и описаниями принципиально важно для прояснения логической структуры языка, который не совпадает с его грамматической структурой. Такое отклонение может быть источником многих ошибок, связанных с присвоением статуса имён, обозначающих реальные объекты, значению языковых выражений. Так, согласно Расселу, существуют обозначающие выражения, которые функционируют как названия объектов, но в действительности таких объектов не существует. Такие выражения имеют смысл в некоторых языковых контекстах, но не имеют значения. Например, «Баба Яга» имеет смысл в контексте сказочного фольклора, но ни один из объектов, данных в опыте, не соответствует ему.

Различие между значением и смыслом было предложено известным логиком Г. Фреге. Он изобразил это в виде известной схемы «семантического треугольника»: знак может обладать смыслом, который обнаруживается в его отношениях с другими знаками в лингвистических контекстах, при этом он не обязательно должен иметь значение, т.е. обозначать объект или класс объектов.

Цель логического анализа была определена как прояснение значений терминов и утверждений с использованием математической логики. Используя свой метод,

Рассел пришёл к выводу что метафизические утверждения являются бессмысленными. Эта бессмысленность возникает в результате попыток сказать что-то о самом мире. Но цель философии, уже по утверждению Витгенштейна, состоит не в том, чтобы что-то сказать о мире, а в том, чтобы заниматься логическим прояснением мыслей, логическим анализом языка. Витгенштейн в продолжение идеи Рассела, углубляет тезис позитивизма о том, что философия должна стать позитивной наукой.

На ранних этапах творчества Витгенштейн полагал, что структура языка отражает структуру реальности, язык выступает в качестве «проективного изображения» мира. Так в положении 3.11 своего «Логико-философского трактата» он пишет: «Мы употребляем чувственно воспринимаемые знаки (звуковые или письменные и т.д.) предложения как проекцию возможного положения вещей» [4].

Позднее его взгляды изменились, что нашло отражение в труде «Философские исследования», опубликованном в 1953 году. С точки зрения позднего Витгенштейна значения каждого слова не являются инвариантными обозначениями предметов, языковые выражения являются контекстно-зависимыми: их смысл, а следовательно, и использование меняются в разных ситуациях. Это, по мнению мыслителя, давало основание рассматривать язык как социальную игру.

Витгенштейн своими идеями, изложенными в «Философских исследованиях» и «Логико-философском трактате» оказал существенное влияние на формирование основных программных положений неопозитивизма. Многие из его идей были приняты и развиты представителями «Венского кружка», основанного в 1922 году в Венском университете Морисом Шликом. В нём приняли участие известные философы, логики, математики, физики: Г. Ган, Ф. Франк, О. Нейрат, Р. Мизес, В. Крафт, Р. Карнап, Г. Фейгл, К. Гедель и др. Они обозначили своей целью реформацию всей науки с применением метода логического анализа её языка.

Итак, первоначально программа логического анализа языка, выдвинутая Расселом, предназначалась исключительно для науки и разрабатывалась применительно к языку математики и логики, но направления философии относительно далёкие и напрямую не связанные с философией науки также начали проявлять интерес к различным аспектам филологии. Центральные позиции в этом смысле занимают такие школы как герменевтика, философия жизни, неокантианство, экзистенциализм, франкфуртская школа и др. Крупнейшими представителями этих школ являются: М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, В. фон Гумбольдт, Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, А. Бадью, Ж.-Л. Нанси и др.

В рамках герменевтики предмет гуманитарных наук

трактуются как исследование и интерпретация текста. Ещё более значимую роль отводит тексту Ж. Деррида – разработчик фундаментального положения постмодернистской философии: «Мир как текст». Текст понимается философом как сложноорганизованное многозначное знаковое образование, возникающее «в развертывании и во взаимодействии разнородных семиотических пространств и структур». При этом вырабатывается неисчерпаемая смысловая множественность.

Центральным понятием герменевтики выступает «герменевтический круг» – понятие, введённое Ф. Шлейермахером (1768-1834). У Шлейермахера «герменевтический круг» – принцип понимания текста, основанный на диалектике части и целого: понимание целого складывается из понимания отдельных частей, а для понимания частей необходимо предварительное понимание целого. С этой точки зрения, понимание текста – движение по кругу от целого к части и от части – к целому. У Дильтея в качестве элементов «герменевтического круга» (части и целого) выступают текст и биография его автора. «Герменевтический круг» Хайдеггера означает движение от пред-понимания к пониманию. Ещё более заслуживающей внимания является радикальная онтологическая идея в рамках лингвистической философии, выдвинутая Хайдеггером. Она воплощается в следующих положениях: «Язык – дом бытия»; «Человек – есть человек, – поскольку он отдан в распоряжение языка и пользуется им (языком), для того чтобы говорить на нём» [12]. А это означает, что не мы говорим языком, а язык говорит нами и через нас. В такой трактовке язык перестаёт восприниматься как атрибут человеческого бытия, а сам приобретает характеристики субъекта.

Х.-Г. Гадамер, Э. Кассирер и П. Слотердайк отстаивают идею, что концептуальное понимание языка отходит на второй план и его место занимает символическая трактовка языка.

Итак, лингвистический поворот – понятие, отражающее процесс в развитии современной философии, в ходе которого на первый план выходят проблемы, тесно связанные с языком. Язык при этом приобретает статус центральной онтологической и гносеологической категории. Лингвистический поворот оказал существенное влияние на изучение общества, культуры, истории и, конечно, самого языка.

Лингвистический поворот – это не чисто западное явление. В русской философии приблизительно в начале 20 в. начали появляться отечественные философские школы и концепции языка. Они отталкивались от лингвистики, литературоведения истории и ряда других гуманитарных теорий. Можно вспомнить труды «русских формалистов» таких как Р.О. Якобсон, В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов, В.А. Пяст и др., историко-философские и

литературоведческие труды А.Ф. Лосева, труды по поэзии Андрея Белого, исследования структуры романа М.М. Бахтина, труды по фольклору В.Я. Проппа и др.

М.М. Бахтин ставил в центр языка проблему диалога, предмет которого неотделим от своей функции в событии. В.Я. Пропп вскрывал исторические корни языка фольклора. Для Ю.М. Лотмана язык в первую очередь представляет собой основную знаковую систему.

Если не основоположником философии языка в России, то, по меньшей мере, её провозвестником, предшественником, по праву может считаться создатель русской философии как самостоятельной области знания В.С. Соловьёв. У Соловьёва нет отдельной законченной теории языка, и, в общем, он не напрямую, только косвенно касался этой темы, тем не менее, его вклад в это учение очевиден.

Известно, что основополагающими категориями философии Соловьёва являются категории всеединства и всеединого цельного знания. С этими идеями он и обратился к критике западной философии, в частности позитивизма, выявив односторонность её начал. Эта критика была осуществлена на страницах магистерской диссертации Вл. С. Соловьёва под названием «Кризис западной философии (Против позитивистов)», защищенной 24 ноября 1874 в Петербургском университете. Она публиковалась в журнале «Православное обозрение». Первые же строки работы свидетельствуют о приверженности автора основным мотивам его творчества (всеединство, цельное знание): «В основу этой книги легло то убеждение, что философия в смысле отвлеченного, исключительно теоретического познания окончила свое развитие» [10].

В третьей главе книги Соловьёв указывает на основной недостаток западной философии, заключающийся в «постоянном обособлении и гипостазировании общих логических понятий». Суть этой процедуры здесь же им разъясняется. Она, согласно Соловьёву, заключается в анализе, разложении конкретного единства. При этом «образующие начала сущего» - т.е. категории выделяются, обособляются и сами становятся «сущими как такие, т.е. гипостазированы, им приписывается действительное бытие», которым они, будучи оторванными от целостности конкретного объекта, не обладают. При этом он вносит важное разъяснение: ситуация с гипостазированными понятиями возникает, если «исключительность рассудочного познания не снимается высшим родом мышления» [10]. Под «высшим родом мышления» философ полагает цельное знание. Именно с его помощью можно прийти к «живой идее – истинной форме действительно сущего». Вне этой живой идеи мы имеем лишь гипостазированные элементы реальности, которые отсутствуют в эмпирической действительности, такие как: материальная точка, теплопроводность, цвет и т.д.

Причастность этих взглядов русского философа к лингвистическим проблемам заключается в том, что эти гипостазированные понятия в виде терминов, слов и словосочетаний включены в язык и не только научный и философский, но и обыденный. То есть эти слова употребляются и воспринимаются так, как если бы они обозначали реально существующие т.е. эмпирические объекты. Иначе говоря, отдельные, мысленно отсечённые свойства реальных предметов приобретают в языке равный самим этим предметам статус – объективируются. Это не может не привести к определённым языковым трудностям.

Приблизительно об этом говорили и некоторые западные философы. Так, английские неопозитивисты Дж. Мур и Б. Рассел признавали независимость предмета познания от процесса познания. Они критиковали идеализм немецких классиков, расценивая его как следствие «непрояснённости» языка, на котором излагали свои мысли эти философы.

Придерживаясь единства философских позиций, Мур и Рассел, тем не менее, создали различные направления аналитической философии: первый развивал философию лингвистического анализа, тогда как последний - философию логического анализа. По мнению Мура, язык фиксирует вещи, о которых люди знают безусловно, хотя не всегда в состоянии их логически доказать.

Рассел признавал существование только единичных вещей, указав на то, что в философском языке присутствует огромное число слов и терминов, описывающих не единичные вещи. Подвергнув их логическому анализу, Рассел показывает, что язык вводит в заблуждение: называет некие абстрактные сущности и заставляет нас верить в их реальное существование.

В свою очередь Витгенштейн создал логико-философскую концепцию, исследующую глубинные связи философских проблем с языковыми структурами. С её помощью, полагал он, мышление справится с так называемыми ловушками, возникающими в языке и запутывающими мысль.

Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: критикуя западных позитивистов, Соловьёв выказывает сходство во взглядах с рядом представителей позднего позитивизма.

С.Н. Булгаков и П.А. Флоренский - последователи Соловьёва продолжили развивать его основные философские темы: всеединства, цельного знания, Софии, богочеловечества. При этом они стали создателями собственных стройных и законченных филологических концепций.

С.Н. Булгаков, подробно рассмотрел проблему языка

в работе «Философия имени» (1920). Он отталкивался от категории смысла, анализируя его в тесной взаимосвязи со словом. Опираясь на античную идею Логоса, Булгаков рассматривал его сущность не только как «принцип самоорганизации бытия», но и как совокупность слов - смыслов, выражающих «многообразие и качественную определенность бытия» [6].

История создания «Философии имени» восходит к спорам об имени Божиим, которые велись в афонских монастырях. Эти споры, по сути, представляли собой продолжение знаменитого средневекового спора об универсалиях, истоком которого в свою очередь было античное учение об идеях. Так одна сторона – «имяславцы», в богословской формуле «в Имени Божиим присутствует сам Бог», утверждала наличие тождества имени и его носителя.

В их число и входил С.Н. Булгаков, а вместе с ним, близкий ему по духу и философским воззрениям П.А. Флоренский.

Их оппоненты настаивали на том, что имя есть просто обозначающее слово, «необходимый для нашего ума условный знак» [2].

Мировоззренческой платформой философствования Булгакова являлась платоническая софиология. В этом контексте не стало исключением и его лингвистическое учение. Первым делом Булгаков определяет онтологическую сущность слова, выявляя его звуковое выражение - «тело» по выражению стоиков. Каждое слово, согласно Булгакову, имеет форму, принадлежащую природному, материальному миру – это его звуковое «тело» или «реально осуществляемое, т.е. произносимое, или только предносящееся в идеальном образе».

В качестве простейших образований, составляющих «тело» слова, то есть его формы, Булгаков определил буквы и звуки. Буква для него - выражение силы природы, первоначальная ее краска, качество алогического. «Буква, - писал Булгаков, - есть та первоматерия, в которой и из которой образует себе тело слово».

Однако главное, что делает слово словом, по глубоко-му убеждению Булгакова это смысл: слово не существует без смысла. Смысл, вложенный в звук, сращенный с его формой, и есть слово, его тайна: «нет слов бессмысленных, слово есть смысл» [3]. Ещё одним важным моментом в концепции языка Булгакова была его уверенность в том, что человеческое познание совершается в слове и через слово. Вторя В. Гумбольдту, провозгласившему тезис о единстве речи и мышления, Булгаков настаивает: «мысль неотделима от слова».

Для Булгакова всякое слово означало идею, как пра-

вило, полную онтологического содержания. Смысл слова как его идея, писал он, в её непосредственности, безотносительности. Слово-смысл, в понимании Булгакова, содержит в себе идею, существующую до его логического употребления или психологического переживания. «Слова рождаются, а не изобретаются, они возникают ранее того или иного употребления» - писал он.

В итоге Булгаков приходит к заключению в духе платонизма, а также современного ему символизма: слова – это первоэлементы мысли и речи, выражающие простое и неразложимое качество бытия. Исходя, с одной стороны из положений Платона в трактовке Логоса, с другой из умонастроений символизма, Булгаков показал двойственную природу слова, а именно «нераздельность и неслиянность в нём смысла и формы, идеи и тела» [3].

Вместе с тем, в истории мировой философии существуют иные, вплоть до противоположных, взгляды по проблеме соотношения мышления и языка. Так, русский филолог и культуролог XIX века А.А. Потебня придерживался того мнения, что язык, «есть нечто самостоятельное по отношению к умственной деятельности». В этом его поддерживал один из ведущих деятелей русского символизма Андрей Белый, считавший, что «область языка не совпадает с областью мысли» как утверждал Гумбольдт [1].

Известный французский философ-постмодернист Ж. Делёз обосновывал идею, согласно которой, смысл не является абсолютным, а порождается событиями. Вместе с тем, как и Булгаков, Делёз придаёт особое значение выразительной функции языка, полагая, что, присутствуя в вещах, смысл выражается предложением. Внутри предложения Делёз выделяет различные отношения: денотацию (обозначение) или индикацию (указание); манифестацию; сигнификацию и, наконец, смысл. Смысл, по Делёзу, – это четвёртое отношение предложения.

Булгаков также отводил предложению особую роль. Оценивая суждение или простое предложение как осуществление именованья, Булгаков показал, что каждое имя существительное это скрытое экзистенциальное суждение, «когда к ноумену через указующий местоименный жест «это» и бытийственную связку «есть» прикрепляется символическое имя-слово» [9]. Согласно Булгакову, «звучание» слова, то есть именованье метафизически означает «акт сотворения вещи» - её «самоявления из тёмной, дословесной глубины бытия на свет мыслимости, ясной определённости» [5].

В дальнейшем, опираясь на выявленную им же связь метафизики и языка, Булгаков увидел в элементарном предложении-суждении не только универсальную гносеологическую, а также и онтологическую структуру - «схему сущего». Но и на этом мыслитель не остановился

и, сделав акцент на триедином строении предложения-суждения (подлежащее, предикат, глагол-связка), выдвинул смелую гипотезу, что оно повторяет первообраз - Божественную Троицу. Мысль Булгакова, таким образом, двигалась от гносеологии к онтологии и метафизике и далее к богословию. А свою философскую задачу он решал, привлекая указанные направления, а также различные разделы лингвистики [8].

В осмыслении природы слова Булгаков обращается к символизму, считая, что «слова суть символы». Под символом Булгаков понимал сращение «идеального и реального (материального), феноменального, космического и элементарного». С рождением слова он связывал символизацию смысла.

Философские искания Булгакова в области языка продолжали традиции платонизма и развивали представления об онтологическом характере слова. Считая слова первоэлементами мысли и речи, Булгаков подчёркивал «присущую им силу реализовать смысл, пробуждать идею в человеческом сознании» [3], то есть, причастность слов сознанию человека, их присутствия в нём.

Вместе с тем Булгаков отвергает учение о чисто психологическом происхождении языка. Считая слово объективным по своей сути, философ показывает, что оно творится не столько человеком, сколько в нём и через него самим бытием. Сущность языка Булгаков видел в том, что он является языком самих вещей в их «самоидентификации». (Подобная позиция Булгакова не может не напомнить о знаменитом высказывании М. Хайдегера «Язык – дом бытия»). В соответствии с такой точкой зрения Булгаков разъяснял ветхозаветный рассказ кн. Бытия о том, как Бог привёл Адаму всех животных, чтобы видеть, как он назовёт их (Быт. II, 19), то есть, «как они сами назовут себя, ибо он как человек, как микрокосм бытийно всех их имел в себе; как носитель божественного Логоса, как образ Божий» [3].

Согласно мысли Булгакова, язык неотделим от мышления, но в той же степени принадлежит мировому бытию, то есть является онтологическим первоэлементом. Этим мыслитель открывает новую сторону языка - его антропокосмическую сущность и способность стать каналом проникновения в недоступный по Канту мир ноуменов.

Актом именованья, выражающимся в связке есть, согласно Булгакову, «разрушается гордиев узел кантианства, преодолевается злоумышление против Божьего мира - попытка сделать ноумен глухим и слепым, а феномен - пустым, мёртвым и призрачным». Таким образом, Булгаков обнаружил путь выхода из трагедии кантовского феноменализма внутри философии слова, посредством «практической гносеологии», то есть, грамматики языка.

Свою лингвистическую концепцию Флоренский развивает в «конкретной метафизике». Суть последней состоит в том, что смыслы в обязательном порядке должны быть воплощёнными, явленными. Ноумен всегда выражен в чувственном. Ноумен и феномен всегда «доставляют точное выражение друг для друга, соединяясь в неразрывное двуединство» [3] - символ. Как и Булгаков, да и многие другие русские философы Серебряного века Флоренский демонстрирует причастность своего творчества к такому культурному явлению конца XIX – нач. XX вв. как символизм.

Флоренский поддерживал Булгакова и в отношении понимания двойственной природы слова. Материальную составляющую слова он называл «индивидуально отвлечённым от прочей природы звуковым процессом», движущимся в пространстве и несущим нематериальную составляющую - свой смысл [11]. При этом Флоренский связывал смысл с магическим воздействием слова.

По мнению выдающегося исследователя философии языка А.Ф. Лосева, наименовать вещь означало, в первую очередь, отличить и выделить её из сплошной, неразделённой, хаотической массы. «Имя - отличие, своеобразие, самостоятельное качество. Имя - лик. Имя – смысл» [7].

В имени, согласно Лосеву, бытие впервые опознано и навеки утверждено. Развивая эту идею, он пришёл к пониманию имени вещи как орудия «общения с вещью, которое приводит к пониманию вещи». Имя вещи - это *понимание* её существенного и индивидуально-живого смысла.

Перечисленные русские философы, далеко не исчерпывают список тех, кто внёс вклад в философию языка. Можно отметить такое довольно позднее явление советской культурной жизни (1960 - 1980гг.) как отечественную семиотическую школу, получившую название московско-тартуской, так как в первую очередь объединяла учёных университетов Тарту и Москвы. В неё входили Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, З. Г. Минц, М. Л. Гаспаров и др. Учёные этого направления в первую очередь исходили из рассмотрения различных областей культурной и социальной жизни как семиотических систем или систем знаков. При этом язык, является «первичной моделирующей» системой, поскольку он структурирован и семантически обусловлен, в то время как литературный текст, историческое или художественное произведение и т.д. считается «вторичной моделирующей» знаковой системой.

Итак, лингвистический поворот как явление европейской философии имел место не только на Западе. Он проявил себя и в отечественной философии, равно как и в русской культуре в целом, полнотой и разнообразием многочисленных филологических учений. Во многом он был созвучен соответствующим западным концепциям, но также имел и свои особенности, свою самобытность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрей Белый. Мысль и язык. (Философия языка А.А. Потебни) // Логос. 1910. №2.- 245 с.
2. Архиепископ Никон. Имебожники. Сергиева Лавра. 1914. – 138 с.
3. Булгаков С.Н. Философия имени // Булгаков С.Н. Первообраз и образ. Т.2. СПб. 1999 - 448 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. Сер. «Памятники философской мысли». – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. - 288 с.
5. Евлампиев И.И. История русской философии. СПб. 2000 – 828 с.
6. Кессиди Ф. От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб., 2003. – 290 с.
7. Лосев А.Ф. Вещь и имя // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., «Мысль». 1993. – 958 с.
8. Нетребская О.Н. Булгаков о трагедии философии. Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук. М. 2008. – 163 с.
9. Роднянская И.Б. Схватка С.Н. Булгакова с И. Кантом на страницах «Философии имени» // Булгаков С.Н. Первообраз и образ. Т.2. 1999 -СПб – 448 с.
10. Соловьев В.С. Кризис западной философии (Против позитивистов) // Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2 М., «Мысль», 1990 – 824 с.
11. Флоренский П.А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Сочинения в 2-х т. Т.2. М., 1990. – 684 с.
12. Хайдеггер М. Путь к языку // Время и бытие. М., 1993 – 447 с.

© Нетребская Ольга Николаевна (netrebskayaon@mai.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)

О ПРЕДПОСЫЛКАХ К ПОДМЕНЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СПОСОБАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭТОМУ

Самойлов Дмитрий Иванович

сотрудник, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Москва.
dmitriy.samoylov@bk.ru

ABOUT THE PREREQUISITES TO THE SUBSTITUTION OF TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES AND WAYS TO COUNTER THIS

D. Samoylov

Summary: As a result of a partial substitution of moral principles in the minds of a significant part of Russian citizens, there was a loss of fundamental life guidelines. Thus, the current state of the family institution in the Russian Federation is assessed by experts as unsatisfactory, in connection with this, more and more representatives of society are losing the basis for preserving traditional spiritual and moral values. Some people have chosen for themselves the path of achieving exclusively material benefits, while others have «gone» to endless spiritual quests. The situation in Russia and in the world is assessed as requiring the adoption of urgent measures to protect these principles. This explains the relevance of this article.

The paper analyzes the causes of current challenges in this area, gives reasoning about the components of the human personality, which are the basis for the manifestation of moral values, notes the importance of the family institution, formulates ideas about the current role of religious institutions in the lives of citizens, studied the legal acts of the Russian Federation in this subject area, additions and clarifications of individual concepts are given, the inextricable connection of some moral values with others is noted, recommendations are given for their implementation in the life of society, and proposals are formulated for the protection of traditional spiritual and moral values and their strengthening in Russian society.

Keywords: meaning of life, justice, responsibility, decency, Russia, parents, spiritual and moral values, religion.

Аннотация: В результате частичной подмены моральных принципов в сознании значительной части граждан России произошла утрата основополагающих жизненных ориентиров. Так, текущее положение института семьи в Российской Федерации оценивается экспертами как неудовлетворительное, в связи с этим всё больше представителей общества теряют основу для сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей. Одни люди избрали для себя путь достижения исключительно материальных благ, другие «ушли» в бесконечные духовные поиски. Ситуация в России и в мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите обозначенных принципов. Этим объясняется актуальность данной статьи.

В работе проанализированы причины текущих вызовов в указанной сфере, приведены рассуждения о составляющих человеческой личности, которые являются основой для проявления нравственных ценностей, отмечена значимость института семьи, сформулированы представления о текущей роли религиозных учреждений в жизни граждан, изучены нормативно-правовые акты Российской Федерации в данной предметной области, приведены дополнения и разъяснения отдельных понятий, отмечена неразрывная связь одних моральных ценностей с другими, даны рекомендации по их реализации в жизни общества, а также сформулированы предложения по защите традиционных духовно-нравственных ценностей и их укреплению в российском обществе.

Ключевые слова: смысл жизни, справедливость, ответственность, порядочность, Россия, родители, духовно-нравственные ценности, религия.

Человек приходит в эту жизнь с чистой душой, наиболее полно чувствующей изначально любовь и справедливость. При этом в большинстве случаев их проявление начинается с семьи, в которой родился будущий гражданин. Для него не существует каких-либо сомнений в том, что его мать и отец являются главными «проводниками» в этот мир, который ощущается прежде всего через родительские эмоции. Так, в идеальной ситуации, «первые учителя» закладывают будущей личности умения быть лидером, работать в команде, проявлять свой творческий потенциал, преодолевать трудности, а также развивают широту кругозора, учат гармонии человеческих отношений, тренируют эмоциональный ин-

теллект, вырабатывают справедливость и порядочность, прорабатывают умственные способности, что в конечном итоге позволяет сформировать личностную основу для воспитания традиционных духовно-нравственных ценностей.

В условиях соприкосновения с различными проявлениями внешней среды происходит испытание «на прочность» каждого из перечисленных «элементов» личности. При этом отдельные составляющие либо укрепляются, либо дополняются. Вследствие этого осуществляется не только проработка «внутреннего стержня», но и его проецирование на других людей, что побуждает

их к взаимному обмену имеющимися навыками.

С учётом того, что текущее положение института семьи в Российской Федерации оценивается экспертами как неудовлетворительное. Например, по данным Росстата в 2021 году зарегистрировано 923550 браков и 644209 разводов [4]. При пересчёте этих данных в относительном выражении, можно сделать вывод о том, что в нашей стране распадается 69 % из вновь создаваемых семей. В связи с этим всё больше представителей общества теряют основу для сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей.

Встречая непреодолимые трудности в виде ответных ударов судьбы за свои ошибочные действия, часть людей задумывается над причинами сложившейся ситуации, а также над тем, что из себя представляет человеческое естество и каковы его традиционные моральные основы. В связи с этим граждане, в первую очередь, обращаются за подобной информацией религиозные учреждения, в сферу ответственности которых негласно включена функция воспитания.

На этапе формирования основных духовных «течений», среди которых в России наиболее распространены буддизм, ислам, иудаизм и православие [5], обществом использовался определённый набор стратегий поведения, что позволяло «неподготовленному» человеку избежать ряд негативных ситуаций в жизни и параллельно с этим совершенствовать свою внутреннюю психологическую основу. Но ввиду того, что в канонах двух различных религий порой затрагиваются разные стороны межлических отношений в российском обществе наблюдаются многочисленные разночтения отдельных «постулатов».

В связи с этим некоторые люди инициируют собственный «поиск жизненных истин», и, в случае их формулировки, в «умах», семьях и сообществах не только укрепляются «смысловые каноны», но и создаются целые «ответвления» от существующих основных вероисповеданий, что в ряде случаев может приводить к проявлениям экстремизма, а также деструктивно направленным информационно-психологическим проявлениям.

С учётом того, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия) [1], «ситуация в России и в мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей», необходимо не только выработать их объективный общероссийский перечень, но раскрыть их основное содержание.

В 2022 году такая попытка уже была осуществлена органами государственной власти, в результате которой

был издан Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ) [2]. Вместе с тем изложению указанных понятий в документе посвящён лишь один абзац, что не позволяет рядовому обывателю осознать суть приведённых понятий и требует их объективного толкования в целях избежания разночтений.

По мнению специалистов, такая ситуация может быть использована недружественными государствами для «насаждения» выгодной им трактовки моральных принципов с их последующим распространением в российском обществе. Так, согласно упомянутой выше Стратегии, «в отношении народов России осуществляется деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации, действия Соединённых Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций» [1]. В целях противодействия таким деструктивным проявлениям целесообразно принять комплекс мер, в том числе закрепить на общегосударственном уровне конкретное содержание основных жизненных устоев народов России.

Как представляется, в соответствующих нормативно-правовых документах нужно закрепить термин «высокие нравственные идеалы». Это понятие имеет неограниченное количество вариаций, что не только формирует основу для разночтений, но и создаёт «почву» для подмены понятий. В связи с этим целесообразно раскрыть объективное содержание основных «высоких нравственных идеалов» с последующим нормативно-правовым закреплением. В связи с тем, что «законодатель» предусмотрел нецелесообразным выделять отдельные термины, предлагается изложить их в формулировке «высокие нравственные идеалы, в том числе...» и далее пояснить каждое из них.

Так, главной традиционной духовно-нравственной ценностью народов России является понимание смысла жизни, который заключается в творческом проявлении любви и справедливости в жизни, «осуществлении правды и бескорыстном стремлении к божественному в этом мире» [3], а также труде над своим естеством в целях эволюции тела, ума и души.

Другим значимым понятием, которое целесообразно закрепить среди «высоких нравственных идеалов», является ответственность – прямая зависимость человека от последствий, наступивших в результате совершённых им поступков и принятых решений.

Кроме того, представляется приоритетным отметить

такое качество настоящего гражданина Российской Федерации как порядочность – свойство личности, характеризующегося твёрдым намерением не наносить кому-либо скрытый моральный либо материальный ущерб вне зависимости от того, будет ли спрос за эти действия со стороны других людей или нет.

Отдельной уязвимостью, содержащейся в обозначенном выше основополагающем документе, является понятие справедливости. В отсутствие её объективной характеристики представители общества понимают этот термин по-разному, что в ряде случаев приводит «беспорядку в головах», к необоснованным конфликтам и, как следствие, противоправной деятельности. В связи с этим предлагается закрепить следующее содержание этой значимой традиционной духовно-нравственной ценности.

Справедливость – воздаяние за злонамеренное деяние, приведшее к возникновению ущерба, в том числе в результате искажений правды, а также благодарность, соизмеримая с трудозатратами и значимостью достигнутых результатов. Необходимо отметить, что справедливость следует проявлять в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Как представляется, другие обозначенные в Указе духовно-нравственные ценности (“жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России”) сформулированы доступно и не вызывают крайних противоречий в их понимании.

Вместе с тем целесообразно отметить неразрывную связь одних моральных ценностей с другими. Например, справедливость без милосердия становится тира-

нией. Коллективизм без крепкой семьи является основой для антигуманизма. Жизнь без её смысла – поводом для деградации личности.

Дополнительно стоит обратить внимание на то, что традиционные моральные понятия признаются такими лишь тогда, когда они находят своё отражение в жизни: в политике, экономике, а также транслируются в средствах массовой информации. В связи с этим «пустое» изложение обозначенных терминов в нормативно-правовых документах не приведёт к конкретным результатам. По мнению специалистов, защита духовно-нравственных ценностей в российском обществе, в том числе путём подачи «личного примера», должна осуществляться, в первую очередь, представителями органов государственной власти.

На основании изложенного представляется целесообразным принять на общегосударственном уровне комплекс мер, в том числе:

- внести соответствующие поправки, включая формулировку конкретных «высоких нравственных идеалов», в государственные нормативно-правовые документы;
- создать объективную цензуру в средствах массовой информации в целях того, чтобы российские граждане получали благонадёжный медийный контент, основывающийся на традиционных духовно-нравственных ценностях;
- распространять соответствующие сведения в российских образовательных учреждениях, включая средние и высшие учебные заведения;
- организовать взаимодействие религиозных организаций в целях концентрации внимания их сторонников на традиционных духовно-нравственных ценностях;
- разработать единый кодекс этики и служебного поведения для всех государственных бюджетных учреждений, а также установить ответственность за его нарушение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
3. Н. Бердяев «О назначении человека», изд. «Современные записки». YMCA-PRESS. г. Париж, Франция, 1931 г. гл. 3, ч.2, с. 135 – 164.
4. Портал Федеральной службы государственной статистики. Показатели демографии. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.
5. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8

© Самойлов Дмитрий Иванович (dmitriy.samoylov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СВОЕОБРАЗИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ СУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

Смирнов Сергей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Елабужский институт
sunstability@yandex.ru

UNIQUE INTERPRETATION OF ENVIRONMENTAL ASPECTS OF HUMAN SUBJECTIVITY IN THE HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT

S. Smirnov

Summary: The present study examines the peculiarities of interpretation of the ecological aspects of human subjectness in the historical and philosophical context. The definition of subjectivity is given, the expediency of understanding the ecological aspect of subjectivity as a way of man's attitude and perception of the natural world, understanding his place in it is emphasized; characterizes the features of the essential transformation of subjectness at certain stages of the development of society. As a result of the study, it is concluded that the subjectivity of a modern person, who considers the natural world through the prism of the natural conformity of anthropogenic activity, is a prerequisite for the transition of mankind from a strategy of confrontation to the implementation of the practice of cooperation, cooperation with nature.

Keywords: subjectness, man, natural world, nature, worldview.

Аннотация: В представленном исследовании рассматриваются особенности интерпретации экологических аспектов субъектности человека в историко-философском контексте. Дается определение субъектности, подчеркивается целесообразность осмысления экологического аспекта субъектности как способа отношения и восприятия человеком естественного мира, понимания своего места в нем; характеризуются особенности сущностной трансформации субъектности на отдельных этапах развития общества. В результате исследования делается вывод о том, что субъектность современного человека, рассматривающего естественный мир через призму природосообразности антропогенной деятельности, является предпосылкой перехода человечества от стратегии конфронтации к реализации практики сотрудничества, кооперации с природой.

Ключевые слова: субъектность, человек, естественный мир, природа, мировоззрение.

Введение

Проблема субъектности всегда имела большое значение в отечественной и мировой философии. Начиная с Сократа, данную проблему в той или иной степени затрагивали представители всех направлений философской мысли. В том числе: экзистенциализма (А. Камю), философской антропологии (М. Геллер), философии жизни (А. Шопенгауэр), религиозной философии (В. Соловьев) и т.д.

В работах мыслителей, представителей данных направлений, субъектность человека рассматривается: как инстинктивное стремление выжить в неразумном и опасном мире; как процесс творения социального бытия; как способность к реализации волевых качеств и жизненной силы; как стремление к воплощению в сознании и душе божественной воли.

В настоящее время, под субъектностью принято понимать «свойство личности, которое раскрывает сущность человеческого способа бытия, заключающегося в осознанном и деятельном отношении к миру и себе в нем, способности производить взаимообусловленные

изменения в мире и человеке» [1, с. 140]. Это способность рефлексировать, воспринимать себя и окружающий мир в соответствии с особенностями своего личностного «Я», являющейся, в свою очередь, отражением мировоззренческого дискурса определенной исторической эпохи.

В условиях актуализации социоприродной проблематики, особое значение приобретает необходимость осмысления экологических аспектов субъектности как особой формы восприятия и отношения индивида к естественному миру.

Выявление особенностей интерпретации экологических аспектов субъектности в историко-философском контексте, понимание истоков ее сущностных трансформаций, является предпосылкой для формирования формы миропонимания и мироотношения, связанной с представлениями о человеке как существе, осознающем ценность окружающего мира, способного экологически ответственно подходить к сбережению природных благ, к сохранению естественной среды. «Субъектность человека, – отмечает Е.А. Куштым, – открывает ему социально-культурную инстанцию, задающую мировоззренческий угол одновременного восприятия и понимания» [2,

с. 85]. Она дает человеку возможность «переживать бытие, быть переживающим, быть преобразователем предписанных традиций в живое дарование смысла своей жизни» [3, с. 214].

Экологические аспекты субъектности человека (историко-философский контекст)

Представления о человеке как разумном существе способном к познанию и преобразованию естественно-го мира начинают формироваться в Античности. В этот период человек воспринимает себя как малую часть Универсального, разумного и гармоничного Космоса, воплощающего в себе всё сущее. Его субъектность имеет объективированный и диалектический характер. Объективированность, связана с представлениями о мировоззрении, как комплексе взглядов и оценок, формируемых посредством, а не благодаря, индивидуальному сознанию. Диалектичность – с персонифицированностью и синкретизированностью сознания античного человека с одной стороны, представляющего собой синтагму индивидуальных разума, чувств и воли, с другой – являющегося подобием Космоса.

Подобные взгляды на окружающий мир и самого себя, не позволяли человеку противопоставлять себя природе, являющейся творением Космоса, формировало представления о всеобщей тождественности. «Ты всегда должен мыслить мир, – пишет Марк Аврелий, – как единое существо, с единой сущностью и единой душой. Подумай о том, как все сводится к его же единому ощущению, как создает он все единым стремлением, как все содействует возникновению всего, какая во всем связь и соответствие» [4, с. 44].

Человек, обладающий подобным мировоззрением, не стремился изменить мир, нарушив, тем самым, установленный Космосом естественный порядок. Его цель – понять, как этот мир устроен, рационально объяснить процессы, которые в нем происходят, дабы к этому миру приспособиться. Тождество разумного (человека) и естественного (Космоса), формировало субъектность человека как основанную на представлениях о единстве всего существующего.

В Средние века, представления о субъектности человека претерпевают коренные изменения. Религиозная философия разделила античный Космос на два противостоящих друг другу мира: мир вещный и мир духовный. Единство Космоса и человека сменилась противопоставлением мира творящего (Бога) и мира творимого (природы). Последний, в силу своей вторичности, стал восприниматься как мир несовершенный, неподлинный. «Вот земля и небо, – пишет А. Августин, – они кричат о том, что они созданы; ибо они меняются и облик их различен... Кричат они также, что не сами себя они

создали: «Мы существуем, потому, что мы созданы: нас ведь не было, пока мы не появились; и мы не могли возникнуть сами собой» [5, с. 285].

Наличие разумной души как качества, дарованного Богом, дало основание человеку рассматривать вещную природу как объект подчинения, как способ реализации власти над окружающим.

Приметой Нового времени стал процесс секуляризации церкви. Одной из причин этому стало мощное развитие естественных наук, становление опытного знания. Открытие законов природы позволило человеку осознать свое могущество, превратив Бога из создателя и правителя в пассивного наблюдателя. Формируется антропоцентризм – мировоззренческая позиция, рассматривающая человека как венец мироздания, средоточие Вселенной и цель всех происходящих в ней событий. А если Бога нет, то, отмечал Ф.М. Достоевский, – все дозволено. Человек сам определяет меру нужности и полезности вещей, царствует и управляет, использует природу по своему личному уразумению. «Природа, – пишет Ж. Бюффон, – есть внешний трон величия божьего; человек, созерцающий ее, постепенно поднимается на внутренний трон всемогущества. Созданный, чтобы обожать творца, он командует всеми креатурами; вассал небес, король земли, он ее облагораживает, ее населяет и обогащает, он устанавливает порядок между живыми существами, субординацию, гармонию...» [6, с. 44].

В сознании человека, осознавшего свое величие, природа утрачивает свою ценность, превращается в объект утилитарного воздействия, в источник ресурсов, необходимых для удовлетворения материальных благ.

Вторая половина XIX века ознаменовалась мощным подъемом производительных сил, началом Промышленной революции.

Издержками этой революции стало постепенное ухудшение качества окружающей среды, вызвавшее очередную трансформацию субъектности человека. Начиная со второй половины XX века, в общественном сознании начинают формироваться представления об объективной ценности естественного мира, о необходимости сбережения природы, рационального использования ее богатств.

Результатом эволюции данных представлений стало формирование экологических учений и концепций, таких как русский космизм (Н.Ф. Федоров), концепция коэволюции человека (общества) и природы (Н.Н. Моисеев), учение о ноосфере (В.И. Вернадский), глубинная экология (А. Нэсс), этика Земли (О. Леопольд) и других. В перечисленных учениях и концепциях человек рассматривается как существо, единое с природой и Кос-

мосом, способное к развитию в гармонии с естественным миром, обладающее технологиями рационального управления природой, трепетно относящееся ко всему живому, ощущающее свою причастность к эволюции Вселенной.

Субъектность современного человека, осознающего грандиозность и необходимость решения экологических проблем, отображает естественный мир через призму природосообразности антропогенной деятельности. Последняя, подчинена императиву сохранения качества окружающей среды; основана на осознании глубокой ответственности за судьбы планеты. Человек, – пишет А. Швейцер, – если к этому его не побуждает неизбежность, «не ломает ледяных кристаллов, сверкающих на Солнце, не рвет листьев с деревьев, цветов и старается не наступать на насекомых» [7, с.14]. Жизнь для него настолько свята, насколько ценно собственное существование.

В условиях актуализации экологических вызовов, формирование представлений о субъектности человека как совокупности ментальных качеств, связанных с бережным отношением к естественному миру, является необходимым условием перехода общества к стратегии сотрудничества, кооперации с ним. Устойчивое развитие человечества в гармонии с окружающей средой станет возможным только тогда, когда человек осознает

объективную ценность естественного мира, сформирует внутреннюю потребность к сохранению и приумножению природных благ.

Заключение

Анализируя своеобразие интерпретации экологических аспектов субъектности человека в историко-философском контексте, можно, таким образом, сделать следующие выводы:

1. Субъектность античного человека основана на представлениях об его единстве с Космосом, тождественности разумной, живой и неорганической природы.
2. В Средние века природа воспринимается как вторичный, неподлинный мир, объект подчинения со стороны человека призванного властвовать над окружающим.
3. В Новое время, человек хозяин и господин природы. Последняя, превращается в объект утилитарного воздействия.
4. Возникновение и усугубление экологической проблематики во второй половине XX века приводит к осознанию причастности человека к эволюции Вселенной, к признанию объективной ценности природы, к формированию потребности ее сохранять и приумножать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенникова Е.В. Субъектность личности: теоретические аспекты проблемы // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. № 6 (134). С. 140-142.
2. Куштым. Е.А. Субъектность человека в очертаниях мифа // Искусствознание: теория, история, практика. 2016. № 3 (17). С. 81-90.
3. Ниязбаева Н.Н. Субъектность человека как возможность самоосуществления // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 5А. С. 211-218
4. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 192 с.
5. Августин Аврелий. Исповедь. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 400 с.
6. Канаев И.И. Жорж Луи Леклер де Бюффон 1707-1788. Москва – Ленинград: Изд-во «Наука», 1966. 266 с.
7. Нэш Р. Права природы. История экологической этики. – Киев: Киевский эколого-культурный центр. Сер. История охраны природы. Вып. 26, 2001. 180 с.

© Смирнов Сергей Владимирович (sunstability@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОСТСОВЕТСКИЙ ПРОТЕСТАНТИЗМ В РОССИИ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Ястржембский Сергей Владимирович

Ректор, Религиозная организация - духовная
образовательная организация высшего образования
Московский теологический институт христиан
веры евангельской
mail@hve.ru

POST-SOVIET PROTESTANTISM IN RUSSIA IN THE WORKS OF RUSSIAN RESEARCHERS

S. Yastrzhembsky

Summary: The author considers the phenomenon of «post-Soviet Protestantism» as an integral part of religious life in Russia. The article discusses the results of research by Russian scientists dealing with the problem of the spread of Protestantism in Russia in the post-Soviet period. Based on the analysis of scientific articles, the concept of «Protestantism» is clarified, the stages and directions of development of Russian Protestantism are characterized, and an assessment of the role of Protestantism in modern Russian society is presented.

It is proposed to consider Protestantism as a religious trend that professes the Nicene Creed, adheres to the five principles of reform theology, carries out socially useful activities, promotes and observes traditional moral and ethical values. The genesis of Protestantism in Russia covers five periods: Period 1: 1860–1870s. (the beginning of the spread of Baptism in the south of Russia); 2nd period: 1905–1917 (spread of Protestantism in all regions of Russia in legal forms); 3rd period: 1918–1929 (Protestants enjoyed a relatively privileged position); 4 period: 1940s–1980s (persecution, illegal or semi-legal existence of Protestant communities); 5 period: the end of the 90s. 20th century (Distribution and growth of Protestant communities in the post-Soviet period). Modern Protestant churches are actively engaged in social service, charitable activities among social risk groups and the poor. The contribution of the Protestant Church to the preservation and revival of spiritual and moral values, especially family ones, becomes significant.

Keywords: Russia, Russian society, post-Soviet Protestantism, Evangelical Christians.

Аннотация: Автор рассматривает феномен «постсоветский протестантизм» как неотъемлемую часть религиозной жизни в России. В статье обсуждаются результаты исследований российских ученых, занимающихся проблемой распространения протестантизма в России в постсоветский период. На основе анализа научных статей уточняется понятие «протестантизм», охарактеризованы этапы и направления развития российского протестантизма, представлена оценка роли протестантизма в современном российском обществе. Предложено рассматривать протестантизм как религиозное направление, исповедующее Никейский символ веры, придерживающееся пяти принципов реформаторского богословия, осуществляющее социально-полезную деятельность, пропагандирующее и соблюдающее традиционные нравственно-этические ценности. Генезис протестантизма в России охватывает пять периодов: 1 период: 1860–1870-х гг. (начало распространения баптизма на юге России); 2 период: 1905–1917 гг. (распространение протестантизма во всех регионах России в легальных формах); 3 период: 1918–1929 гг. (протестанты пользовались относительно привилегированным положением); 4 период: 1940–1980-е гг. (гонения, нелегальное или полунелегальное существование протестантских общин); 5 период: конец 90-х гг. XX в. (распространение и рост протестантских общин в постсоветское время). Современные протестантские церкви активно занимаются социальным служением, благотворительной деятельностью среди социальных групп риска и малоимущих. Значимым становится вклад протестантской церкви в сохранение и возрождение духовно-нравственных ценностей, особенно семейных.

Ключевые слова: Россия, российское общество, постсоветский протестантизм, евангельские христиане.

Введение

Возрастающая потребность в возрождении и укреплении духовно-нравственных ценностей в нашей стране и активная роль христианства в этом, государственная политика по укреплению межрелигиозного и межнационального диалога, продолжающийся количественный рост евангельских церквей в XXI веке рассматриваются нами в качестве благоприятных условий для исследования феномена «постсоветский протестантизм» как неотъемлемой части религиозной жизни в России. Для осмысления современного этапа духовности необходим обзор публикаций, посвященных изучению роли и места протестантизма в общественной и личной жизни россиян. Актуальность исследования

также вызвана тем, что в 2023 году исполняется 95-летие Российской Церкви христиан веры евангельской пятидесятников, а в 2027 году крупнейшая протестантская/евангельская церковь будет праздновать 100-летие.

Материалы и методы

Материалы и методы. В исследовании проанализировано более 20 публикаций российских ученых (историков, социологов, религиоведов). Хронологический метод позволил рассмотреть особенности постсоветского протестантизма в их последовательности, динамике. Для уточнения смыслового значения понятия «постсоветский протестантизм» применялся метод репертуарной решетки.

Литературный обзор охватывает более двадцати научных публикаций, посвященных социологическим, историческим, религиоведческим аспектам изучения российского протестантизма. В рамках данной публикации проанализируем, как в научных статьях рассматривается понятие «протестантизм», каковы исторические этапы и направления развития российского протестантизма, как оценивается роль протестантизма в современном российском обществе.

Понятие «протестантизм». В анализируемых источниках мы увидели несколько трактовок понятия «протестантизм». Так, Р.Н. Лункин [7] отмечает, что протестантизм является самым большим и влиятельным религиозным движением в современной России. В основе данного утверждения приводятся факты: движение насчитывает до 10 тысяч общин и около 3 миллионов верующих (к 2014 г.), протестантские церкви активно занимаются социальной и благотворительной деятельностью.

По мнению М.А. Федорова [12], протестантизм представляет собой целостное направление в христианстве, обосновывающим конфессиональные вероучения с незыблемым подтверждением в канонических книгах Ветхого и Нового Заветов, отделением от традиции Римско-католической церкви, выраженным в пяти единствах: *Sola scriptura* («только Писанием»), *Sola fide* («только верой»), *Sola gratia* («только благодатью»), *Solus Christus* («только Христос»), *Soli Deo gloria* («только Богу слава»).

Ковальчук Ю.С. [6] обращает внимание на общинный характер протестантских церквей как позитивное явление в условиях дефицита общения в современном обществе, возможность получения личного религиозного опыта и акцент на полезные для общества ценности.

В диссертации Кляшева А.Н. [5] характеризуется этическая культура протестантизма - уважительное, добродушное отношение к национальным культурам.

Исследователи считают, что ведущими функциями протестантизма являются просветительская, аксиологическая, пропагандистская, охранительная, функция социализации личности, социокультурная, евангелизации [3].

Учитывая приведенные выше публикации, мы можем предложить следующее определение: протестантизм как христианское религиозное направление исповедует Никейский символ веры и следует пяти принципам реформаторского богословия; протестантизм как христианское религиозное движение ориентируется на социально-полезную деятельность, пропагандирует и соблюдает традиционные нравственно-этические ценности.

Исторические этапы и направления развития российского протестантизма. Развитие протестантизма в России связано с количественным ростом основных

деноминаций: лютеранство, баптизм, пятидесятничество. Так, до 1917 года подавляющее число протестантов принадлежали лютеранской церкви, церковь евангельских христиан-баптистов распространялась в советское время и в начале 1990-х годов, с конца 1990-х годов и по настоящее время самым динамичным современным протестантским направлением является церковь евангельских христиан-пятидесятников [8]. Обозначенные три периода развития российского протестантизма охватывают достаточно большие хронологические рамки.

Другие авторы выделяют пять периодов развития протестантизма в России [3]: 1 период: 1860–1870-х гг. (начало распространения баптизма на юге России); 2 период: 1905–1917 гг. (распространение протестантизма во всех регионах России в легальных формах); 3 период: 1918–1929 гг. (протестанты пользовались относительно привилегированным положением); 4 период: 1940–1980-е гг. (гонения, нелегальное или полулегальное существование протестантских общин); 5 период: конец 90-х гг. XX в. — наши дни (бурное распространение и рост протестантских общин). Эта периодизация более точно характеризует генезис протестантизма в России.

Отметим, что в обоих случаях выделен период постсоветского протестантизма – конец 1990-х годов. Постсоветский период в истории России связан с перестройкой-демократизацией, начавшимися масштабными переменами в идеологии, экономической и политической жизни СССР во второй половине 1980-х годов и распадом СССР в 1991 г.

Этапы и направления развития протестантизма в России в постсоветский период.

Развитие протестантизма в постсоветский период происходило по трём направлениям [7]:

1. легализация и обновление подпольных или полуподпольных церквей, существовавших в эпоху Российской империи и СССР (лютеране, баптисты, евангельские христиане, пятидесятники);
2. возрождение церквей, уничтоженных после революции 1917 года, на русскоязычной основе (Армия Спасения, методистская, евангелическо-реформатская);
3. появление новых миссий и движений (харизматы, евангелисты-кальвинисты, церкви уэслианской традиции и др.).

Рост протестантских церквей был особенно заметным в 1993–2004 гг. [6]. Хотя в регионах России количественный рост как верующих и религиозных объединений различается: например, в Башкортостане выделен период – с 1991 по 1999 гг., при этом в 1998–1999 гг. прирост составил более 135% [5].

Роль протестантизма в современном российском обществе. По мнению исследователей, протестанты за-

нимают лидирующее положение в сфере борьбы с социальными пороками, среди евангельских верующих больше всего тех, кто готов к самопожертвованию, к социальной работе, к занятию бизнесом, к соблюдению закона, к созданию многодетных семей и уважению традиционных семейных устоев [7].

Происходят изменения после «принятия Христа»: верующие ханты избавляются от вредных привычек: прекращают курить и употреблять алкогольные напитки, что одобряют даже светские критики протестантов [4].

Ю. С. Ковальчук [6] отмечает, что социальное служение протестантской церкви (помощь в больницах, детских домах и домах престарелых, организация реабилитационных центров и др.) рассматривается как форма проповеди.

Исследователи зафиксировали, что протестантские церкви занимаются разнообразной социальной и благотворительной деятельностью среди социальных групп риска и малоимущих. В качестве положительного социального эффекта отмечается, что евангельские церкви ведут работу с алкоголиками, наркоманами и бомжами. Протестантские церкви России в качестве одного из основных видов деятельности выделяют оказание помощи нуждающимся (65%) [10]. При этом расходы на социально-ориентированную деятельность, начиная от организации горячего питания до строительства домов милосердия, центров социальной помощи, покрываются за счёт пожертвований членов церкви.

Значимым становится вклад протестантской церкви в сохранение и возрождение духовно-нравственных ценностей: церкви ориентируют своих членов на создание крепкой семьи, деторождение, стремление к нравственной жизни [5]. Как отмечает Э.Г. Торушев, становясь протестантами, многие начинают отказываться от алкоголя, восстанавливаются семьи, люди получают моральную поддержку [11]. По материалам социологического исследования, проведенного в Дагестане [13], протестантские семьи стремятся являть собой образец семейных отношений, негативно относятся к разводам, культивируют трудолюбие и честность.

Отношение к протестантизму в России. Несмотря на миссионерский и социальный успех, протестанты не перестали рассматриваться сквозь призму «сектантства», «западных агентов», «пятой колонны», которая исповедует западническую идеологию, западный рационализм, который чужд евразийскому восточному православному сознанию. Такого рода обвинения в адрес евангельских церквей можно встретить в прессе со стороны журналистов, политиков, представителей РПЦ, патриотически и ксенофобски настроенной общественности, для них существование протестантов (кроме лютеран и консервативных баптистов) - неизбежное зло, а рост их влияния –

угроза [7]. Некоторые учёные заявляют, что закрепление позиций протестантизма в духовной жизни Бурятии привело к проблеме «духовной безопасности» [1].

Однако, в настоящее время российский протестантизм во многом утратил связь с западными течениями, у него есть свой самобытный характер. Его цели, ценности и функции направлены на служение обществу, призваны улучшать качество жизни людей. Протестантские церкви готовы активно участвовать в решении насущных проблем, переживаемых народом нашей страны. ... наиболее авторитетные из них могут и должны обрести статус социальных партнеров государственных институтов, вносящих весомый вклад в духовно-нравственное воспитание молодежи, преодоление детской беспризорности и безнадзорности, укрепление семьи, оздоровление нравственной атмосферы в обществе, формирование высоких стандартов деловой, хозяйственной и трудовой этики [3].

«Стереотипный образ протестантов - «сектантов» ... уже ушёл в прошлое». Хотя в российском массовом сознании этот образ частично удерживается, но явно не соответствует действительному облику большинства нынешних российских протестантов [8]. Поэтому эпитет «секты» по отношению к протестантским церквям научно несостоятелен и является политическим ярлыком, унаследованным от советского атеистического режима и средством межконфессиональной борьбы [9].

Результаты

Протестантизм в России представляет религиозное направление, исповедующее Никейский символ веры, придерживающееся пяти принципов реформаторского богословия, осуществляющее социально-полезную деятельность, пропагандирующее и соблюдающее традиционные нравственно-этические ценности.

Более точно характеризует генезис протестантизма в России пять периодов: 1 период: 1860–1870-х гг. (начало распространения баптизма на юге России); 2 период: 1905–1917 гг. (распространение протестантизма во всех регионах России в легальных формах); 3 период: 1918–1929 гг. (протестанты пользовались относительно привилегированным положением); 4 период: 1940–1980-е гг. (гонения, нелегальное или полуполегалное существование протестантских общин); 5 период: конец 90-х гг. XX в. (распространение и рост протестантских общин в постсоветское время).

Современные протестантские церкви активно занимаются социальным служением, благотворительной деятельностью среди социальных групп риска и малоимущих. Значимым становится вклад протестантской церкви в сохранение и возрождение духовно-нравственных ценностей, особенно семейных.

Обсуждение

В контексте вышеизложенного необходимо переосмыслить роль протестантизма в социально-культурной жизни современной России. Здесь будет уместным напомнить, что протестанты внесли огромный вклад в просветительскую деятельность в отдаленных регионах нашей страны. Так, в Забайкалье они участвовали в создании школ, где дети кроме общеобразовательных дисциплин изучали рукоделие, ремёсла, закон Божий, Библию. Например, в «Селенгинской академии для обучения молодежи языческих племен Сибири» дети и подростки изучали арифметику, геометрию, тригонометрию, алгебру, историю, логику, Священное Писание и русский, латинский, греческий, английский, древнееврейский, монгольский, тибетский, маньчжурский, бурятский языки. Почти все выпускники этих школ стали учителями в церковно-приходских школах. Некоторые стали главными тайшами хоринских бурят, заседателями Степных Дум, войсковыми начальниками, чиновниками уездных канцелярий, переводчиками и даже научными деятелями. Очевидно, стоит ожидать подобные шаги от современных протестантских церквей.

Протестанты всегда отстаивали традиционные ценности семьи, здоровый образ жизни, трудолюбие. Протестантские верующие выступают за полный отказ от сексуальных отношений до брака и вне брака, употребления алкоголя, табакокурения, сквернословия и других вредных привычек. Нередко верующие усыновляют или берут под опеку детей из детских домов и приютов, что является актуальным в современном положении вещей в вопросе сиротства и формировании семейных ценностей в обществе.

Члены протестантских общин проявляют активную включенность в жизнь общества и решение острых проблем, таких как наркомания и алкоголизм, беспорядочность, профилактика преступности, работа с заключенными в исправительных колониях. Методики работы постоянно совершенствуются, что позволяет охватить большее число граждан, нуждающихся в социальной помощи. Например, христианская пятидесятническая церковь «Спасение в Иисусе» является попечителем городского социального детского приюта в Чите, ее служители посещают детские колонии, ежегодно осуществляют раздачу продуктов малообеспеченным семьям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадулина С.З. Корейский протестантизм в Бурятии в 1990-2000-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии, № 4, 2015, С. 56-61.
2. Вершинина Н.А., Даутова О.Б., Лапшин С.В., Титовец Т.Е., Шилова О.Н. Характеристика понятийно-терминологических полей педагогики (по материалам современных научных публикаций) // ЧиО. 2020. №4 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-ponyatiyno-terminologicheskikh-poley-pedagogiki-po-materialam-sovremennyh-nauchnyh-publikatsiy> (дата обращения: 04.05.2023).
3. Грунт Е.В., Смирнова О.Г. Отношение россиян к протестантизму в современных условиях: региональный аспект // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. - 2017 год, №3(167). - С. 115-126.
4. Ключева В.П. Распространение протестантизма у коренных малочисленных народов (на примере хантов-пятидесятников) // Вестник археологии, антропологии и этнографии, № 4 (19), 2012, С. 133-141.
5. Кляшев А.Н. Протестантизм и неопротестантизм в постсоветском Башкортостане: трансформация конфессиональной идентичности: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.07. - Уфа, 2011. - 299 с.
6. Ковальчук Ю.С. Современные тенденции распространения протестантизма в России и миссионерские практики в среде коренных народов Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. - 2006. - № 3. - С. 87-92.
7. Лункин Р.Н. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен // Современная Европа. 2014. №3 (59). - С. 133-143.
8. Протестантизм: pro et contra [Текст]: взгляды и полемика отечественных авторов в XVI - начале XXI века: антология / [редкол.: Д.К. Бурлака (председ.) и др.]. - Санкт-Петербург: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2012. - 846 с.
9. Протестантизм в Тюменском крае: история и современность = Protestantism in Tyumen region: history and the present: [монография] / [М.Г. Агапов и др.]; под ред. И.В. Боброва; Ин-т истории и политических наук Тюменского гос. ун-та. - Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. - 219 с.
10. Татыева Е.В. Проблемы «Русского протестантизма» в постсоветской России // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история, № 5 (56), 2016, С. 9-14.
11. Торусhev Э.Г. Христианство в региональном социокультурном пространстве / Э.Г. Торусhev // Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX - начало XXI веков). Том Выпуск 3. - Горно-Алтайск: Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2018. - С. 95-107.
12. Федоров М.А. Конфессиональный диапазон протестантизма // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение, Вып. 38, 2021, С. 141-151.
13. Халидова О.Б., Шахбанова М.М. Социальный портрет дагестанских протестантов (по результатам социологического исследования) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология, Вып. 19, № 1, 2019, С. 62-67.

© Ястржембский Сергей Владимирович (mail@hve.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО КАК ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ РАСШИРЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

INFORMATION SOCIETY AS A CAUSE AND CONSEQUENCE OF THE EXPANSION OF THE EDUCATIONAL SPACE

M. Yatsenko
S. Zainulin
O. Morozova
G. Panasenko
S. Piskorskaya
D. Rakhinsky

Summary: The article deals with issues related to the influence of information on education. The role of information technologies as a way to expand the educational space is shown. The significant role of information technologies in the construction and development of the information society is described. In addition, the authors cite and describe the problems that arise in the information society and correlate them with the inherent expansion of the content of the modern educational space.

Keywords: information society, educational space, information technologies, education, information.

Яценко Михаил Петрович

доктор философских наук, профессор, Сибирский
федеральный университет (г. Красноярск)
mikhailyatzenko@yandex.ru

Зайнулин Сарвар Фахурдинович

кандидат медицинских наук, Красноярский краевой центр
медицинского образования
sergeyzaynulin@mail.ru

Морозова Ольга Федоровна

доктор культурологии, доцент, Сибирский федеральный
университет, (г. Красноярск)
ofmorozova@mail.ru

Панасенко Галина Васильевна

доктор философских наук, профессор, Сибирский
федеральный университет (г. Красноярск)
galina-panasienko@mail.ru

Пискорская Светлана Юрьевна

доктор философских наук, доцент, Сибирский
государственный университет науки
и технологий имени академика М.Ф. Решетнева
(г. Красноярск)

piskorskaya1@rambler.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович

доктор философских наук, доцент, Красноярский
государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого;
Красноярский государственный аграрный университет
siridar@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, посвященные влиянию информации на образование. Показана роль информационных технологий как способ расширения образовательного пространства. Описывается значительная роль информационных технологий в построении и развитии информационного общества. Кроме того, авторы приводят и описывают проблемы, возникающие в информационном обществе, и соотносят их с неотъемлемым расширением содержания современного образовательного пространства.

Ключевые слова: информационное общество, образовательное пространство, информационные технологии, образование, информация.

Если исходить из принятого определения, согласно которому образование – это процесс физического и духовного становления личности посредством процесса социализации, который всегда ориентирован на социальные эталоны, исторически зафиксированные в общественном сознании, то образование является неотъемлемой стороной жизни всех, без исключения обществ и индивидов. Именно поэтому образовательная сфера всегда рассматривалась как социальное явление, которое представляет собой целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах общества, госу-

дарства и самого человека.

Для современного мира характерно создание единого образовательного пространства, которое во многом обусловлено прозрачностью образовательных систем разных стран по отношению друг к другу. Под прозрачность понимается ситуация, когда итоговые документы об образовании любой страны носят универсальный характер, то есть по ним можно определить уровень и специализацию каждого выпускника. Другими словами, не только законодательная база не должна вызывать со-

мнения, но приложение к диплому любого выпускника должно однозначно указывать, в какой сфере он может быть применим с максимальной эффективностью.

Отличительной чертой любого образовательного процесса является то, что в нем используются, как правило, уже устоявшиеся знания и ценности, которые не в полной мере молодой человек сможет использовать в дальнейшей деятельности. Поскольку гипотезы и предположения не рассматриваются в школе и вузе, то наблюдается довольно заметный разрыв между собственно учебным материалом и современными научными разработками. Решение этой проблемы, по нашему мнению, состоит в перманентном обновлении материала, используемого в учебном познании исходя из ведущей гносеологической потребности человека в новых знаниях. Формирующееся информационное общество в какой-то мере способствует решению указанной проблемы, поскольку ускоренное обновление информационных технологий позволяет ускорить процесс познания, в том числе и за счет новых идей, которые пока носят гипотетический характер.

Образование обусловлено конкретной социокультурной ситуацией, потому что оно проявляет себя одновременно не только как форма общественного сознания, но также в качестве социального института, поэтому в информационном обществе определяющее значение приобретают такие понятия, как «образовательное пространство» и «образовательная среда». Они представляют интерес для анализа особенностей информационной политики, характеризующих современную образовательную сферу. В частности, стоит подчеркнуть, что технологические процессы в области образования намного опережают не только теоретико-философский, но и социально-психологический анализ новых явлений в современном обществе. Постепенное формирование транснационального образовательного пространства не должно отрицательным образом влиять на их национальную принадлежность, хотя совершенствование образовательного процесса связано с «...организацией новых образовательных учреждений, с приданием образовательных функций общественным учреждениям, с введением новых систем управления и финансирования, направлений и методов обучения» [10, с. 28].

Сегодня никто не осмелится сомневаться в том, что новые информационные технологии вносят неосценимый вклад в сохранение и передачу культурно-образовательных ценностей, позволяя при этом заметно повысить качество образования. «Информационная составляющая во многом определяет вектор образовательных процессов, оказывая решающее воздействие на социальные барьеры, которые ранее казались непреодолимыми» [13, с. 1583]. Все многообразие условий существования общества, которые включают в себя не только

исторические, но и социальные характеристики, задает основные параметры современного образовательного пространства. Подобный подход формирует специфику конкретной образовательной среды, понимаемой как система влияний и условий формирования личности по заданному образцу.

Электронное образовательное пространство за короткий период стало частью жизнедеятельности социума, разрывая при этом традиционные связи между государством, гражданским обществом и личностью. Необходимо учитывать тот факт, что уже имеющиеся в социуме противоречия, как правило, усиливаются в процессе информатизации, поскольку увеличение объема и качества информации приводит к заметному изменению классических функций основных субъектов образовательной сферы. Кроме того, резкое возрастание информационных потоков приводит к нарушению всей общественной ценностной шкалы, определяющей учебную и воспитательную сущность конкретной образовательной системы. Следствием подобных явлений становится отторжение и разрушение сложившейся системы образования, а на смену ей приходит более адекватная историческим условиям модель, которая претендует на доминирующее место в конкретном социуме. «Оценивая роль информационных технологий в современном глобальном образовании, важно учитывать, что феномен группового мышления определяется как стиль мышления людей, включенных в единую группу, где стремление к единомыслию важнее, чем реалистическая оценка возможных вариантов действий. Возникновение такого явления обусловлено воздействием на членов группы единообразной системы оценок, касающихся важнейших социально-исторических проблем и вопросов, привязанностью членов группы к определенной системе ценностей в образовательной системе» [4, с. 587]. Подобное взаимодействие элементов, которые в определенной степени относятся к образовательной сфере, может заметно изменить соответствующие представления о самой системе. «Результат в таких обстоятельствах закономерен: мы имеем не систему знаний, а их механическую совокупность, когда основной формой ответа становится перечисление, без всякой попытки систематизации категорий и понятий» [16, с. 1385].

Внедрение информационных технологий в образование способствовало решению острой проблемы, касающейся избавления от педагогического консерватизма, базирующегося на старых, традиционных методах обучения, а это часто провоцирует инертность перехода к информационному образованию, ориентирующегося на современные достижения экономики, науки и педагогической мысли.

Достигнуть оптимального сочетания традиционных и инновационных подходов в образовательной

сфере пока не удастся, поэтому в учебных планах, разработанных по новым образовательным стандартам, проявляются в ангажированном субъективизме. «В школьных учебниках применяют эгоцентрический подход. Детей больше обучают предъявлять претензии по поводу своих прав (в том числе и к родителям, учителям), нежели объясняют степень ответственности за свои поступки. В связи с этим в образовательные темы необходимо включить вопросы диалектики прав и обязанностей, свобод и ответственности детей и подростков за свои поступки. На уровне профессионального юридического образования следует показать разные варианты решения проблемы прав человека в разных социокультурных традициях; обучить будущих специалистов интеграционным подходам в решении сложных вопросов как на государственном, так и международном уровнях. В учебных курсах необходимо раскрыть диалектику сложных трансформаций в конструкциях правовых концепций и в юридических вопросах решения множества конкретных дел по правам человека» [12, с. 1160].

Важный аспект исследования особенностей взаимодействий между новым образовательным пространством и формирующимся информационным обществом состоит в том, что используемые в образовательном процессе компьютерные технологии в своей начальной форме были ориентированы на доминирование диалоговых форм постижения нового материала, что приводило к укреплению коммуникационных связей в пределах конкретного образовательного заведения. Исторический опыт дает основания утверждать, что информационная политика в области образования, как правило, ориентирована на формирование эффективной образовательной среды, которая в перспективе создает условия для создания образовательного пространства, соответствующего данному социуму.

Классическая субъект-объектная система в образовании подвергается определенной трансформации из-за огромного потока информации, что значительно затрудняет восприятие учебного материала и оказывает заметное влияние на качество учебной продукции. Эффективность образовательного процесса в современном мире также во многом зависит от способности преподавателя совмещать различные методики, потому что новейшие информационные технологии во многом противоречат классическим подходам к постижению новых знаний. Важным шагом этом пути является переход от дискретного понимания общества, которое традиционно описывается в таких категориях, как «культура», «цивилизация», «глобализация», к системному восприятию его в качестве динамичного социального организма. При таком подходе общество «через призму культурно-цивилизационного развития, в том числе и на глобальном уровне» [18, с. 43].

Формирующееся информационное общество выступает не только причиной, но также следствием расширения образовательного пространства, однако проблема состоит в том, что отечественная образовательная политика во многом ориентирована на западные образцы, а там содержание образовательной деятельности является результатом свободного выбора индивида, а ответственность за мир не является актуальной. При подобном подходе «всеобщий и обязательный принцип образования – это не вопрос социальной справедливости, равенства возможностей склонности к коммунизму или еще какой-нибудь лозунговой мишуры. Это вопрос максимально эффективного применения в народном хозяйстве любого человека – независимо от материального положения, социального статуса и места жительства его родителей. Можно даже сказать, что это и есть «прагматизация» образования, только в нормальном понимании, а не в ныне практикуемом. «Сейчас, когда формируется новая информационная цивилизация, процессы интеграции различных областей человеческой деятельности обуславливают большие изменения в схеме взаимодействия человека и общества. Меняется не только сама социальная система, меняется также и соотношение зависимости личности и общества в данной социальной системе. Иногда это влечет за собой иллюзию свободу личности, в то время как ее действия все больше и больше регламентируются обществом, путем предоставления симуляции выбора модели собственного поведения» [15, с. 69].

Расширение образовательного пространства непосредственным образом влияет на степень совершенства формирующегося информационного общества, поэтому любые действия по организации хаотических потоков информации, предпринимаемые в образовательной сфере, должны исходить из общенациональной идеи. Этот вопрос представляет особую важность в контексте степени устойчивости не только конкретного общества, но также в плане потенциальной угрозы социальных трансформаций. Новейшие информационные технологии активизирует весь инструментарий трансляции знаний, изменяя при этом определенные характеристики той информации, которая выступает в качестве своеобразного передаточного механизма для перевода информации в новое знание. Для этого в образовательной сфере используются те каналы передачи информации, которые не могли быть актуальными в докомпьютерную эпоху. Освоение резко возросших объемов информации предполагает изменение многих подходов к преподаванию, что возможно только при гармоничном сочетании традиционных подходов и использовании новейших информационных технологий в обучении.

Активное применение информационных технологий создает условия для расширения образовательного пространства, а также способствует активизации гражд-

дан на определенном социальном пространстве, формируя новые коммуникации. На следующем этапе активные граждане благодаря новейшим информационным технологиям начинают оказывать заметное влияние на власть, вынуждая их совершенствовать управленческие механизмы.

Осознание того факта, что информационное общество выступает одновременно причиной и следствием расширения образовательного пространства, дает понимание того факта, что именно в информационных ресурсах заложена универсалистская динамика социальных процессов. Мы согласны с Н.П. Кузнецовой, «это проявляется в том, что большинство сообществ поддерживают общечеловеческие ценности, которые представляются актуальными (право на жизнь и т.п.), однако, например, право народов на культурное и политическое самоопределение может по-разному восприниматься в самых различных социальных системах. Это обусловлено многими факторами, поскольку формирование указанных ценностей происходит в определенной духовной атмосфере, где они играют роль своеобразных культурных констант, конструктивно существующих в рамках самосознания наций и народов, которые являются достоянием не только конкретной личности, но также определенной национальной культуры» [5, с. 128]. Именно поэтому обесмысливание их приводит к крушению системы устоявшихся ценностей и представляет собой катастрофу современного человечества, потому что это способствует утрате всего спектра чувств по отношению не только к прошлому, но и настоящему. Благодаря информационным технологиям сегодня наблюдается ускорение подобных процессов, в полной мере отражаясь на образовательной системе. Ценностные трансформации в первую очередь затрагивают духовную сферу, что значительно усугубляет чувство трагичности происходящего, влияя на мировоззренческие ориентиры подрастающего поколения. Именно в этом направлении наиболее ярко проявляется тот факт, что информационное общество выступает одновременно причиной и следствием расширения образовательного пространства, потому что духовная катастрофа, как свидетельствует историческое прошлое, предшествует другим социальным катастрофам. Трансформация социальных ценностей и падение их привлекательности, как свидетельствовала история, характерна не только для целых народов, но также и отдельных индивидов, ведь любая система ценностей создается самими людьми. «С целью устранения противоречий и снятия парадоксальных явлений в образовании и социуме существует необходимость выработки системных ценностей, поскольку система всегда побеждает проявления персонализма, и новая идеология общества может вырасти из системы ценностей. Активное распространение русского языка в мировом (образовательном, массмедиа, культурном и др.) пространстве; преодоление российской образовательной

изоляции со всем миром также будут способствовать участию России в создании мирового образовательного пространства» [20, с. 112].

Естественно, что единства информационно-образовательного пространства можно достичь только в случае гармоничного объединения информации на традиционных и электронных носителях, а также компьютерно-телекоммуникационных технологий. Однако для возрождения высокого авторитета отечественного образования не менее важны взаимодействия с виртуальными библиотеками, а также учебно-методическими комплексами, формирующимися на основе расширенного дидактического аппарата. Когда мы отмечаем роль информационного общества в расширении образовательного пространства, мы подразумеваем определенный спектр новых отношений внутри образовательного сообщества, которые обусловлены не только доступностью программного обеспечения, но также оперативностью освоения новых технологий. На данной основе создаются условия для формирования виртуальных субъект-объектных отношений в образовании. «Вызовы времени заставляют переосмыслить роль системы образования в процессах реконструкции индустрии и перехода к шестому технологическому укладу, что требует по-новому взглянуть на задачи построения «цифровой» экономики и специфику подготовки современных трудовых ресурсов, в том числе инженерных и гуманитарных кадров. Наиболее востребованными в ближайшем будущем станут профессии в области высоких технологий, среди них – индустрия больших чисел и их обработка, искусственный интеллект... В будущем наибольшего результата следует ожидать тех, кто работает на стыке наук, так как границы между отраслями знаний размываются» [21, с. 2447].

Если причиной и следствием расширения образовательного пространства выступает информационное общество, то важно адекватно оценить причины усиливающегося разрыва между разными поколениями россиян. Дело в том, что одним из самых опасных направлений информационной войны является попытка позиционирования советской истории как «потерянного прошлого», а также отторжения ее от истории «мировой цивилизации». Внушаемое при помощи новейших информационных технологий уже на школьном уровне чувство неполноценности отечественного бытия базируется на девальвации ценностей, которые отложились в истории, что способствовало девальвации долгосрочных целей. Дело в том, что на уровне массового исторического сознания сформировались условия, приведшие к нарушению преемственности между прошлым, настоящим и будущим, поэтому целые поколения постепенно утрачивали смысл своего существования. Так, М.И. Лыскова считает, что «результатом господства подобных тенденций стало несколько опасных последствий, свя-

занных с пренебрежением к моральным нормам жизнедеятельности общества, утратой уважительного отношения к историческому прошлому, а также фактическим отсутствием в обществе патриотического воспитания» [8, с. 75]. А. Гулыга в этой связи справедливо подчеркивает: «Русская идея всеобщего спасения родилась из катастрофического прошлого страны. Сегодня весь мир, несмотря на видимое благополучие, сползает к катастрофе. Поэтому опыт России преодолевать беду важен для всех. Точнее – для тех, кто эту беду предчувствует и убежден, что ее можно избежать. Для тех, кто полагает, что пока растет производство и благополучно работает полиция, ничего дурного не произойдет, для тех русская идея не существует» [2, с. 21].

Новое мировоззрение, которое стало результатом внедрения новейших информационных технологий, должно охватывать широкий диапазон социального и природного бытия, а также пересмотр многих гносеологических механизмов. Многогранное и всеохватывающее отображение мира, который презентуют новейшие информационные технологии, проявляются также в многообразии категориальных смыслов «мировоззрения». С.П. Мякинников справедливо обращает внимание на тот факт, что для решения все усложняющихся задач необходимо разрабатывать особую методологию формирования теоретических оснований целостного мировоззрения [9, с. 8]. При этом образовательная система призвана воспитывать личностей, способных отыскивать адекватные ориентиры в хаотических информационных потоках, ведь «...осознание индивидом своего отличия от любого другого объекта как субъекта требует познания не только свойств этого другого, но и собственных, а также способность соотносить их друг с другом... Эта процедура позволяет ему обнаружить свою соразмерность или несоответствие с этим объектом до непосредственного контакта с ним» [6, с. 124]. Развивает этот тезис Е.В. Никитенко: «Отношение Я и Другой – основа проблемы персональной идентичности, но в глобальном понимании персональная идентичность, раскрывающаяся через отношение к Другому, может быть представлена в качестве социокультурной идентичности общества, поиском которой и занимались евразийцы. Необходимым условием обретения идентичности становится коммуникация, основанная на взаимопонимании, взаимодействии Я с Другим» [11, с. 189].

Важно выработать такой гносеологический алгоритм, который гарантирует оперативный доступ к значимой информации, а также создает возможность для новых коммуникаций внутри формирующихся образовательных пространств. При этом необходимо учитывать, что понятия «среда» и «пространство» не тождественны, поскольку среда рассматривается как данность, которая не является результатом определенной деятельности конкретного человека, а пространство появляется в ре-

зультате освоения субъектом этой данности. Учитывая указанные факторы, образовательное пространство необходимо рассматривать как системную совокупность реальных взаимодействий человека с действительностью, которая дана субъекту посредством восприятия и действия. В последние десятилетия понятие «мировое образовательное пространство» также получило распространение. Так называют совокупность всех образовательных и воспитательных учреждений, а также научно-педагогических центров и общественных организаций, занимающихся просвещением не только в разных странах, но также и в планетарном масштабе. Причем мировое образовательное пространство представляет собой не только определенное количество социальных институтов, но подразумевает сложную систему их взаимовлияний и взаимодействий в условиях интенсивной интернационализации различных сфер общественной жизни.

Постоянно расширяющееся образовательное пространство ставит новые задачи перед субъектами, имеющими отношение к учебно-просветительской деятельности, а также перед Россией, которая стремилась аккумулировать положительный опыт Запада и Востока. «Не исключено, что России действительно придется искать свой путь, причем именно тогда, когда она совершено к этому не стремится, если, разумеется, ставится задача занять хоть сколько-нибудь достойное место в мире» [19, с. 19].

Многие ученые констатируют, что в современном мире наблюдается отставание философского осмысления проблем образования от интенсивно развивающихся информационных технологий. Сложившаяся ситуация во многом детерминирует проблемы информатизации образования, преодоление которых представляется первостепенной задачей для становления образовательной системы информационного общества. В данной связи необходимо подчеркнуть еще одну черту современности: технический прогресс «не признает цивилизационных границ и игнорирует фактор «отсталости» стран и регионов» [17, с. 88]. Вот почему, если рассматривать информационное общество в качестве одновременно причины и следствия расширения образовательного пространства, то необходимо решать задачи, связанные с устойчивостью не только конкретных социумов, но и всего, общечеловеческого образовательного пространства. Достичь целей устойчивого развития крайне непросто, если основываться на первоначальном определении устойчивого развития, когда в качестве его цели подразумевалось сохранение потребительских возможностей, которые существуют сегодня в развитых странах, и для будущих поколений

Расширение образовательного пространства выдвигает на одно из первых мест аксиологический фактор,

и его актуализация обусловлена тем, что учащийся вынужден ответственно подходить к выбору своих мировоззренческих ориентиров для решения проблем, связанных с культурной и национальной идентичностью. Имеется в виду не только определение молодыми людьми своего места в конкретном обществе, но также выработка собственного отношения к социальным процессам, которые происходят в информационном обществе и на всем, значительно расширившемся образовательном пространстве. Интернационализация образования, являющаяся важной составляющей информационного общества, приводит к серьезной трансформации конкретных образовательных систем, хотя она направлена на их сближение. Подобные тенденции в полной мере отражаются на самореализации выпускников, потому что «профессиональное образование – целенаправленный способ социализации человека, поскольку оно предполагает как получение общего, среднего, высшего образования (бакалавриата, магистратуры), так и овладение знаниями, навыками определенной профессиональной деятельности. При этом профессиональное образование способствует развитию природных способностей человека и последующей их реализации в выбранной сфере» [1, с. 1595].

Еще один важный аспект, характерный для образования в информационном обществе, обусловлен тем, что в современном мире возникает противоречие между потребностями духовно развитой личности и объективными процессами в обществе, затрудняющими ее развитие. Следствием подобных тенденций является доминирование технократического мышления, которое признает жесткую зависимость всех социальных феноменов от инновационных технических открытий. При таком подходе человек превращается из потенциального творца в объект для манипуляций, поскольку он лишается возможности учащегося действовать согласно своей свободе

воли, освобождая личность от ответственности за свое поведение и деятельность. Результатом подобной образовательной политики становится господство системы влияний и условий формирования личности по заданному образцу, что и формирует специфику конкретной образовательной среды, понимаемой в контексте расширяющегося образовательного пространства.

Если рассматривать информационное общество как причину и следствие расширения образовательного пространства, то также важно учитывать, что путь движения к истине заметно различается на Западе и Востоке, потому что практика познания определяется в первую очередь многообразием форм духовного и культурного опыта. В этой связи на сегодняшний день востребовано более глубокое исследование сходств и отличий, которые свойственны и являются определяющими для различных традиций в определении путей достижения субъектности в результате расширения образовательного пространства. Указанный тезис в полной мере касается системы отечественного образования, потому что «теоретические корни Евразийского экономического союза лежат в позиционировании нового евразийства в отношении российской цивилизации, геополитики и национальной идентичности» [7, с. 88].

Таким образом, если рассматривать информационное общество как причину и следствие расширения образовательного пространства, то это способствует адекватному пониманию особенностей современного информационного общества, с одной стороны, и определяет политику в образовательной области, с другой. Именно на этом пути образовательное пространство, расширяющееся под влиянием новейших информационных технологий, может способствовать формированию социально ориентированного информационного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегалинова К.К. Современное профессиональное образование через призму конкурентоспособности / К.К. Бегалинова, М.С. Ашилова // *Профессиональное образование в современном мире*, 2018. – Т. 8. – № 1 – С. 1593-1597.
2. Гулыга А.В. Творцы русской идеи / А.В. Гулыга. // М.: Молодая гвардия, 2006. – 316 с.
3. Король, Л.Г. Динамика социально-демографической ситуации Красноярского края / Л.Г. Король, И.В. Малимонов, Д.В. Рахинский, И.Г. Синьковская // *Казанская наука*, 2014. – № 11. – С. 268-270.
4. Кудашов, В.И. Влияние информационных технологий на формирование нравственных основ глобализационного образования / В.И. Кудашов, С.И. Черных, М.П. Яценко, Д.В. Рахинский // *Профессиональное образование в современном мире*, 2016. – Т. 6. – № 4. – С. 583-592.
5. Кузнецова, Н.П. Устойчивое развитие и концепция государства благосостояния в условиях глобализации / Н.П. Кузнецова // *Философия человека в историческом контексте: сборник научных статей*. – СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 123-132.
6. Кушелев, В.А. Аксиологическая природа самосознания / В.А. Кушелев // *Философия образования*, 2014. – № 3 (54) – С. 115-128.
7. Лишуан, Г. «Экономический пояс шелкового пути» и евразийский экономический союз: особенности, преимущества, конкуренция / Г. Лишуан // *Век глобализации*, 2021. – № 1 (37). – С. 87-102.
8. Лыскова, М.И. Патриотизм и патриотический китч / М.И. Лыскова // *Теория и история*, 2007. – № 1 (10). – С. 73-78.
9. Мякинников, С.П. Основные аспекты архитектоники мировоззрения как социального феномена / С.П. Мякинников // *Вестник Челябинского государственного университета*, 2013. – № 33 (324). Философия. Социология. Культурология. Вып. 30. – С. 7-15.

10. Наливайко, Н.В. Глобализация и изменение ценностных ориентиров российского образования / Н.В. Наливайко // *Философия образования*, 2012. – № 6 (45). – С. 27-32.
11. Никитенко, Е.В. Историсофские идеи евразийства в свете поиска аксиологических оснований в построении инклюзивного образования / Е.В. Никитенко // *Философия образования*, 2014. – № 3 (54). – С. 183-192.
12. Паршиков, В.И. Трансформация прав человека в обществе и в юридическом образовании / В.И. Паршиков, Ю.В. Табакаев, Н.Н. Краснова, К.А. Кузьменко // *Профессиональное образование в современном мире*, 2017. – Т. 7. – № 3. – С. 1156-1162.
13. Пфаненштиль, И.А. Информационные аспекты управления образованием / И.А. Пфаненштиль, М.П. Яценко // *Профессиональное образование в современном мире*, 2018. – Т. 8. – № 1. – С. 1581-1586.
14. Рахинский, Д.В. Социологическое исследование самосохранительного поведения студенческой молодежи / Д.В. Рахинский, Л.Г. Король, И.В. Малимонов // *Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы X международной научно-практической конференции, Курск, 2015.* – С. 332-337.
15. Сайкин, Е.А. Социальные роли и многомерность личности / Е.А. Сайкин // *Идеи и идеалы*, 2010. – Т. 2. – № 3 (5). – С. 68-73.
16. Сегал, А.П. «Образ будущего» или виртуальная реальность? О пространстве формирования личности / А.П. Сегал // *Профессиональное образование в современном мире*, 2017. – Т. 7. – № 4. – С. 1380-1387.
17. Солдатов, А.А. Новые социальные группы как фактор политической дестабилизации в современном социуме / А.А. Солдатов // *Дискурс*, 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 82-91.
18. Чумаков, А.Н. Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире / А.Н. Чумаков // *Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика*, 2018. – № 1. – С. 30-44.
19. Шупер, В.А. Россия в глобализированном мире: альтернативы развития / В.А. Шупер // *Вопросы философии*, 2008. – № 12. – С. 3-21.
20. Яковлева, И.В. Аксиологические противоречия современного образования и социокультурных реалий / И.В. Яковлева // *Философия образования*, 2018. – № 4 (77). – С. 103-113.
21. Яковлева, И.В. Безопасность российского образовательного пространства: аксиологическое содержание концепции / И.В. Яковлева // *Профессиональное образование в современном мире*, 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 2443-2450.

© Яценко Михаил Петрович (mikhailyatzenko@yandex.ru), Зайнулин Сарвар Фахурдинович (sergeyzaynulin@mail.ru), Морозова Ольга Федоровна (ofmorozova@mail.ru), Панасенко Галина Васильевна (galina-panasienko@mail.ru), Пискорская Светлана Юрьевна (piskorskaya1@rambler.ru), Рахинский Дмитрий Владимирович (siridar@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сибирский федеральный университет

Наши авторы

Сяо Хе – graduate student, Moscow State University M.V. Lomonosov

Erdyneeva C. – doctor of pedagogical sciences, professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok

Frolova M. – candidate of sociological sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok

Galimova N. – Candidate of Cultural Studies, Associate, Cultural Studies of the North Caucasus State Institute of Arts

Kirillova N. – Doctor of Cultural Studies, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Klochkov S. – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Klochkov V. – doctor of pedagogical sciences, professor, Chelyabinsk State University, Russian Federation; Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Kreker M. – Master, Moscow Pedagogical State University

Ledentsova S. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Surgut State University

Morozova O. – doctor of cultural, associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Motin D. – post-graduate student, Institute of Contemporary Art, Moscow

Namzhilova E. – Postgraduate, Transbaikal state university, Chita

Nazirova E. – Psychologist of the Department of organization of professional psychological selection and support of educational institutions of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Regional Center for Psychological Work

Netrebskaya O. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Our authors

Ostrikova M. – Postgraduate student, Moscow State Institute of Culture

Panasenko G. – doctor of philosophy, professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Piskorskaya S. – doctor of philosophy, associate professor, Siberian State University of Science and Technology named after academician M.F. Reshetnev (Krasnoyarsk)

Rakhinsky D. – doctor of philosophy, associate professor, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voino-Yasenetsky; Krasnoyarsk State Agrarian University

Samoylov D. – employee, Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (National Research University), Moscow

Smirnov S. – PhD in Philosophy, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Yelabuga Institute

Trusova E. – Pacific State University, Senior Lecturer of the Department of Psychology

Tsvetkova N. – Ph.D. in Psychology, Docent, Moscow Pedagogical State University

Vlasenko K. – Graduate student, RGPU them. Herzen (Institute of Philosophy of Man)

Wang Chunhong – Associate Professor, Jilin Normal University (Siping, China)

Wang Haifeng – lecturer, Heihe University

Xie Hui – Professor, Heihe University

Yastrzhembsky S. – Rector, Religious organization – spiritual educational organization of higher education Moscow Theological Institute of Christians of Evangelical Faith

Yatsenko M. – doctor of philosophy, professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Zainulin S. – candidate of medical sciences, Krasnoyarsk Regional Center of Medical Education

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).